

www.ifes-ras.ru/js

***ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ***
2017, №4

日
本
研
究

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все статьи рецензируются.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77 - 68910

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Отрасли науки:

- 07.00.00 Исторические науки и археология
- 08.00.00 Экономические науки
- 23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачёв С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мазурик В.П., к.филол.н.; Мешеряков А.Н., д.и.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Стрельцов Д.В. (главный редактор), д.и.н.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симомаи Нобуо, проф. (Япония); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакция: Белилина Е.В.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Овчинникова Л.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (зав. редакцией)

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН
© Ассоциация японоведов

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Саркисов К.О. Японская интервенция в Сибири. Прелюдия (Часть 2)	5
Симонова Е.В. Рётаро Сиба, Дональд Кин. Японцы и японская культура (Глава 3)	19
Лебедева И.П. Япония: общество среднего класса	33
Карташов К.М. «Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями о разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег» как источник по экспедиции А.К. Лаксмана (1792–1793 гг.)	50
Герасимова М.П. Имплицитность японского искусства. Причины и следствия.....	62
Кистанов В.О. Парламентские выборы в Японии: мотивы, итоги, последствия.....	80
<i>Научная жизнь</i>	
Симонова-Гудзенко Е.К. Японоведение в Европе: личности и институции.....	92
Нечаева Л.Т. О международной конференции преподавателей японского языка.....	100
<i>Книжная полка</i>	
Катасонова Е.Л. Рихард Зорге: взгляд из XXI века	106
<i>К юбилею учёного</i>	
Бакшеев Е.С. Учёный, опередивший своё время: к 125-летию со дня рождения Н.А. Невского (1892–1937).....	116
Патина памяти. Интервью с Константином Оганесовичем Саркисовым.....	140
Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2017 год.	165

CONTENTS

P.

Sarkisov K.O. Japan's Intervention in Siberia. Prelude (Part 2)	5
Simonova E.V. The People and Culture of Japan (Chapter 3). Conversations between Donald Keene and Shiba Ryotaro.....	19
Lebedeva I.P. Japan: Society of middle class	33
Kartashov K.M. «The Journal of the Russian Expedition to Japan with the Attachment of the Correspondence between the Head of the Expedition and the Coastal Authorities concerning the Permission to Enter Japanese Ports and Disembark the Crew» as a Primary Source on Adam Laxman's Expedition (1792–1793).....	50
Gerasimova M.P. The Implicitness of Japanese Art. Causes and Consequences.....	62
Kistanov V.O. Parliamentary elections in Japan: Motives, Outcomes, Consequences.....	80
<i>Academic Events</i>	
Simonova-Gudzenko E.K. Japanology in Europe: Individuals and Institutions.....	92
Nechaeva L.T. On the International Conference of Teachers of Japanese Language.....	100
<i>Book Review</i>	
Katasonova E.L. Rihard Zorge: Casting a glance from the 21 st Century.....	106
<i>Scholar's Jubilee</i>	
Baksheev E.S. A Researcher Ahead of His Time: on the Occasion of the 125th Anniversary of Nikolai A. Nevsky's (1892-1937) Birth. New Findings, Publications, Research	116
Patina of my Memory. Interview with Konstantin O. SARKISOV	140
The Bibliographic List of Publications in “Japanese studies in Russia” for 2017	165

Японская интервенция в Сибири. Прелюдия

(Часть 2)^{*}

К.О. Саркисов

Японская интервенция в Сибири (1918–1922) – одна из мрачных страниц не только в истории двусторонних отношений, но и внешней политики самой Японии. Японские, американские и советские архивные данные дают картину того, как это всё начиналось и что двигало теми, кто решился на эту авантюру.

Ключевые слова: революция, Дальний Восток, Чехословацкий корпус, бессилие оппозиции, Гото Симпэй, Чичерин.

До военной интервенции было ещё далеко. Союзники не могли договориться между собой, а главное – всё ещё надеялись найти общий язык с большевиками – единственно реальной силой в рухнувшей империи, которая могла быть обращена против Германии. Одновременно они продолжали снабжать деньгами и оружием разрозненные оппозиционные группы.

Проблема была найти фигуру, которая могла бы если не объединить всех, то обладать авторитетом, чтобы стать в центре антибольшевистского движения. Атаман Семёнов, имевший несомненное влияние в Забайкалье, давно получал деньги и оружие от французов и англичан, но на эту роль явно не годился – ни тогда, ни потом, хотя как-то в тяжёлую минуту Колчак вынужден был поставить его вместо себя. В начале апреля японцы всё ещё присматривались к Хорвату, прикидывая, насколько это серьёзная фигура для такой масштабной роли, как альтернатива Ленину.

Чтобы ускорить решение вопроса, в Токио из российской миссии в Пекине был командирован первый секретарь Владимир Владимирович Граве, о чём Хорват сообщил на очередной встрече с японским консулом в Харбине 6 апреля 1918 г. Сато, в телеграмме Мотоно, просил как можно внимательнее отнестись к Граве, чтобы продемонстрировать желание Японии помочь «здоровым силам» в России. *Насколько он знает, японская армия скоро определится в данном вопросе, и он просил Мотоно поторопиться с решением правительства* [1, с. 511].

Но Токио действовал осторожно – ставки были слишком высоки. Реализовывалась первая часть доктрины Мотоно – прежде всего, договориться с Пекином. Так как интересы

---

^{*} Окончание. Начало см.: Японские исследования. 2017. № 3. С. 16–32.

сторон совпадали, то 16 мая 1918 г. и было подписано двустороннее соглашение о военном и военно-морском сотрудничестве:

1. *Когда бы это ни произошло, если стороны посчитают, что общий мир и безопасность в регионе Дальнего Востока находятся под угрозой распространения здесь влияния Германии, они совместно рассмотрят меры, необходимые для преодоления проблем в создавшейся ситуации.*

2. *Средства и условия такого сотрудничества должны решаться компетентными органами двух стран при общем согласии сторон.*

Отдельной нотой Япония подтверждала, что срок действия соглашения будет определён военными, а также заявляла об *обязательстве вывести свои войска сразу после выполнения целей данного соглашения, как только прекратятся военные действия* [2, с. 287, 288, 302].

В те же майские дни 1918 г. шли интенсивные переговоры о начале японской интервенции на Дальнем Востоке. Идея односторонней японской акции вновь натолкнулась на явное нежелание американцев допустить это. Президент Вильсон всецело поддержал бы план введения в Сибирь большого контингента японских войск, чтобы сковать германцев и повлиять на ситуацию в европейской войне, однако опасается, что это же «бросит россиян в объятия немцев», говорил он 30 апреля на встрече с японским послом Исии [3, с. 794].

Однако события в России торопили с принятием решения. Колонна Чехословацкого корпуса, сформированного ещё при Временном правительстве для войны с Германией, в десятках составов по 40 вагонов в каждом по соглашению с большевистским правительством, заключённому в конце марта, к началу июня 1918 г. растянулась на тысячи километров по железной дороге от Пензы в сторону Владивостока, скапливаясь в крупных населённых пунктах. Медленное продвижение со всеми трудностями долгого пути в условиях разрухи привели к конфликту с большевиками, и в конце мая шли уже бои корпуса с Красной армией.

Появление на политическом поле нового игрока вносило коррективы в идеологию предстоящей интервенции. Теперь от союзников просили помощи чехословацкие части. Страны Антанты и США выступили в их поддержку. 3 июня Фрэнсис из Вологды телеграфировал Лансину, что отдал распоряжение генеральному консулу в Москве заявить Советскому правительству, что принятое им решение о разоружении корпуса будет рассматриваться Соединёнными Штатами как действия, инспирированные Германией и направленные против всех стран-союзниц [4, р. 188]. И на следующий день, помимо одобрения, он получил из Вашингтона концепцию плана иностранной интервенции. Ключевым был вопрос о японском участии. Начиная с января при обсуждении возможной интервенции главной заботой было не допустить единоличного японского вмешательства. Но Лансинг в телеграмме обращал внимание Фрэнсиса на то, что преобладающее японское участие неизбежно из-за отсутствия судов в Тихом океане, способных перебросить большое количество американских войск и снаряжения [4, р. 189].

Долгожданные перемены в позиции США и ухудшавшаяся ситуация на фронте – в результате боёв во второй половине мая и начале июня германские войска вышли к Марне в десятках километров от Парижа – подстегнули Англию, Францию и Италию в Верховном военном совете в Версале 3 июня принять решение о вооружённом вмешательстве в дела России и приглашении к участию в нём Японии. В меморандуме министра иностранных дел

Англии Артура Бальфура, врученном 8 июня японскому послу в Лондоне Тинда, было три условия:

- 1) союзники обещают уважать территориальную целостность России;
- 2) заявляют, что они не принимают чью-либо сторону во внутренней политике России;
- 3) союзные войска в России продвигаются насколько возможно на Запад с тем, чтобы войти в соприкосновение с австро-германскими войсками и нанести им поражение, вынудив их вернуть на восток дивизии с западного фронта.

Последнее условие не имело отношения к Японии, и Тинда в разговоре с Бальфуром интересовали другие вопросы. Главным было, почему в меморандуме не упомянуто о «лидирующей роли» Японии, о чём английский министр прежде неоднократно ему говорил. Бальфур возражал, что это и так очевидно [3, с. 822–825].

В ответной ноте от 21 июня, полностью соглашаясь с первыми двумя условиями, Япония заявляла, что хотела бы ограничить своё участие в экспедиции районом Восточной Сибири, а также, учитывая географическую близость и намерение направить наибольшее число войск, считает себя вправе претендовать на то, чтобы главнокомандующим войск при совместных действиях был бы назначен японец [3, с. 843, 844].

Этот ответ готовился в Токио около двух недель. Здесь обдумывали, как сформулировать свои условия, чтобы не натолкнуться на американское противодействие. Сверхчувствительность к позиции США в японской дипломатии стала заметной после прихода Гото Симпэй на пост министра иностранных дел. Он сменил Мотоно, покинувшего министерское кресло из-за тяжёлой болезни, хотя в газетах писали, что более серьёзной причиной, чем болезнь, была его неудачная попытка уговорить правительство на интервенцию ещё весной [5; 20 апреля 1918 г.].

Сомнения в отношении интервенции были и у японской общественности, а также в некоторых политических кругах. Уже в начале марта в правящей партии Кэнсэйкай энтузиазм сменился неуверенностью и пессимизмом, а в главной оппозиционной партии, Сэйюкай, – призывами к правительству не допускать легкомысленных поступков и проявлять сдержанность [5; 3, 9 марта 1918 г.].

После своего водворения в министерском кресле двухэтажного особняка на Касумигасэки 27 апреля 1918 г. Гото признавался английскому послу в Токио, что он *хотел бы пересмотреть всю политику в вопросе об интервенции в Сибири* [4, р. 196]. Он стал практиковать постоянные встречи с американским послом Моррисом, которому «конфиденциально» сообщал о некоторых нюансах в принятии решений японским правительством, и который об этом писал Лансину [4, р. 220]. Амплуа «информанта» иностранных послов Гото играл не впервые: с успехом он играл эту роль в прошлом с российском послом Малевским.

В сопроводительной записке к упомянутой ноте Гото Симпэй поручал Тинда сказать устно Бальфуру, что для Токио очень важно американское согласие на совместную интервенцию, и он против давления на Вашингтон в этом вопросе. К тому же, как выяснилось, согласие Вильсона на интервенцию было не окончательным. Тот продолжал колебаться, склоняясь к идее гражданской, а не военной миссии [3, с. 872].

Произошло заметное охлаждение и к идее создания сибирского правительства во главе с Хорватом. 30 апреля, через три дня после того, как он приступил к работе, Гото направил телеграмму в Пекин японскому посланнику Хаяси Гонсукэ. Он просил *в отношении помощи пока ничего твёрдо не обещать ни Кудашеву, ни Хорвату* [1, с. 524, 525]. Дело в том, что двумя неделями ранее в Токио представитель Хорвата Граве в присутствии Крупенского напомнил заместителю министра иностранных дел Сидэхара об обещании *генерал-майора Накасима в случае образования на прочной основе правительства предоставить помощь в размере 100 млн иен и направить войска* [1, с. 524, 513].

В ответ Сидэхара дал понять, что вопрос об оказании помощи антибольшевистским силам в Сибири «завис» из-за позиции Англии, представитель которой – Локхарт – вёл интенсивные переговоры с Троцким в расчёте убедить последнего заключить союз с Антантой для отражения германской угрозы. Дело дошло до того, что английское посольство в Токио обратилось со специальным меморандумом в японский МИД. В довольно жёстких выражениях, *со ссылкой на переговоры правительства Её Величества с г-ном Троцким, указывалось, что последние успешные бои семёновских казаков в Забайкалье в их движении к Чите осуществляются при поддержке японцев и французов, ставя эти переговоры под угрозу. Англичане просили «принять необходимые меры», чтобы не допускать военных действий Семёнова против большевиков и согласовывать действия японских военных атташе с английскими* [1, с. 545].

Японцам позиция Лондона была не по душе. Они, во-первых, не верили в успех этих переговоров, а во-вторых, в своё время с подачи той же Англии уже начали секретно оказывать существенную помощь атаману Семёнову. Креатура англичан – Семёнов теперь всё больше опирался на поддержку японцев. В своих воспоминаниях, опубликованных в Китае в конце 1930-х, когда он уже был не у дел, атаман высоко оценивал японскую помощь, с теплотой вспоминал «приставленного к нему» капитана, а потом майора Куроки, который не раз выручал его от давления китайских властей и *до конца своей жизни оставался его искренним и преданным другом*.

«Японский батальон в короткое время заслужил репутацию самой крепкой и самой устойчивой части в отряде, и люди, составлявшие его, приучили нас, русских офицеров, солдат и казаков, смотреть на японцев как на верных и искренних друзей национальной России, которые верность своим обязательствам ставят выше всего на свете, выше даже собственной жизни. Таким образом, в стенах сурового Забайкалья зародилась дружба и братство русских и японских солдат, которые были закреплены тяжёлыми потерями, понесёнными отрядом в этот период непрерывных боев с превосходными силами противника. Чувства моей братской привязанности и глубокой дружбы к капитану, впоследствии майору, Куроки навсегда останутся неизменными в моём сердце» [6].

В конце июня 1918 г. после серии успешных боёв отряды Семёнова стали терпеть поражение одно за другим. Они отступили к китайской границе, и стало ясно, что придётся перейти китайскую границу и прятаться в Китае, чтобы избежать полного разгрома. Пекин предупредил Токио, что ему придётся пойти на разоружение семёновских казаков, иначе это может быть использовано как предлог для вторжения в Китай Красной гвардии.

«...Китайцы категорически заявили, что они не пропустят через границу отряд, если он предварительно не сдаст оружия. С трёх сторон нас теснили красные, силы которых больше чем в десять раз превышали численность отряда. Наш тыл упирался в границу, охраняемую со стороны Маньчжурии китайскими войсками. Настроение этих войск было явно враждебным нам в силу какого-то соглашения, которое существовало между китайским командованием и Лазо» [6].

Гото телеграфировал Хаяси и просил передать китайскому премьеру, что он понимает мотивы китайской стороны, но Пекин должен знать, что Англия, Франция и Япония сделали много для военного оснащения семёновского отряда, поэтому его разоружение неприемлемо, и он просит найти какой-то иной способ для выхода из положения [1, с. 555].

Ситуация с Семёновым, как и другими оппозиционными силами в европейской части, всё более наводила на мысль, что без прямого вмешательства все усилия бесплодны. Но и само вмешательство не внушало ничего хорошего. 15 мая Обата Юкити, вернувшийся из Пекина, чтобы занять очень важный пост заведующего политическим отделом японского МИД, направил Гото обширную докладную записку. *Впечатление, что скоро от стран Антанты и США поступит официальное приглашение к коллективной военной интервенции в России. Учитывая все предыдущие соглашения с ними, вряд ли это предложение можно отвергнуть, хотя получить одобрение японского общественного мнения будет трудно. Расходы на интервенцию слишком велики и могут истощить ресурсы страны. Поэтому до того момента, пока не поступило такое приглашение, необходимо сосредоточиться на помощи силам, представленным Семёновым, Хорватом и Колчаком. Если этот план удастся, то в Восточной Сибири возникнет независимая Россия – надёжный заслон германскому проникновению, не говоря об экономических преимуществах доступа к богатым природным ресурса этого региона [1, с. 534, 535].*

К этому моменту японские военные уже активно контактировали со всеми перечисленными лицами, но полное взаимопонимание было достигнуто только с Семёновым. Критерием оценки этих фигур истории Гражданской войны для японских военных было то, как они относились к возможной японской интервенции. В этом отношении Хорват, как и Семёнов, был отнесён ими к разряду «прояпонских» деятелей. Иную оценку заслужил Колчак. Адмирал был категорически против прямого японского вмешательства и требовал от Японии только денег и оружия. Кроме того, сказывались и личные качества адмирала. После назначения его начальником охраны КВЖД японский генконсул в Харбине Сато жаловался Гото, что на встрече с ним тот вёл себя «крайне высокомерно», требовал, чтобы все вопросы о поставках оружия, планы тактических операций совместно с японцами принимались только после согласования с ним. *Колчак на встрече с генерал-майором Накасима проявил крайнее неуважение к чину японского офицера, держал себя настолько «оскорбительно заносчиво», что генерал вынужден был покинуть комнату, где они разговаривали, жаловался Сато. Позже адмирал просил российского вице-консула в Харбине переговорить с Накасима, чтобы тот не обижался на него. Несмотря ни на что, нам нужно иметь с ним дело, призывал Сато к хладнокровной оценке личности и роли адмирала с учётом сложившейся ситуации [1, с. 539–541].*

А ситуация была таковой, что в своём решении вмешаться в российскую революцию Японии приходилось иметь дело с крайне слабой, разрозненной и враждующей между собой оппозицией большевикам. На тот момент в регионе сложилось три центра антибольшевистского движения:

– во Владивостоке – «Сибирское правительство» («правительство Дербера», образованное в Томске и позже переселившееся на Дальний Восток);

– в Харбине – поначалу «Деловой кабинет» во главе с генералом Хорватом в рамках нового правления КВЖД, затем «Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительного Собрания», к которому примыкали казацкие атаманы Забайкалья и в первую очередь Семёнов, а также Колчак, прибывший, по его же признанию, по решению англичан;

– в Пекине – «Пекинское правительство» во главе с Путиловым и князем Львовым, главой бывшего Временного правительства [7].

Все три силы были неравноценны и по-разному относились к Японии. Первая и третья хотели японских денег и оружия, но выступали против японского прямого вмешательства. Японию больше всего привлекал Харбинский центр, как наиболее тяготеющий к ней. Но уже в июне 1918 г., когда стало ясно, что интервенции не избежать и её центром станет Владивосток, Токио стал уделять больше внимания Сибирскому правительству. Смягчилось отношение к японцам и самого правительства.

На встрече 21 июня в генконсульстве Японии на Китайской улице, в массивном здании с толстыми колоннами на уровне второго этажа, Дербер говорил вежливые слова Кикуги, а тот в свою очередь заверял, что считает очень важным помощь Сибирскому правительству для укрепления его позиций. На следующий день по инициативе Кикуги в доме на Китайской «для обмена мнениями» по текущей ситуации собрались представители всех антибольшевистских сил города. Они были единодушны в том, что необходимо объединиться под началом Сибирского правительства, и с учётом ослабления большевиков в свете последних событий (выступления против них Чехословацкого корпуса) будет не так сложно добиться успеха. Упоминали о скором приезде во Владивосток военного министра правительства Краковецкого и просили японского консула помочь ему установить связь с японскими военными. Говорили и о намерении направить в Токио одного из своих активистов (Аркадия Петрова) для более подробного освещения деятельности и целей правительства [1, с. 549, 550].

Обо всём этом сообщал в военный штаб присутствовавший на встрече Ёнаи Мицумаса – тогда капитан второго ранга, до этого военно-морской атташе Японии в Петрограде (1915–1917 гг.), теперь прикомандированный к японской эскадре, стоявшей на рейде Владивостока. В будущем полный адмирал, дважды назначавшийся министром флота, а в 1940 г. короткое время премьер-министр Японии, писал, что Дербер с 21 июня скрывался у него на квартире и собирался какое-то время там оставаться [1, с. 550]. Вынужденные прятаться от большевистской власти в городе, члены правительства жили скрытно.

Но инициативу Сибирского правительства, пытавшегося привлечь на свою сторону Японию, и которому, как видно из телеграммы Ёнаи, активно помогало японское генконсульство, перехватил Харбин. Через несколько дней после маленького совещания оппозиционных сил Владивостока, в Токио Крупенский передал Гото обращение другого

собрания – представителей различных кругов российской общественности в Харбине к странам-союзницам с просьбой о вооружённом вмешательстве. Подписано оно было председателем этого собрания – Степаном Васильевичем Востротиным, известным сибирским путешественником и полярником. Передавая его, Крупенский подчеркивал, что просьба адресована всем союзникам, но реально речь идёт, прежде всего, о Японии. Гото, по-прежнему, был осторожен. *До тех пор, пока не будет полного согласия всех стран-союзниц, Япония не станет даже рассматривать этот вопрос* [1, с. 550–553].

Сведения о том, что интервенция уже в повестке дня союзников, дошли и до Чичерина. До этого, как и Троцкий, он и ряд других считали, что странам Антанты не удастся преодолеть нежелание США вмешиваться во внутренние дела России – были очевидны симпатии Вильсона и его единомышленников к большевикам, как они считали, сторонникам демократии, или, по крайней мере, борцам против политической деспотии и реакции. На этом, во всяком случае, в прошлом, в откровенных беседах с ними настаивал американский посол.

Но теперь Френсис был немногословен, и когда 22 июня Арсений Николаевич Вознесенский, заведующий отделом Востока НКВД, приехал в Вологду, чтобы по заданию Чичерина спросить у него напрямую о дате начала интервенции, Фрэнсис отвечал уклончиво, мол, не знает, а если бы и знал, то вряд ли был бы столь же откровенным, как прежде. Но припёртый к стене вопросом о его личном мнении, признался, что это рано или поздно произойдёт [4, р. 221].

Перед этим Вознесенский в Москве 19 июня конфиденциально встречался с японским консулом Уэда. Ссылаясь на официальное поручение, он сделал предложение – направить в Токио советского консула для установления неформального канала связи, пока Япония, как и другие страны, не признала советскую власть. Вознесенский предлагал подписать двусторонние соглашения по торговле и рыболовству, в чём Япония была крайне заинтересована. Он намекал, что скоро будет принято законодательство, позволяющее свободную экономическую деятельность иностранцев в России, включая приобретение земли. Воскресенского интересовало, какой будет реакция Токио в случае, если в связи с мятежом Чехословацкого корпуса, страны Антанты начнут бомбардировки Архангельска и объявят войну советской власти.

Комментируя эти предложения, Уэда писал Гото, что *Чичерин, скорее всего, не в курсе этой инициативы, и она принадлежит Карахану. Большевики, видимо, пытаются вбить клин в отношения Японии с остальными странами Антанты* [8, с. 462, 463].

Но в это бурное время события намного опережали любые намерения и планы. 28 июня 1918 г. власть во Владивостоке от Советов перешла к чехословакам. Теперь они были хозяевами в городе и патрулировали его улицы вместе с японцами и англичанами. Морские пехотинцы с «Бруклина» тоже высадились на берег, но охраняли лишь американское генконсульство и прилегающее к нему пространство.

События во Владивостоке в корне изменили позицию Англии и Франции. Выступавшие за диалог с большевиками в надежде склонить их к сотрудничеству, страны Антанты теперь выступали за незамедлительную интервенцию. В меморандуме английского посольства в Токио признавалось, что *попытки договориться с большевиками стоили странам Антанты*

утраты поддержки со стороны российской буржуазии и были «потерей бесценного времени». Теперь же настало время действовать, тем более что за интервенцию международных сил выступают все политические силы, кроме большевиков [3, с. 885, 886].

6 июля в Белом доме при участии президента Вильсона состоялось совещание, которое положило конец колебаниям и приняло решение об интервенции вместе с Японией. Главный мотив – помощь чехословакам оружием, оплату за которое США готовы были частично взять на себя. Предлагалось также послать в помощь некоторое количество войск в одинаковой пропорции – по 7 тыс. человек от США и Японии для охраны железнодорожного пути продвижения чехословаков на запад для соединения со своими собратьями в разных частях сибирской железной дороги [4, р. 263, 264].

Владивостокские события подстегнули Харбинский центр. 8 июля Крупенский передал Гото сообщение от Хорвата. На собрании представителей разных организаций было создано правительство. Главой единогласно избран Хорват, который заявил, что согласился на эту роль до созыва конституционного собрания. Понимая, что для признания этого правительства потребуется время, Хорват просил выразить ему поддержку и рассмотреть вопрос об оказании помощи. Японский министр был крайне осторожен. *Япония, разумеется, симпатизирует этому правительству, но она никак не может одна определять позицию к нему* [8, с. 559].

Похоже, японское правительство склонно считать неоправданной любую попытку военной акции, пока не будет достигнуто согласие всех союзников, докладывал Моррис в Вашингтон 1 июля из Токио. Он писал об этом, сообщая, что после захвата Владивостока в ожидании неминуемых атак Красной армии командир «Бруклина» адмирал Найт, а также английский и французские консулы обратились к японцам с просьбой о предоставлении чехословакам 30 пулеметов и нескольких батарей горной артиллерии. Японцы быстро откликнулись на эту просьбу, но посылать войска не собиралась [4, р. 239].

После упомянутого совещания в Белом доме в Токио какое-то время изучали американские предложения. Решение об интервенции принималось в сложных условиях. Впервые посылка войск за рубеж не получала активной поддержки общественного мнения. А в ведущих политических партиях явно преобладали те, кто призывал «не спешить» и не принимать опрометчивых решений. 11 июля газеты сообщали о том, что в руководстве правящей партии Кэнсэйкай ещё не принято решение в отношении интервенции, но большинство склоняется к тому, что для Японии она непосильна. Ведущая оппозиционная партия Сэйюкай во главе с Хара Такаси (через пару месяцев он станет премьер-министром Японии), не высказывала открыто своего неприятия интервенции, но было очевидно, что она против.

Большие сомнения были и среди влиятельных членов Временного совета по внешней политике. Созданный в начале июня 1917 г., Совет был задуман как надпартийный орган в прямом подчинении японскому императору, в компетенции которого было рассмотрение самых важных стратегических вопросов внешней политики и принятие решений по ним. В Совет, помимо Тэраути, который его возглавил, входили министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, министр внутренних дел, упоминавшийся Хара Такаси, лидер партии Кокуминто Инукаи Цуёси и еще трое из Тайного совета и Палаты пэров,

среди которых был и Макино Нобуаки. Это была уловка Тэраути, который, под предлогом необходимости единства всех ветвей власти в годы испытаний, пытался принимать решения без одобрения и обсуждения их в парламенте [5, 03; 04; 05.06. 1917].

Утром 13 июля Тэраути, Гото, Осима и Танака были вызваны во дворец к императору, а во второй половине этого же дня Тэраути вернулся туда же для доклада монарху о текущей ситуации и ответов на его вопросы [5, 11.07.1918]. А 15 июля состоялось совещание в присутствии императора с участием гэнро. Как уже было не раз в японской истории Новейшего времени, такие совещания принимали решения, которые определяли внешнеполитический курс страны на перспективу. На этот раз чёткого решения об интервенции в Сибири так и не последовало [5, 15.07.1918].

Оставались большие сомнения и несогласие некоторых ключевых фигур. Приехавший из Петербурга ещё в марте, Утида всё ещё рассчитывал вернуться к своим обязанностям, но уже в Москву. Теперь же, когда замаячила перспектива прямой военной интервенции, 15 июля он без всяких колебаний покинул свой посольский пост. Газеты утверждали, что он категорически выступал против военного вмешательства в российские дела [5, 17.07.1918]. Это, по-видимому, стало главной причиной того, что уже в ноябре Утида сменил на посту министра иностранных дел того, кому сейчас вручил своё прошение об отставке.

Из гэнро Сайондзи и Мацуката пока не давали своего согласия. Окума, который не был гэнро, но пользовался авторитетом у императора, был явно против. Гото по поручению Тэраути специально ездил к нему, чтобы выяснить его точку зрения и пригласить на заседание в императорском дворце. Старый политик выслушал молча и без комментариев, но на заседание так и не приехал, сказавшись больным. Его ближайший сподвижник и «правая рука» в кабинете министров военного времени – Като Такааки, председатель крупнейшей оппозиционной партии Кэнсэйкай, всем поведением демонстрировал своё несогласие с решением об интервенции и ещё раньше отказался от участия во Временном совете по внешней политике.

В самом Совете разногласия были настолько большими, что он никак не мог принять окончательное решение. Против интервенции активно выступал Макино Нобуаки, которого поддерживал адмирал Ямамото Гонбэй, не входивший в состав Совета, но сохранявший сильные позиции в политической элите. Все они были выходцами из Сацумского клана, и это давало повод говорить, что по вопросу об интервенции произошёл раскол между двумя кланами – Сацума и Тёсю, представленным маршалом Ямагата и Тэраути, сторонниками интервенции [5, 16.07.1918].

Самым сильным козырем в руках сторонников интервенции была позиция США – ведь именно Вашингтон предложил совместную военную акцию, а Гото неоднократно подчёркивал, что без поддержки Вашингтона Япония не станет посылать свои войска в Россию. Теперь же, когда американцы сделали своё предложение, 17 июля Гото через Исии передал Лансингу японскую реакцию на них. *Насчёт оружия чехословакам – проблем нет, оно уже отгружено. Что же касается непременно равного количества войск, то это задевает чувства японцев – их подозревают в амбициозности и стремятся связать им руки* [3, с. 919, 920]. Чтобы сгладить впечатление о недоверии к Японии, которое реально существовало, Лансинг через Исии дал знать, что США не имеют ничего против, если войска

двух стран возглавит японский генерал [3, с. 921]. Этого жеста, чисто символического по существу, было недостаточно, и 19 июля Гото направил в Вашингтон развёрнутый меморандум с проектом японской Декларации о посылке войск в Россию. Помимо выражений дружественного отношения к России и искреннего желания помочь ей в тяжёлую минуту в самом начале и заверения в полном выводе войск после завершения миссии, декларации уважения территориальной целостности и невмешательства в её внутренние политические и военные вопросы, в нём говорилось о решении направить во Владивосток в достаточном количестве войска для использования в кризисных ситуациях и отдельно войска для охраны Сибирской железной дороги. Реальные намерения Токио более полно отражала объяснительная записка Гото к тексту меморандума, содержание которой японскому послу в Вашингтоне Исии нужно было довести до сведения Лансинга устно:

- *Япония не может согласиться с позицией Белого дома, который сводит цель интервенции исключительно к охране передвижения чехословаков по железной дороге.*

- *Учитывая её положение и интересы в Восточной Азии, Японии должна принадлежать главная роль в восстановлении порядка в Восточной Сибири, как и преимущественное право голоса, по крайней мере, в сравнении с другими странами, что само по себе расходится с предложением США о посылке одинакового числа войск.*

- *Направление войск в другие части Восточной Сибири, их количество и характер действий – эти вопросы должны решаться самой Японией без предварительного их формулирования, но при обязательстве в последующем ставить в известность о них другие страны.*

- *Различие в позициях сторон не даёт возможности выступить с общей декларацией о целях интервенции, поэтому каждая из стран – участниц международных сил должна выступить со своим собственным заявлением, при этом Япония обещает ознакомить США с проектом своего заявления.*

- *Япония намерена направить без промедления вооруженные силы разных видов в составе одной дивизии.*

- *Для охраны железной дороги от подрывных действий австрийских и германских военнопленных будет направлено достаточное количество войск.*

- *Всё перечисленное предпринимается не в рамках самообороны Японии, а в общих целях, вопросы же самообороны будут решаться отдельно.*

- *Охрана японскими вооруженными силами Сибирской железной дороги не ставит под угрозу участие и компетенцию американской группы инженеров и техников, которые уже занимаются вопросами технического обслуживания дороги [3, с. 922–925].*

Фрэнк Полк, замещавший Лансинга, на встрече с Исии 26 августа сделал несколько замечаний по тексту, главным образом, стилистических, но пункт об «интересах» Японии в Восточной Азии просил убрать вообще. *Это не соответствует соглашению Лансинг – Исии. Главнокомандующим будет японец, а число японских войск будет явно больше остальных с учётом географии и занятости войск других стран в европейской войне – разве это не признание этих интересов?* [3, с. 932–934; 4, р. 306, 307].

В дни, когда Токио и Вашингтон согласовывали свои позиции, положение на фронтах в Забайкалье и на подступах к Владивостоку резко усложнилось. Части Красной гвардии,

разгромившие казаков Семёнова, вытеснив их к пограничной с Китаем станции Маньчжурия, успешно продвигались в сторону Владивостока. В составе большевистских частей было так много немецких и австрийских военнопленных, что в своих военных сводках англичане называли их «германскими частями». В противостоянии с ними положение чехословаков было критическим, и 3 августа Англия направила срочно из Владивостока в Никольск (Уссурийск) отряд в 700 человек. Ожидалось прибытие французов [4, р. 326, 327].

Декларация японского правительства о направлении войск во Владивосток, под которой стояли подписи всех членов кабинета министров Тэраути и первой была его собственная, появилась вечером 2 августа 1918 г. в «Правительственном вестнике». На следующий день её можно было прочитать во всех японских газетах. Из тех газет можно было узнать о расстреле в Петербурге «трёх великих князей» [5, 3.08.1918]. Информация из Амстердама была, скорее всего, неточной. Не трёх, а четырёх великих князей, в том числе Георгия Михайловича, которого лишь два с половиной года назад с помпой встречали в Токио, в конце января 1919 г. казнили в Петропавловской крепости в отместку за смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Но за две недели до этого в Екатеринбурге расстреляли всю царскую семью. И хотя глухая информация о случившемся достигла Японии только в конце августа, всё, что происходило в России, реально напоминало катастрофу, и поэтому слова об искреннем желании помочь восстановлению порядка в России и избавлению от хаоса встречали сочувствие.

Те, кто называл интервенцию безрассудной и опрометчивой, теперь молчали и даже соглашались, а подготовка к масштабной высадке войск во Владивостоке вместо тревоги приобрела даже некоторую торжественность и важность момента. О ней писали много и в подробностях. Имя командующего поначалу держалось в секрете. 9 августа утренние газеты вышли всё ещё с пустыми кружочками вместо имен командующего, его заместителя и членов штаба, а днём на улицах продавали экстренные выпуски, где уже можно было прочитать их имена. Командующий – Отани Кикудзо. Два года ранее он получил звание маршала. Майором, а затем подполковником в первую японо-китайскую войну служил в императорской ставке в Хиросима, где вполне мог пересекаться с российским генералом Вогаком. Закалку боевого офицера получил в русско-японскую войну, когда командовал батальоном в 4-й армии. Теперь он покидал пост начальника гарнизона японских войск в бывшей германской колонии Циндао. Вероятно, опыт командования крупной армией за пределами страны был учтён при его назначении. Начальником штаба стал генерал-лейтенант Юи Мицуэ, тоже с опытом русско-японской войны. Уже в следующем году он покинет Владивосток и направится в Циндао, чтобы стать там военным комендантом [5, 10.08.1918; 9, Aug 12, 1918].

Войска провожали с помпой с Токийского вокзала 12 августа 1918 г. Контрастом строгой секретности и цензуры в отношении любой информации о подготовке к интервенции выглядело теперь сообщение военного министерства не только о времени отхода поезда, но и поминутном расписании прибытия войск на все станции длинного пути от Токио до Хиросима, откуда на кораблях они направлялись во Владивосток. Особую важность момента подчёркивало и то, что за два дня до этого, ранним утром 10 августа, командование экспедиционной армии в полном составе выехало с другого вокзала в Уэно (г. Никко), где в

своей летней резиденции в Тамодзава, как обычно в это время года, спасался от столичной духоты и зноя император.

Торжественность момента, включая прощальный банкет от имени военного министра Осима и начальника генштаба Уэхара на следующий день 11 августа, была испорчена тем, что как раз в эти дни правительству пришлось направлять войска и в другие места, но уже в своей собственной стране. Страницы газет с фотографией генерала Отани, с рукой под козырек направлявшегося к поезду, пестрели крупными заголовками о беспорядках и волнениях среди населения, громившего продовольственные магазины в Кобэ и Кито, куда на помощь полиции спешили войска [5, 13.08.1918]. Это были «рисовые бунты», причиной которых послужило резкое повышение закупочных цен из-за огромных расходов государственного бюджета и необходимости больших запасов продовольствия для армии, связанных с началом сибирской интервенции.

Рано утром 21 сентября Тэраути посетил императора. После небольшого доклада о ситуации в стране он вручил монарху своё прошение об отставке, сославшись на плохое состояние здоровья [5, 22.09.1918]. Это было правдой, он давно болел и скончался через год, в начале сентября 1919 г. И всё же главной причиной была неспособность кабинета министров предотвратить внутреннюю смуту. «Рисовые бунты» сильно раскачали ситуацию в стране, где стабильность была и остаётся главным мериллом успеха правящей элиты.

Пришедшее на смену правительству возглавил председатель партии Сэйюкай Хара Такаси, после того как от поста премьера категорически отказался Сайондзи. Слабость этого кабинета была не в том, что его возглавила «случайная личность» – человек без высоких дворянских и военных титулов. Сибирская интервенция стала ещё одним шагом к резкому росту влияния военных в политическом процессе. Им, а не дипломатам теперь принадлежала главная роль в определении линии поведения в сложнейшей и абсолютно беспрецедентной в японской истории (не считая корейских походов Тоётоми Хидэёси в конце 16 века) военной операции за рубежом, в которой политические задачи были намного сложнее чисто военных [10, p. 518].

Эти задачи стали особенно сложными после того, как в дни, когда японские войска в Хиросима садились на корабли, чтобы отправиться во Владивосток, бои союзников при Амьене на севере Франции принесли долгожданную победу и оказались переломными в ходе войны и очень быстро привели к краху Германской империи. Это лишило сибирскую интервенцию двух основных её предлогов – германской опасности и помощи чехословакам. Теперь военное вторжение на российский Дальний Восток приобретало явный характер вмешательства во внутренние дела против одной из враждующих сторон гражданской войны.

Библиографический список

1. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 14 «Антибольшевистские силы» / МИД Японии. Токио, 1968.
2. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 2–1. Дело 4 «О заключении японо-китайского военного соглашения» / МИД Японии. Токио, 1969.

3. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 15 «Посылка войск в Сибирь» / МИД Японии. Токио, 1968.
4. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia. Vol. II.
5. Асахи.
6. Атаман Семёнов о себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М.: Центрполиграф, 2007. URL: <http://statehistory.ru/books/Ataman-Semenov-o-sebe--Vospominaniya--mysli-i-vyvody/> (дата обращения: 05.07.2017).
7. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-Пресс, 2008. URL: <http://istmat.info/node/25476> (дата обращения: 05.07.2017).
8. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 13 «Революция в России» / МИД Японии. Токио, 1968.
9. New York Times.
10. United States Department of State. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1919. The Paris Peace Conference. Volume II.

Поступила в редакцию 05.07.2017

Автор:

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Japan's Intervention in Siberia. Prelude

(Part 2)

K.O. Sarkisov

Japan's intervention in Siberia is one of the dark pages in the history of bilateral relations as well as of Japan's foreign policy. Japanese, American and Soviet archives give a better understanding of how this adventurous enterprise has begun and what forces and interests have worked behind it.

Keywords: revolution, Russian Far East, Czechoslovak corps, weakness of opposition, Goto Shimpei, Chicherin.

Received 05.07.2017

Sarkisov Konstantin O., PhD, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Рётаро Сиба, Дональд Кин Японцы и японская культура

(Глава 3)

Е.В. Симонова

Данная публикация содержит перевод главы 3 из книги «Японцы и японская культура», написанной совместно Сиба Рётаро и Дональдом Кином. Произведение предстаёт в форме беседы двух признанных авторитетов в области японской литературы, которые обсуждают проблемы возникновения и развития японской культуры, вопросы религии и философии, влияние западной культуры на японскую.

В главе 1 основное внимание уделено начальному этапу формирования японской культуры в эпоху Нара (710–794), обсуждаются китайское влияние и возникшее в ответ мощное национальное течение, особенности эпохи экспансии зарубежной культуры. Особое внимание собеседники уделяют категориям мужественности (масурабури) и женственности (таоямэбури), которые ярко воплотились в литературе и искусстве Японии [1].

В главе 2 рассматриваются особенности религиозной жизни Японии, преимущественно эпохи Хэйан (794–1185) и Камакура (1185–1333). Основное внимание в беседе исследователей уделено основателю буддийской секты Сингон, философскому и религиозному деятелю – Кукаю и легендарной личности дзенского наставника Иккю. Рассматриваются особенности тантрического буддизма и дзен-буддизма. Кроме того, в этой главе обсуждаются темы, посвящённые возникновению и распространению христианства в Японии [2].

В главе 3 предметом разговора являются культура и искусство эпохи Муромати (1336–1573). Основное внимание в беседе уделено формированию эстетических принципов этого времени, повлиявших на дальнейшее развитие японской культуры. Размышляя об особенностях представлений о красоте «по-японски», собеседники рассматривают особенности Золотого храма и Серебряного павильона, японской архитектуры, живописи и керамики.

Сиба Рётаро (1923–1996) – известный писатель и публицист, автор романов «Гори, мой меч», «Облака над холмами» и др. Дональд Кин (род. в 1922 г.) – один из наиболее признанных специалистов в области японской литературы и культуры, автор многочисленных исследований по японской поэтике.

Ключевые слова: период Муромати, эстетические принципы японского искусства, золото, серебро.

Глава 3¹

Мир золота – мир серебра

Эстетика смутного времени

Асикага Ёсимаса и культура Восточной горы

Сибя. Считается, что японская культура берёт начало с эпохи Хэйан, однако источники бытовой культуры, которая непосредственно связана с нашей жизнью, будь то менталитет или архитектура, лежат в основном в эпохе Муромати. То же можно сказать о чайной церемонии и искусстве цветочной аранжировки, театрах Но и Кабуки. Тогда же начал развиваться традиционный танец, которым мы можем наслаждаться и сейчас. Судя по всему, в эпоху позднего Муромати искусство проникло даже в среду простого народа и неграмотных солдат. А слова, которые использовали в текстах пьес театра Кабуки, со временем стали тем языком, на котором мы с вами разговариваем. Выходит, язык театра Кабуки, зародившийся в Киото, распространился по всей Японии, от залива Цугару на севере до острова Танэгасима на юге, и даже проник на Окинаву. К тому же, язык театров Но и Кабуки, став повсеместным, оказался весьма подходящим для формирования языкового стандарта, а наличие языкового стандарта упрощает письменную фиксацию. До нас дошло немало документов позднего Муромати и Эпохи Воюющих провинций², в которых безымянные авторы описывают события своей жизни. Я думаю, что возможность описать свой военный опыт появилась у людей с приходом в их жизнь театра Кабуки, который принёс и свой язык. Впрочем, это лишь мое мнение...

Кин. Если говорить о Средневековье, эпохе Муромати, меня всегда интересовала «культура Восточной Горы»³. То, что я читал о 8-м сёгуне Асикага Ёсимаса⁴, порой приводило в замешательство. Вообще, это человек-загадка. В храме Гинкакудзи есть памятник сёгуну. Кто он: выдающийся человек или тиран? Насколько я знаю, в Японии нет полного жизнеописания Ёсимаса. Скажем, в серию «Жизнь замечательных людей», которая издаётся уже больше десяти лет, его биография не вошла. Возможно, причиной является отсутствие серьёзных исследований, однако было бы замечательно, если бы кто-нибудь, собрав все имеющиеся сведения, взялся за этот труд.

Ёсимаса, пока ещё не был построен Серебряный павильон, вёл во Дворце Цветов *Хана-но госё*⁵ совершенно невозможную, по моим представлениям, жизнь. Дело в том, что самое

¹ Перевод осуществлен по изданию [3].

² Эпоха Воюющих провинций, или период Сэнгоку (戦国時代 *сэнгоку дзидай*) – период в японской истории со второй половины XV до начала XVII в.

³ Культура Восточной Горы (東山文化 *хигасияма бунка*) – термин, которым обозначают японскую культуру середины XVI в. Соответствует середине периода Муромати, правлению 8-го сёгуна Асикага Ёсимаса. Культура названа в честь «Восточной горы» – Хигасияма, местности на востоке средневекового Киото, где сёгун имел собственную резиденцию, известную сегодня как «Серебряный павильон».

⁴ Асикага Ёсимаса (足利義政, 20 января 1436 – 27 января 1490) – 8-й сёгун Японии из династии Асикага в период Муромати. Годы правления: с 1449 по 1473 г.

⁵ Дворец Цветов, Хана-но госё (花の御所 *хана-но госё*) – резиденция 3-го сёгуна Асикага Ёсимицу.

кровавое сражение гражданской войны Онин⁶ можно было наблюдать из окон резиденции сёгуна. Ёсимаса же проводил дни и ночи, устраивая роскошные банкеты и наслаждаясь женской красотой. Вспоминаются легенды об императоре Нероне, который, наблюдая за Великим пожаром Рима, играл на лютне и декламировал стихи. Возможно, это всего лишь вымысел, но вот то, что Ёсимаса во Дворце Цветов всецело отдался своей страсти к изящным искусствам, не подлежит сомнению. А рядом с его резиденцией в то же самое время погибали люди. Во время смуты Онин большая часть Киото сгорела дотла.

汝や知る都は野辺の夕雲雀
あがるを見ても
落つる涙は

Столица заросла травой.
Глядя на жаворонка, взмывающего ввысь,
Не могу удержаться от слёз.

(перевод Е. Симоновой)

Трудно вообразить такое.

Сибэ. Да, пожалуй, нам, современным людям, сложно представить человека, который создал свой прекрасный мир посреди войны и хаоса... Как Вы заметили, немало исследователей привлекает личность Ёсимаса, но нет ни одного, который провёл бы основательное исследование и написал его биографию. Накамура Наокацу немного занимался этой темой, известны работы критиков Караки Дзюндзо и Цудзидзэн Носкэ. Однако фигура Ёсимаса не была основной темой их исследований. Культура эпохи Муромати начала формироваться во времена правления Аскага Ёсимицу и получила название культуры Китаяма⁷, но окончательно сложилась и получила известность как культура Хигасияма (культура Восточной Горы), где располагалась резиденция Ёсимаса. И этот Ёсимаса во время смуты Онин, глядя на то, как умирают от голода люди под окнами его дворца, устраивал пиры и возводил великолепный Серебряный павильон. Мне трудно понять это.

Однако он проявлял исключительную заботу о тех, кого знал лично. И это не были *даймё* или знатные горожане. Это были люди искусства. Конечно, тогда не было такого социального неравенства, как в эпоху Эдо. Тем не менее, крестьяне, не имевшие своего рисового поля (суходольное поле не в счёт) и не занимавшиеся выращиванием риса, были презираемы. Конечно же, крестьянин, владеющий суходольным полем, стоял на иерархической лестнице ниже, чем хозяин рисового поля. Ну а тот, кто не имел даже суходольного поля, жил на берегу реки, непригодном для земледелия. Берег не принадлежал никому, так что, если повезёт, можно было выращивать там овощи, например, *дайкон*. Такие люди часто занимались садоводством, становились артистами или же подавались в торговцы.

⁶ Война годов Онин, Смута годов Онин (応仁の乱 *о:нин- но ран*) – гражданская война в средневековой Японии, длившаяся 10 лет (с 1467 по 1477 г). Ее отличительная черта в том, что она происходила не на всей территории Японии, а в основном в столице Киото.

⁷ Культура Северной Горы (北山文化 *китаяма бунка*, «культура Северной Горы») – термин, которым обозначают японскую культуру 2-й половины XIV – начала XV в. Соответствует началу периода Муромати, правлению 3-го сёгуна Асикага Ёсимицу. Культура названа в честь «Северной горы» Китаяма, местности неподалеку от средневекового Киото, где сёгун имел собственную резиденцию, известную сегодня как «Золотой павильон».

Однако те, кого называли *каварамоно*⁸ – парии, жившие когда-то на неплодородных берегах рек – попадая в дома городских торговцев или ремесленников, не могли подняться в жилые помещения. А Ёсимаса привечал художников *ами*, которые тоже принадлежали к низшей касте. По сути, так он реализовывал принцип *исси до:дзин* (досл. «ко всем относиться как к равным, сострадать всем одинаково»), идею равенства. Асикага Ёсимаса был единственным сёгуном, который когда-то заявил: «Все люди равны». В домэйзийскую эпоху только Ёсимаса неоднократно говорил о том, что все люди от рождения равны, что сёгун – такой же человек, как и тот, кто родился не во дворце. Но в то же время он, наделённый властью, наблюдал за событиями смуты Онин, ничего не предпринимая.

По сути, Ёсимаса полностью оставил политическую деятельность, и хотя обладал статусом и полномочиями, подобными положению трибуна в Древнем Риме, совершенно отдалился от политики. Крупные князья, невежественные и беспощадные, сосредоточив в своих руках огромную власть, все свои силы отдавали политической борьбе в «нижнем партере», а у Ёсимаса, который принадлежал по праву рождения к политической элите, один только «запах» политики вызывал отвращение. Как избавление от этого и возник, вероятно, созданный им мир.

Кин. Зная, что множество людей погибают от голода, он перестраивал Дворец Цветов, но не потратил даже ничтожной суммы для простого народа. Зато на свои удовольствия денег не жалел. Да и об артистах заботился и жертвовал им немалые деньги. И это в то время, когда буквально в двух шагах от него люди умирали от голода. Как бы ты ни презирал политику, но, считая всех людей равными, должен, вероятно, воспринимать их страдания и смерть как имеющие отношение и к тебе лично.

Сиба. Идея равенства не была для Ёсимаса тем, что органично входит в жизнь человека с детства. Это было связано с идеями дзэн-буддизма, которым он в какой-то момент увлекся. Изначальное равенство людей – это дзэнский принцип. Добродетельный человек должен помогать голодающим и без каких-либо деклараций. Но Ёсимаса стремился жить в соответствии со своими принципами. Если представить себе человека, жизнь которого определена его взглядами и идеями, то, вероятно, Ёсимаса был таким.

По правде говоря, я сегодня впервые был в Серебряном павильоне. Когда-то давно я приехал в Гинкакудзи и увидел, как перед воротами храма монахи вели оживлённую торговлю. Это неприятно поразило меня, словно свидетельство девальвации ценного. Дальше ворот я не прошёл. Но сегодня, когда я в первый раз увидел Серебряный павильон так близко, все было совсем не так, как когда-то: может быть, из-за луны на небе, а может быть, благодаря присутствию Дональда Кина, не знаю, по какой причине, но тучи, нависавшие над Гинкакудзи, вдруг рассеялись. И я смог почувствовать совершенную красоту храма, представшего перед нами в слабом лунном свете. Его не мог создать обычный человек. Это должно было быть творением кого-то, кто порвал с привычной человеческой жизнью. Когда я смотрел на изваяние Ёсимаса в Гинкакудзи (кажется, это был

---

⁸ Каварамоно (河原者 *каварамоно*, досл. «люди с *кавара*») – социальная группа населения, подвергавшаяся дискриминации, каста неприкасаемых в Японии. Термин *кавара* (досл. «высохшее русло реки»), указывает на то, что территории поселений находились на берегах рек, были покрыты галькой и непригодны для земледелия.

Восточный храм), в его лице, как заметил Кин-сан, не было даже намёка на заурядность. Это не значит, что в его облике было что-то особенно героическое. И не был он похож на искателя истинного пути, который обрёл просветление. Образ Ёсимаса, воплощённый в этом деревянном изваянии, был даже какой-то слишком бесстрашный. Глядя на него, я подумал: «Так вот какой муж был у знаменитой Хино Томико⁹...». Ёсимаса прекратил отношения с женой, но она, тем не менее, снабжала его деньгами. Необычная супружеская пара, не правда ли? Ёсимаса сумел создать свой собственный, только ему принадлежавший мир, к которому он так стремился. Однако как политический деятель он не выдерживает никакой критики.

Кин. Сейчас Гинкакудзи является, безусловно, дзэнским монастырем, и Ёсимаса следовал дзэн-буддизму, но в то же время был приверженцем учения о Чистой Земле. Правда, и в суеверия он, судя по всему, тоже верил.

Сиба. Восточный храм (Тогудо) в Гинкакудзи посвящен Будде Амида. В дзэн-буддизме, где главным является идея просветления, почитание образа Будды не является необходимым. Специально посвятить храм Будде, который и так встретит тебя после смерти, и стремиться в Западные Земли, находясь на Востоке... Здесь мы можем ощутить неистовое стремление Ёсимаса обрести Рай Чистой Земли, не правда ли? Но если ты уже достиг *сатори*, всё это – храмы и почитание Будды – становится неважным. А к тем, кто занимается ненужным, относятся с подозрением.

Кин. Всё, что относится к культуре Восточной Горы, вызывает у меня огромный интерес. Любые источники того времени, связанные со смутой Онин, периодам до или после этих лет, очень важны для меня. Однако образ одного из главных действующих лиц того времени какой-то неясный, расплывчатый. Я никак не могу понять этого человека – Асикага Ёсимаса. Получается, не могу понять центральную фигуру всей этой композиции. В каком-то смысле он был безумцем, как Вы полагаете?

Сиба. Да, в каком-то смысле он был безумен. Был тем, кто жил в своей реальности, на реальность совсем не похожую.

Смута Онин как революция

Кин. Хотелось бы поразмышлять о «серебре» Серебряного павильона... Для японцев того времени золото, безусловно, должно было обладать неизмеримо большей ценностью, чем серебро. Уже стоял возведенный Асикага Ёсимицу¹⁰ Золотой храм, и Ёсимаса знал, что его творение не сможет стать таким же. Не сможет быть похожим на Кинкакудзи. Серебро по определению не так драгоценно, как золото, так и Серебряный павильон не может быть столь же великолепен, как Золотой храм. Я думаю, Ёсимаса всегда осознавал, что созданный им мир имеет границы.

Сиба. Возможно, он сознательно создавал свой мир в пределах определённых границ.

---

⁹ Хино Томико (日野 富子, 1440–1496) – дочь Хино Сигэмаса, жена Асикага Ёсимаса, мать Асикага Ёсихиса, 9-го сёгуна Асикага. Вопрос о наследовании рассматривается как одна из причин смуты Онин.

¹⁰ Асикага Ёсимицу (足利 義満, 25 сентября 1358 – 31 мая 1408) – 3-й сёгун периода Муромати. Годы правления: с 1368 по 1394 г.

Кин. Да, Ёсимаса строил его, исходя из того, что этот мир – пространство серебра, а не золота. Однако сейчас я думаю, глядя на японцев, что серебро больше соответствует им, чем золото. Немного грустный и печальный цвет серебра более «японский», чем теплый цвет золота.

В трактате «Кюи» («Девять ступеней») Дзэами¹¹ перечисляет возможные уровни мастерства в театре Но, которые называет цветком. Описывая один из них, он прибегает к следующему образу: «Красота снега, наполнившего серебряную чашу». Это эстетический принцип, сформулированный очень по-японски. Я думаю, японцам более позднего времени дух Серебряного павильона был более близок и понятен, чем Золотой храм. Монохромная живопись тушью *суми-э*, искусство цветочной аранжировки, чайная церемония – всё то, что неразрывно связано с культурой Восточной Горы, несёт с собой эстетику Серебряного павильона. Конечно, в Японии есть множество самых разных искусств, но если бы мне предстояло из этого разнообразия выбрать что-то одно, я бы остановился на культуре эпохи Хигасияма.

Сибэ. Я с Вами согласен.

Кин. Великолепные свитки *эмаки*¹² «Повести о принце Гэндзи» являются, безусловно, образцом вершин японской живописи, но, к сожалению, до нас дошло лишь несколько фрагментов. А в Гинкакудзи хранится огромное количество шедевров традиционного японского искусства времен Восточной Горы. Может быть, оттого, что эти произведения близки и понятны японцам?

Сибэ. Возможно, Золотой храм представляется японцам слишком ярким и эффектным, в то время как Серебряный павильон более сдержанный и тонкий. Я думал об этом во время нашего разговора.

Кин. Настоящим «человеком Восточной Горы» можно считать поэта Соги¹³, как Вы считаете?

Сибэ. Да, совершенно верно, он был ярким представителем культуры Хигасияма.

Кин. Соги известен как поэт-странник, но, говорят, он встречал тёплый приём в домах провинциальных князей, а ведь в прежние времена такое и представить себе было невозможно. В эпоху раннего Муромати Кэнко-хоси, автор «Записок от скуки», был всеми презираем, и такой человек, как Соги, живи он на столетие раньше, не смог бы получить признание.

---

¹¹ Дзэами Мотокиё (世阿弥 元清, 1363?–1443?) – японский актёр и драматург, автор учения об актёрском искусстве.

¹² *Эмаки-моно* (絵巻物) – горизонтальный свиток из бумаги или шёлка, наклеенный на основу, обрамлённую парчовой каймой, с двумя деревянными валиками на концах. Такие свитки представляли собой иллюстрации к романам, повестям, буддийским сутрам. Изображения обычно сочетались с текстом, были популярны в Японии в период с XI по XVI в. Наиболее известным *эмаки-моно* является «Гэндзи-моноготари эмаки» – иллюстрированная история «Повести о принце Гэндзи» начала XII в. Всего было 20 свитков, длина которых в сумме составляла 137 метров, включая более 100 изображений и свыше 300 листов каллиграфии. До наших дней дошли только фрагменты, что составляет около 15 % первоначального произведения. Свитки «Гэндзи-моноготари эмаки» приписывают художнику Фудзивара Такаёси.

¹³ Соги (宗祇, 1421–1502) – японский поэт жанра *рэнга*. Монах дзэн-буддийской школы Риндзай. В 1473 г. поселился в отшельнической хижине в северо-восточной части Киото. Составил личную поэтическую антологию «Васурэгуса» (萱草, «Трава-забвение», 1474), а также руководил составлением антологии *рэнга* «Синсэн Цукуба сю» (新撰菟玖波集, «Новое собрание Цукуба», 1495). Умер во время путешествия в провинцию Суруга.

Сиба. Кэнко-хоси был из семьи не самой знатной, но хорошего рода. И все же с ним не хотели иметь дела. Сейчас люди культуры получили признание, но, думаю, не до такой степени, как во времена расцвета культуры Муромати, когда жил Соги. Местные князья, приглашавшие его, пожалуй, поставили бы себя в глупое положение в случае отказа, вот они и старались изо всех сил, наперебой зовя Соги в гости.

Кин. Из-за смуты Онин японские аристократы *кугэ* были вынуждены бежать из Киото в провинцию, и культура, которая до этого была в основном столичной, вдруг пышно расцвела и там.

Сиба. Да, можно сказать, что культура «внезапно» расцвела.

Кин. Сады, созданные мастером Сэсю¹⁴, или его живопись можно увидеть в разных уголках Японии. А если бы он жил столетием раньше, его работы должны были быть только в Киото.

Сиба. Пожалуй, если воспринимать смуту годов Онин с позиций более позднего времени, это была бессмысленная, пустая война, тем не менее, она повернула историю страны в другом направлении.

В это время на арене войны появились неведомые до этого солдаты-пехотинцы, которых называли *асигару*¹⁵, т. е. «легконогие». Более мобильные, они стали более значимыми в сражениях, чем самураи. Воины *асигару* были искусными лучниками, и со временем участие в сражении пехотинцев стало определять исход боя. Это привело к повышению их социального статуса, что не могло не оскорблять гордость самураев. В средневековой Японии существовали разные влиятельные силы: буддийская община горы Хизэй, придворная аристократия *кугэ*, элита самураев *даймё*; родословная также играла в то время определяющую роль, но в эпоху Восточной Горы всё это постепенно стало терять свою значимость. Может быть, избавление от призраков прошлого и было самым главным результатом той смуты? А во времена Эпохи Воюющих провинций на сцену вышли уже люди из народа, а не аристократы. Ода Нобунага заключил союз с Токугава Иэясу, а в его клане были и крестьяне, и лесорубы, и мелкие землевладельцы. Такие люди в эпоху раннего Эдо сочиняли небылицы о своём высоком происхождении, но если посмотреть на историю самурайской аристократии, большинство было невысокого рода, и это связано, как мне кажется, именно с разрушительным горнилом смуты Онин.

Война годов Онин была довольно странной, это не было революцией, и также не было войной до победного конца, где решающее значение имел исход битвы, но если взглянуть на неё через фильтр более поздних исторических событий, кажется, это была война, которая возникла как не зависящее от воли человека преобразование общества. В ней не было предводителя. Не было и заявленной идеологии. Однако если немного изменить ракурс и посмотреть на эту войну с точки зрения взаимодействия человека и окружающей среды –

---

¹⁴ Тоё Сэсю (雪舟, 1420–8 августа 1506) – японский художник, один из величайших живописцев японского Средневековья. Дзэнский монах.

¹⁵ *Асигару* (足輕, букв. «легконогие», «не прикрытые доспехами») – вид лёгкой пехоты в средневековой Японии, основным оружием которой были копья, а со второй половины XVI в. аркебузы. Воинами *асигару* называли простых пехотинцев японских армий позднего Средневековья. Они являлись самой многочисленной частью самурайских армий, и их действия на полях сражений во многом определяли исход противостояний соперничавших *даймё*.

экологической, эта смута, как мне кажется, носит до некоторой степени революционный характер. Что касается культуры, её новая идеология, сложившаяся, в основном, в Киото, распространилась по всей стране. Например, стенные ниши *токонома* в домах или использование криптомерий при строительстве, что влекло изменение облика сооружений, и многое другое шло от простого народа. В это время представления Асикага Ёсимаса о человеке вытесняются другими идеями, принесёнными людьми смуты Онин, и уже они начинают влиять на историческое развитие.

Кин. Если следовать этой логике, можно считать, что пожар, уничтоживший во время смуты Онин библиотеку высшего советника императора Итидзэ Канэёси, был благом. Сейчас многие литературоведы полагают, что до нас не дошли ценные прозаические или стихотворные тексты на японском языке, уничтоженные тем пожаром, но, возможно, если бы сохранились все произведения, начиная со времени раннего Хэйан, новая литература не возникла бы, как знать.

Сива. Что ж, возможно.

Возрождение золота Эра Сёкухо¹⁶

Сива. Мы обсуждали предпочтение японцев золоту или серебру, но нужно заметить, что в то время, когда Асикага Ёсимицу построил Золотой храм, существовал единый Дальневосточный торговый регион. В Китае торговые порты, подобные нынешнему Гонконгу, стали возникать на побережье к югу от реки Янцзы, и в Японии появились торговцы из тех мест. Японский торговый народ устремился в соседние страны. Асикага Ёсимицу также, стремясь обогатиться, принял участие в этом торговом процессе. Во времена Муромати сёгуны были бедны, и думать могли только об обогащении. Провинция была во власти уездных князей, *сёгун* же снаряжал свои собственные торговые суда и отправлял их в империю Мин. Так что Ёсимицу удачно воспользовался быстрым подъёмом торговли в регионе, и кладовые его были полны золотом. А развернули его в сторону торговли выходцы из городского населения Киото. Собственно говоря, торговую политику Ёсимицу (говоря «политика», я имею в виду не политику государства, а прежде всего его собственную, частную стратегию) инициировали и осуществляли торговые люди из Киото. Эти люди были гораздо более низкого происхождения, чем Кэнко-хоси, скорее, такого, как Соги, но дружили с Ёсимицу. «Я возьму подряд, прибыль пополам». Для Ёсимаса подобная торговля была невозможна. Во времена Ёсимаса, хотя Япония ещё не была закрыта для внешнего мира, то, что приходило извне, по каким-то причинам встречало противодействие, так что страна уже была закрыта для внешнего мира, и из этого ощущения закрытости родилась своеобразная культура Восточной Горы, которую Кин-сан назвал самой «японской». Это и есть та «культура серебра», которая противостоит «культуре золота» Асикага Ёсимицу.

---

¹⁶ Период Адзуги-Момояма (1573–1615) также называют «эпохой Сёкухо» (織豊 *сёкухо*;) по альтернативному прочтению первых иероглифов в фамилиях Ода Нобунага (織田信長) и Тоётоми Хидэёси (豊臣秀吉).

Однако гораздо позднее, например, в то время, когда Ода Нобунага захватил Киото, золото было убедительно реабилитировано. Например, стали популярны ширмы *бёбу*, которые назывались *ракутю ракугайдзу*, «Виды Киото и его окрестностей»¹⁷. Это было идеей Оды Нобунаги. Если бы Ода Нобунага жил в наше время, он, вероятно, был бы художником или поэтом. Но в то время он мог стать только воином.

Для Ода Нобунаги грозной силой был Уэсуги Кэнсин¹⁸ из провинции Этиго, его он победить не мог. А раз победы не добыть, необходимо обмануть. В ход шла весьма изощренная дипломатия. «Ты, верно, хочешь править в Киото. Я буду встречать тебя у моста Карахаси в Сэта и стану твоим верным прислужником. Я буду вести твоего коня в поводу до самого Киото», – кажется, он был способен на такое, даже на такой обман. А какое преподношение в те времена могло отразить великолепие Киото? Конечно, ширма *ракутю ракугайдзу* с изображением Киото. Сейчас некоторые из этих ширм хранятся в доме потомков князя Уэсуги, их расписывал по заказу Ода Нобунаги знаменитый мастер Кано Эйтоку¹⁹. Такая живопись сложилась в единый парадный стиль, существовавший до начала XVII века. Ширмы «Виды Киото и его окрестностей» со сценами городской жизни, судя по всему, вручались в качестве подарка уездным князьям на аудиенции у сёгуна. А исполнение столичного подарка поручалось мастеру из школы Кано. Роскошь золотого фона необходимо было уравновесить деталями – так появились персонажи полотен. Без этих персонажей – португальцев, южных варваров, – жанр городской живописи не сложился бы. Еще там бегают совсем не японские собаки. Собака непременно есть на каждой картине. А иногда среди фигур можно заметить даже чернокожего человека. Это слуга португальца. Без всех этих героев не случилось бы городского пейзажа.

В моем доме есть картина, которая, как я считаю, написана не так давно, но тоже принадлежит к этому жанровому направлению. Я получаю непередаваемое удовольствие, рассматривая её с лупой в руке. На моей картине полно инородцев. Как-то в Национальном музее Киото проводилась выставка ширм «Виды Киото и его окрестностей», и картина из моей домашней коллекции также была на ней выставлена. Я, правда, на выставке не был, видел только каталог экспонатов, но на всех картинах есть «южные варвары».

Наши размышления возвращаются к великолепному золоту и скромному серебру. Асикага Ёсимаса создал неповторимые и «японские», по-настоящему уникальные

---

¹⁷ «Виды Киото и его окрестностей» (洛中洛外図) – ширмы с росписью по золотому фону с изображением жанровых сцен. Ширмы этого жанра заказывали мастерам зажиточные горожане для украшения своих домов. На росписях основное внимание уделялось не природе, а персонажам и их действиям. Композиция изображений часто свидетельствовала о социальном статусе заказчика или его политической ангажированности, – в частности, особое внимание уделялось изображению усадьбы или дворца какого-либо конкретного знатного горожанина или *даймё*.

¹⁸ Уэсуги Кэнсин (上杉 謙信, 18 февраля 1530 – 19 апреля 1578) – *даймё*, правивший провинцией Этиго, один из наиболее могущественных полководцев эпохи Воюющих провинций в истории Японии.

¹⁹ Кано Эйтоку (狩野 永徳, 16 февраля 1543 – 12 октября 1590) – один из крупнейших художников, основатель школы Кано в японской живописи в период Адзуты-Момояма. Работы Эйтоку отличаются элегантностью, они уникальны по мастерству исполнения. Многие его картины включены в число Национальных сокровищ Японии. Работал по заказам полководцев Ода Нобунаги и Тоётоми Хидэёси. Разрисованные им большие зонты, раздвижные ширмы, настенная и потолочная живопись украшали принадлежавший Нобунага замок Адзуты и дворцы Хидэёси в Киото и Осака. Многие работы художника были повреждены или погибли во время волнений в Японии в период Сэнгоку.

произведения искусства. Возможно, это сформировало культуру времён Восточной Горы. После этого Япония обращает свой взгляд совсем в другом направлении. На этот раз взгляд её устремлён не на Китай, она смотрит в сторону «южных варваров». Это время – период правления Ода Нобунаги, Тоётоми Хидэёси и начало сёгуната Токугава – было «второй молодостью» Японии. Это было время первых христиан, эпоха многочисленных иностранных заимствований. Живопись серии «Виды Киото и его окрестностей» является в каком-то смысле символом этого времени возрождённой юности Японии. В истории страны была эпоха неяркого серебра под названием «Восточная Гора», но эта тусклость и скромность серебра – благо. И вместе с тем мы видим стремление к пышности и обилию золота. На золотой ширме в каком-нибудь замке нередко можно увидеть большую сосну. Некоторые считают, что появление сосны на ширмах, изображавших в основном городскую жизнь, можно объяснить большой загруженностью мастера. Замки росли, как грибы, художники просто не успевали выполнить к сроку заказ, и тогда в какой-нибудь мастерской, например, школы Кано, из-под грубой, как метла, кисти появлялась картина. На предварительно сделанный мастером эскиз ученик наносил краски, и завершённая работа приобретала пышно-парадный вид. Это – то возрождение золота, которое отразилось в эстетических пристрастиях японцев. Порыв ветра, который во времена Асикага Ёсимицу «распахнул окно» на Запад, дух этого движения воплотился в золоте. Если же «захлопнуть окно» в мир, рождается «японское». Так возрождается серебро. И это – бесконечное повторение в культуре Японии.

Красота по-японски

Кин. Что такое, собственно говоря, «японскость»? Японская самобытность? Трудно определить это словами. Например, если меня спросят о том, какая керамика является истинно японской, моё мнение совпадёт с мнением большинства. Я думаю, что японский дух передают не изделия в стиле *какиэмон*²⁰, а скорее глиняные изделия *сино*²¹ или утварь для чайной церемонии *орибэ*²². На первый взгляд грубые и неуклюжие поделки (мастер прилагал немало усилий, чтобы придать изделию эту грубость) гораздо больше передают японский дух, чем красивый фарфор *имари*²³ или *какиэмон*. В Китае или Корее такую керамику не сочли бы искусством...

---

²⁰ *Какиэмон* (柿右衛門) – стиль росписи фарфора, существующий с XVII в. Фарфор был привезён из Китая в Японию в 1644 г. Сакайда Какиэмон (яп. 酒井田柿右衛門), в честь которого и был назван этот стиль японского фарфора. Этому стилю декорирования фарфора присуще использование многоцветной надглазурной росписи в сочетании с позолотой, асимметричные композиции на белом глазурированном фоне фарфора.

²¹ *Сино* (志野) – стиль белоснежной толстой глазури с полевыми шпатами, первый из средневековых японских стилей, не копировавших китайские образцы.

²² *Орибэ* (織部) – стиль японской керамики, сочетавший грубоватую небрежность форм и элегантную простоту декора.

²³ *Имари* (伊万里, от Имабари, портового города в Японии) – обобщённое название японских изделий из фарфора, которые производили с 1616 г. главным образом для экспорта в Европу. В XVII–XVIII вв. их изготавливали в селении Арита на о. Кюсю и вывозили в другие страны через порт Имабари, отсюда название: *имари-арита*. Ранние изделия *арита* выполняли в подражание классическому китайскому фарфору периода Мин (1368–1644) – с росписью синим кобальтом по белому фону и в «пятицветном стиле».

Сиба. Да, в Китае или Корее её не приняли бы, как почётного гостя.

Кин. Да, несомненно, там решили бы, что это утварь для крестьянина или просто неумелая поделка. Однако японцы стремились к созданию именно такого простого и грубого образа. Конечно, под огромным влиянием Японии я уже лишился изначального свежего взгляда иностранца. Но глядя на подобные предметы искусства, понимаю, что они созданы очень «по-японски». Почему изделия стиля *орибэ* или *сино* японские, а произведённая в той же Японии керамика *сэйдзи* (селадон)²⁴ – нет, сложно объяснить. Это, скорее, из области ощущений.

Сиба. Мне кажется, я понимаю. Сэн-но Рикю²⁵, который предпочитал простые, грубые предметы для чайной церемонии, ставшие сейчас бесценными, открыл для нас японскую красоту. Рикю не писал картин и не был архитектором, и вообще его нельзя назвать человеком искусства, но его чайная утварь, которую будто нашли на обочине дороги в пыли, дело рук настоящего художника. А Фурута Орибэ²⁶ умышленно разбивал готовые изделия. Разбивал, а затем склеивал. Если, хорошенько смешав золотую краску и лак, покрыть чашку, разбить её, а затем склеить фрагменты, места соединения будут совсем как ветви дерева, и оттенки цвета будут прекрасны, благодаря чему чашка приобретёт значительность, – возможно, так рассуждал Фурута. Радость, которую получаешь от того, что сначала разбиваешь, а затем склеиваешь... Такого представления о красоте, верно, нет нигде. Не разбившаяся чашка, нет. Разбить, потом склеить – такова эстетика Орибэ.

Кин. Я полагаю, на Западе такого не встретишь. Например, картины Рембрандта, бережно хранимые в многочисленных частных коллекциях, и сейчас не утратили цветовой палитры времён их создания. Кажется, что не прошли столетия с тех пор, как они были написаны, и это приносит нам огромную радость. Когда-то я слушал лекцию об арабском искусстве, и, насколько я понял, там всё по-другому. Если какой-либо предмет не несёт на себе отпечаток времени, если ты не можешь ощутить его, глядя на этот предмет, он не представляет интереса. Я не владею арабским языком, но знаю слово *барака*²⁷. Значение этого слова имеет много схожего со значением слова *baroque*²⁸. *Барака* обозначает в числе

²⁴ Селадон (青磁) – особый тип глазури, а также специфический бледно-серый оттенок зелёного цвета. Этот тип керамических изделий был изобретён в Древнем Китае.

²⁵ Сэн-но Рикю (千利休, 1522–1591) – историческая фигура, признанная наиболее влиятельной в японской чайной церемонии и отчасти в традиции *ваби-тя*.

²⁶ Фурута Орибэ (古田織部, 1544–1615) – ученик мастера чайной церемонии Рикю. Предполагается, что они познакомились, так как оба были на службе у Оды Нобунаги, их дружба длилась около 10 лет. После смерти Рикю Орибэ тоже стал чайным мастером, хотя и не достиг такого же положения при правительстве. Источники не сходятся во мнениях по поводу его способностей – некоторые открыто смеются над его ошибками, но другие считают, что сама личность Орибэ очень подходила идеалам *ваби*. В 1615 г. Орибэ был вынужден покончить с собой по политическим причинам.

²⁷ Слово *барака* в переводе с арабского означает «благодать», «благословение», «умножение добра», «удача», «чудо». Выйдя за пределы арабского Востока, оно полюбилось во многих странах, быстро вошло во французский и английские языки, обогатилось новыми значениями. К примеру, когда Шарль де Голль хотел подчеркнуть свою неуязвимость и способность завершить свою миссию, заявлял, что обладает «баракой».

²⁸ Барокко, итал. *barocco* – «причудливый», «странный», «склонный к излишествам», порт. *pérola barroca* (досл. «жемчужина с пороком»). Существует несколько версий происхождения слова. В португальском языке *barroca* – жемчужина неправильной формы, не имеющая оси вращения, такие жемчужины были популярны в XVII в. В итальянском языке *barocco* – ложный силлогизм, азиатская форма логики, прием софистики, основанный на метафоре.

прочего дар свыше, подарок Бога. Это таинственное слово, которое со временем обогатилось новыми значениями, с трудом поддается определению. Если бы полотна Рембрандта дошли до нас в том виде, как были написаны, и ничуть не изменились, это было бы уже нельзя назвать *барака*. Но когда ты видишь чашку, покрытую трещинами трехсотлетней давности, которая еще словно хранит аромат того времени, ты можешь ощутить *бараку*. Это сродни духу Рикю.

Сиба. В самом деле, эти ощущения похожи. Я восхищаюсь деревянным изваянием Мироку Босацу («созерцающего Майтрейи») храма Корюдзи²⁹ в Киото, который, верно, когда-то был покрыт золотой фольгой или чем-то подобным. Это еще один образец «золотого» великолепия. Вероятно, когда-то голову Мироку венчало не сохранившееся пышное украшение. Позолота давно облупилась, лак осыпался, и сейчас осталась только деревянная основа, да и дерево спустя тысячелетие почернело от времени. Но благодаря этому мы можем почувствовать красоту и притягательность образа Будды. Будь я китайцем, наверное, захотел бы восстановить прежний облик. В Корее тоже непременно покрыли бы изваяние Майтрейи лаком и краской заново. В японских старинных храмах (таких, как Хорюдзи) красный лак давно стёрся, но в Корее все они сверкали бы свежей киноварью. Там яркость синего и красного цвета, такого, как в храме Тосё-гу³⁰ в Никко, приносит людям радость.

Кин. Да, храм Тосё-гу в Никко известен пышной, поистине «золотой» декоративностью, столь великолепно украшен, что когда-то в старину люди говорили: «Кто не видел Никко, тот не знает прекрасного». А что обозначает эта поговорка?

Сиба. Не понимаю. Признаться, я не большой поклонник Никко. Императорская вилла Кацура³¹ в Киото была построена в то же время. Но трудно представить, что это сооружения одной эпохи, настолько стиль виллы отличается от храмовых сооружений в Никко.

Я долгое время не был в Никко, но однажды увидел его с борта вертолёта. Мне хотелось осмотреть окрестности парка Уэно с высоты птичьего полёта, поэтому я воспользовался возможностью «полетать» над храмом Канъэйдзи³². С высоты был виден масштаб храмового комплекса. Сейчас там размещаются библиотека, музеи, Токийский университет искусств, организация пространства очень сложна. Но когда ты смотришь с высоты, понимаешь: да, храмовый комплекс Канъэйдзи начинается здесь и заканчивается, вероятно, вон там.

---

²⁹ Храм Корюдзи основан в 622 г. принцем Сётоку.

³⁰ Никко Тосё-гу (日光東照宮) – синтоистское святилище в японском городе Никко, префектура Тотиги. Храм и святилище Никко Тосё-гу посвящён сёгуну и полководцу Токугава Иэясу, основателю династии Токугава. Построен в 1617 г., во время правления сына Иэясу, Токугава Хидэтада. При внуке Иэясу, сёгуне Токугаве Иэмицу, святилище было перестроено и расширено; к этому времени относится нынешнее главное его здание. Никко Тосё-гу является местом захоронения самого Токугава Иэясу и местом поклонения его памяти, а также самым известным Тосё-гу (т. е. храмом, где почитается Токугава Иэясу) в Японии.

³¹ Императорская вилла Кацура (桂離宮) является одним из лучших примеров японской архитектуры. Работа над виллой и садом в их нынешнем виде была завершена в 1645 г., когда здесь появилась резиденция рода Кацура – членов японской императорской семьи.

³² Храмовый комплекс Канъэйдзи (寛永寺) был заложен в 1625 г. Семейный храм династии Токугава, усыпальница шести сёгунов.

У нас оставалось время, и пилот предложил посмотреть еще что-нибудь. – Я не видел Никко, давайте полетим туда! – Мы летели над старой дорогой Накасэndo. В Токио было солнечно, но небо над Никко было затянуто облаками. – Может быть, посмотрим ворота Ёмэймон? – Пилот спустился, насколько это было возможно. Никко с высоты птичьего полёта мне совсем не понравился.

Кин. Вы меня успокоили (оба смеются). А я впервые побывал в Никко сразу после окончания войны. Это был декабрь 1945 г. Там только что выпал снег. Конечно, во время войны никто не ухаживал за парком. Но свежий снег лежал на земле, и кроме меня, не было ни одного человека. Тот Никко был прекрасен.

Сиба. Принц Тосихито, воздвигший императорский дворец Кацура, что ни говори, был далёк от мирской суеты. А вот усыпальница Токугава Иэясу в святилище Тосё-гу была возведена внуком Иэясу, и для сооружения храмового комплекса были привлечены мастера со всей страны. Вообще Тосё-гу олицетворяет эпоху, когда преклонение перед властью достигло кульминации. Его пышная декоративность – это не стремление созидать прекрасное, а, я бы сказал, речи льстеца, угождающего власти. А может быть, подражание сверкающей золотом эпохе Адзуты-Момояма? Мы уже говорили о том, что роскошь золота отвечала духу начавшейся эпохи Адзуты-Момояма, а завершившаяся эпоха Токугава оставила след в виде подражания и копирования парадного стиля ушедших в прошлое времён. Подражание вызывает тягостное чувство, не так ли? Если бы люди получали представление о японской культуре только по архитектуре Никко, оно, думаю, было бы далеко от истинного.

Библиографический список

1. *Симонова Е.В.* Японцы и японская культура // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2005. Т. 4. № 3. С. 140–152.
2. *Симонова Е.В.* Японцы и японская культура // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. Вып.10: Востоковедение. С. 108–116.
3. 司馬遼太郎 (しば・りょうたろう) ・ドナルド・キーン (Donald Keene) 日本人と日本文化。中公新書, 1972. 187 с.

Поступила в редакцию 10.10.2017

Автор:

Симонова Елена Владимировна, старший преподаватель японского языка кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.
E-mail: suzume@ngs.ru

The People and Culture of Japan (Chapter 3). Conversations between Donald Keene and Shiba Ryotaro

E.V. Simonova

This book features conversations between Donald Keene, a preeminent scholar of Japanese literature, and Shiba Ryotaro, an author who continued to contemplate the human condition through his original and distinctive lens of history. These talks—which mainly explore the foundation of Japanese culture—took place in Japanese on three occasions in 1971, in the historic cities of Nara, Kyoto and Osaka. Drawing on their profound insights into Japan's relations with foreign cultures over the course of Japanese history, the two engage in a passionate discussion of their first-hand impressions and observations of Japanese culture.

This article contains a translation of the third chapter of the book “The People and Culture of Japan”. In the third chapter, culture and art of the Muromachi period is being discussed. The main attention in the conversation is given to the formation of the aesthetic principles of this time, which influenced the further development of Japanese culture. Reflecting on the features of the concept of beauty “in Japanese”, the interlocutors consider the features of the Golden Temple and the Silver Pavilion, Japanese architecture, painting and ceramics.

Donald Keene is a Japanologist who has published about 25 books in English on Japanese topics, including both studies of Japanese literature and culture and translations of Japanese classical and modern literature, including a four-volume history of Japanese literature. Keene has also published about 30 books in Japanese, some of which have been translated from English. He is President of the Donald Keene Foundation for Japanese Culture. He received the Medal of Culture in 2008.

Shiba Ryotaro was born in Osaka in 1923, and graduated from the Mongolian department at the Osaka Foreign Language School. In 1960, while working as a newspaper reporter, he received the Naoki Prize for his first novel “Fukuro-no shiro” (Castle of Owls), after which he became a full-time novelist. He has received many other awards, including the Japan Art Academy's Imperial Award, for his numerous historical works such as “Kukai-no fukei” (Kukai the Universal: Scenes from his Life). He received the Order of Culture in 1993. Other prominent publications include “Ryoma-ga yuku” (Ryoma Goes his Way), “Kaido-wo yuku” (On the Highway), “Kono Kuni-no Katachi” (The Form of Our Country), and “Saka-no ue-no kumo”(Clouds above the Hill). He died in February 1996.

Keywords: Muromachi period, aesthetic principles of Japanese art, gold, silver.

Received 10.10.2017

Author:

Simonova Elena V., Lecturer, Department of Oriental Studies of the Humanities Institute of Novosibirsk State University. E-mail: suzume@ngs.ru

Япония: общество среднего класса

И.П. Лебедева

Несмотря на экономические неурядицы последних двух с половиной десятилетий, Япония остаётся одной из наиболее богатых стран мира. Кроме того, она является и одной из наиболее благополучных стран – как в плане распределения результатов экономического роста среди населения, так и по целому ряду характеристик уровня жизни. В статье рассматривается влияние на формирование среднего класса демократизации образования, идеологии пожизненного найма, политики правительства по выравниванию доходов и поддержке слабых секторов. Приводятся основные индикаторы уровня жизни современных японцев.

Ключевые слова: средний класс, уровень жизни, социальное расслоение, образование, пожизненный наём, жильё, семья и семейные отношения, работа.

Япония относится к группе наиболее богатых стран с точки зрения уровня жизни населения. По данным за 2015 г., по текущему обменному курсу размеры валового национального дохода на душу населения составили здесь 38,8 тыс. долл. По этому показателю среди стран, входящих в G7, Япония опережает Италию (32,8 тыс. долл.), но существенно уступает США (56 тыс. долл.) и пропускает вперёд Канаду (47,3 тыс. долл.), Германию (45,8 тыс. долл.), Великобританию (43,7 тыс. долл.) и Францию (40,7 тыс. долл.). Однако картина меняется при пересчёте этих показателей по паритету покупательной способности валют (Purchasing Power Parity, PPP), который отражает соотношение между валютами с учётом уровня цен на основные товары и услуги в данной стране, т.е. с учётом покупательной силы её национальной валюты. Так, в 2015 г. с учётом PPP по размерам валового национального дохода на душу населения – 42,3 тыс. долл., Япония уступала лишь США (57,5 тыс. долл.) и Германии (49,1 тыс. долл.), находилась на одном уровне с Канадой (42,6 тыс. долл.) и опережала Францию (41,7 тыс. долл.), Великобританию (41,2 тыс. долл.) и Италию (37 тыс. долл.) [1]. Очевидно, что столь различные результаты отражают влияние дефляции, которая поразила японскую экономику ещё в конце 1990-х годов и продолжается, по сути, и сейчас, сопровождаясь снижением цен на товары и услуги.

Как показывают данные табл. 1, за 1990–2015 гг. валовой национальный доход на душу населения, исчисленный по PPP, увеличился в Японии в 2,2 раза. При всей условности этих показателей (ведь покупательная сила самого доллара за эти годы ослабла) они свидетельствуют о том, что за два с половиной десятилетия, которые принято называть

«потерянными», уровень жизни японцев не только не снизился, но даже повысился, и Япония по-прежнему относится к числу наиболее богатых государств мира.

Таблица 1. Динамика валового национального дохода Японии (по обменному курсу и по PPP)

Годы	1990	2000	2010	2015
Валовой национальный доход (по обменному курсу, млрд долл.)	3405,2	4595,2	5562,9	4931,1
Валовой национальный доход на душу населения (по обменному курсу, тыс. долл.)	27,560	36,230	43,440	38,840
Валовой национальный доход (по PPP, млрд долл.)	2390,8	3447,3	4597,8	5371,1
Валовой национальный доход на душу населения (по PPP, тыс. долл.)	19,350	27,180	35,900	42,310

Источник: [2].

Важно отметить, что при этом она является и одной из наиболее благополучных стран в плане распределения результатов экономического развития среди населения. Об этом, в частности, свидетельствуют данные опросов, проводимых с конца 1960-х годов канцелярией премьер-министра: в течение уже почти пяти десятилетий порядка 90 % японцев относят себя к среднему классу¹ [3, с. 15].

Основные факторы, способствовавшие сглаживанию социальных различий

Преращению японского общества в «общество среднего класса» способствовала, прежде всего, демократизация системы образования, результатом которой стало выравнивание стартовых возможностей для абсолютного большинства граждан страны. Японцы – одна из самых образованных наций в мире (по меньшей мере – по формальным признакам). Так, уже к 1990 г. доля выпускников средних школ, продолживших обучение в школе высшей ступени, поднялась до 95 %, а среди окончивших высшую ступень средней школы доля поступивших в университеты достигла 24 % среди юношей и 37 % среди девушек. В последующие годы эти показатели продолжали повышаться и в 2015 г. составили соответственно 98,5 %, 52,1 % и 56,9 % [4, табл. 23–25]. При этом особенностью Японии является то, что абсолютное большинство поступивших в вузы заканчивают их и получают диплом о высшем образовании.

Хотя под влиянием тяжёлой и затяжной экономической депрессии, в которую Япония вступила в начале 1990-х годов, ситуация на рынке труда заметно изменилась, и хорошее образование уже не гарантирует столь безусловно, как прежде, получение стабильной работы [5], тем не менее престиж образования в японском обществе отнюдь не снизился. Об

¹ Эти цифры отражают оценки японцами уровня жизни своих семей, включая не только размеры текущих доходов (применительно к Японии к «средним» относятся доходы от 1 до 10 млн иен в год), но и такие показатели, как жилищные условия, величина активов, обеспеченность основными материальными благами и т.д.

этом говорят и приведённые выше данные. При этом, как отмечает профессор М. Яно, для японского студенчества характерны следующие черты.

Во-первых, установка на то, что в университет нужно поступать сразу после школы, т.е. в 18 лет (таких среди абитуриентов японских вузов – 80 %, остальные – это в основном 19-летние неудачники, не сумевшие сдать вступительные экзамены сразу по окончании школы). В западных странах такой жёсткой привязки нет, и возрастной состав студентов отличается значительной пестротой.

Во-вторых – расчёт на то, что финансовое бремя, связанное с обучением в университете (а часто – это не только плата за обучение, но и расходы на аренду жилья и повседневные нужды), будут нести родители. Как известно, в западных странах родители обычно поддерживают детей материально до достижения ими 18 лет, а что касается расходов, связанных с получением высшего образования, то молодые люди в основном оплачивают их сами, в том числе за счёт специальных кредитов, предоставляемых на эти цели. В Японии же родители считают чуть ли не своей священной обязанностью поддерживать детей вплоть до окончания ими вуза, т.е. до 22 лет. Интересно отметить, что функция материального обеспечения детей вплоть до окончания университета предусмотрена и системой заработной платы, применяемой в японских компаниях. Как известно, она является «повозрастной», т.е. увеличивается по мере повышения возраста работника и нарастания его трудового стажа. При этом максимальную заработную плату работники получают в возрасте 50–55 лет – именно тогда, когда дают детям высшее образование.

В-третьих – упор на завершение образования. Как говорилось выше, абсолютное большинство поступивших в вузы заканчивают их и получают диплом о высшем образовании. Так, если среди студентов европейских вузов доля тех, кто получает законченное университетское образование, составляет порядка 70 %, то в японских университетах она превышает 90 % [6, с. 70–71]. От себя добавим, что это связано, в том числе, и с весьма мягким отношением профессорско-преподавательского состава к оценке знаний студентов, и с весьма либеральным подходом к учёту их присутствия на занятиях.

Так, японские профессора отлично знают, что при найме выпускников компании будут оценивать в первую очередь их личностные характеристики, и лишь во вторую – уровень полученных ими академических знаний, так как в соответствии с принципами системы пожизненного найма работников нужной квалификации компании «создают» для себя сами через систему внутрифирменного обучения. Что же касается присутствия на занятиях, то согласно устоявшейся практике со второго семестра третьего курса, т.е. за полтора года до окончания университета, японские студенты начинают поиск работы (*сюсёку кацудо*), отнимающий много сил и времени и часто растягивающийся на месяцы. Поскольку трудоустройство на хорошую работу – главная цель получения высшего образования, отсутствие на занятиях в связи с *сюсёку кацудо* не вызывает нареканий.

Правда, поскольку в последние годы поиски работы стали гораздо более трудоёмкими, чем прежде, и слишком очевиден стал урон, который сложившаяся практика наносит учебному процессу, в этой области были намечены важные изменения. В 2013 г. Федерация экономических организаций Японии (*Ниппон Кэйданрэн*), объединяющая крупнейшие компании и банки, пересмотрела «Хартию о корпоративной этике в области найма и

занятости» и приняла новые правила найма (прежние были согласованы ещё в 1960-е годы). Начиная с 2016 г. публичная деятельность компаний по найму выпускников должна начинаться с 1 марта (в самом конце третьего года обучения), а реальный процесс отбора (интервью и проч.) – не раньше 1 августа (в середине четвертого курса, во время каникул). При этом сам процесс отбора, который раньше занимал шесть месяцев, теперь должен длиться не более двух месяцев и заканчиваться к 1 октября [7, с. 82].

Изменить практику найма с целью облегчения жизни японского студенчества и улучшения ситуации в сфере молодёжной занятости рекомендовал предпринимателям и Консультационный совет при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологий. А именно: бизнесу рекомендовано всех молодых людей рассматривать как «чистые листы» в течение трёх лет после окончания ими учебного заведения и при найме на работу подходить к ним так же, как и к выпускникам, только что завершившим образование.

Наряду с демократизацией системы образования, «стиранию» горизонтальных перегородок и выравниванию социального состава японского общества способствовала и получившая широкое распространение в послевоенной Японии система управления трудом японских компаний, известная под названием «пожизненного найма». Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что одним из её элементов является единый подход к управлению персоналом – и синими, и белыми воротничками. При этом менеджмент японских компаний всячески стремится подчеркнуть высокий статус рядовых работников и свою близость к ним. Так, в японских фирмах нет отдельных столовых для менеджеров, их кабинеты ничем не отличаются от других служебных помещений, фирменная одежда проста и скромна. Здесь не существует также выделенных стоянок для автомобилей начальства, все работники паркуют свои машины на равных условиях.

Далее, в отличие от западных компаний, где возникающие производственные проблемы обычно решаются путём вызова работников в кабинеты начальства, японский менеджмент исповедует так называемый принцип *гэмбасюги* (решения проблем на месте). При возникновении каких-либо проблем не работники вызываются в начальственные кабинеты, а, наоборот, менеджеры и специалисты идут в цеха к рабочим, подчёркивая тем самым своё уважение к ним и их мнению.

Важно также отметить, что по сравнению с западными фирмами в японских компаниях разрыв между оплатой труда управленцев и рядовых работников выглядит весьма незначительным. И если средняя заработная плата японских рабочих вполне сопоставима с доходами американских рабочих, то жалование японских менеджеров существенно ниже, чем у их американских коллег. Так, например, топ-менеджеры японских компаний получают в среднем в 5 раз меньше, чем высшие управленцы американских фирм [8, с. 68].

Наконец, пофирменные профсоюзы, существующие в крупных японских компаниях, объединяют и синих, и белых воротничков, что также подчёркивает отсутствие жёстких социальных перегородок между этими двумя категориями занятых.

Хотя, как известно, система пожизненного найма в наиболее полном виде применялась в крупных частных компаниях и государственных учреждениях, тем не менее, её влияние распространялось далеко за пределы сферы прямого применения. Не только средние, но и мелкие фирмы для того, чтобы повысить свою привлекательность в глазах персонала,

стремились в той или иной степени следовать принципам пожизненного найма. Более того, поскольку система пожизненного найма основывалась на широком использовании базовых элементов национальной культуры и национальной психологии, она оказалась близка и понятна огромным массам населения и по существу стала основой, на которой и вокруг которой формировался образ жизни и ценностные ориентиры нескольких послевоенных поколений японцев.

Политика правительства по выравниванию доходов

Если демократизация системы образования и широкое распространение идеологии пожизненного найма способствовали стиранию горизонтальных перегородок в плане выравнивания социального статуса различных слоёв населения, то правительство стремилось поддержать формирование «общества среднего класса», регулируя распределение доходов с помощью разного рода инструментов экономической политики.

Показателем, который позволяет достаточно объективно судить о том, насколько велика дифференциация среди различных групп населения по уровню доходов, служит коэффициент Джини. Он показывает степень отклонения фактического распределения доходов от теоретически абсолютно равного их распределения (чем он выше, тем выше и расслоение). О том, как обстояли дела в этой области в Японии, дают представление данные табл. 2.

Таблица 2. Динамика коэффициента Джини

Годы	1965	1996	1999	2002	2005	2008	2011	2014
По доходам у источника	–	0,376	0,408	0,419	0,435	0,454	0,470	–
По доходам после перераспределения	0,300	0,310	0,333	0,322	0,323	0,319	0,316	0,375
Степень снижения коэффициента за счёт перераспределения доходов, %, <i>в том числе:</i>	–	17,7	18,4	25,3	25,9	29,7	32,8	–
за счёт системы социального страхования, %	–	13,7	15,3	19,9	22,8	26,2	28,6	–
за счёт системы налогообложения, %	–	4,7	3,7	4,3	4,1	4,7	5,8	–

Источник: [9, с. 63; 7, с. 189; 10, с. 186]

Как показывают эти данные, при достаточно очевидной тенденции к усилению расслоения населения по первичным доходам (т.е. до уплаты налогов и взносов в систему социального обеспечения), по доходам после перераспределения степень расслоения была существенно ниже и на протяжении длительного периода оставалась практически стабильной. Это говорит о том, что в послевоенный период Япония не только совершила

громадный рывок в своём экономическом развитии, но и создала систему, при которой плодами экономических успехов страны смогли воспользоваться по сути все её граждане, все слои населения.

Такое положение во многом стало результатом целенаправленной политики Либерально-демократической партии Японии, которая ещё в первых программных документах провозгласила своей целью «построение государства благосостояния». Для реализации этой цели был использован весьма широкий набор средств экономической политики – начиная с системы налогообложения и кончая разного рода регламентациями хозяйственной практики.

Что касается налогообложения, то для перераспределения национального дохода в пользу менее обеспеченных слоёв населения в Японии, наряду с прогрессивной системой налогообложения доходов физических лиц, применяются и весьма высокие ставки налога на наследство. Так, ставки налога на доходы физических лиц, составлявшие прежде 10 % для лиц с наименьшими доходами и 37 % для получателей наивысших доходов, в 2007 г. были ещё больше дифференцированы и стали составлять 5 % и 40 % соответственно. При этом существует и система разного рода скидок и вычетов из налогооблагаемой базы на иждивенцев, инвалидов и т.д.

Что же касается налога на наследство (который дифференцирован в зависимости от вида и величины последнего), то получатели наиболее крупных состояний (их нижние границы определяются отдельно по каждому виду наследства) выплачивают государству до 50 % от стоимости наследуемого имущества [11, с. 27, 135]. Иными словами, налоги на наследство в Японии столь высоки, что уже в третьем поколении наследники – в случае, если они лишь «проедают» полученное наследство, – по существу лишаются средств к существованию.

Как показывают данные табл. 2, основную функцию по перераспределению доходов несёт система социального обеспечения. В своём нынешнем виде она включает три основных звена: пенсионное обеспечение, медицинское страхование и оказание материальной поддержки отдельным категориям граждан (старикам, инвалидам, одиноким матерям, малообеспеченным семьям с малолетними детьми и др.). В 2015 г. расходы на социальное обеспечение составили 31 % национального дохода страны, в то время как, например, в 1980 г. соответствующий показатель находился на уровне 12,1 %. В абсолютном выражении расходы на социальное обеспечение выросли с 24,8 трлн иен в 1980 г. до 116,8 трлн иен (порядка 1,1 трлн долл.) в 2015 г., или в 4,7 раза. Примерно в такой же пропорции увеличились и расходы на душу населения – с 212 тыс. иен в 1980 г. до 910 тыс. иен (порядка 9 тыс. долл.) в 2015 г. [4, с. 663; 12, с. 21]. По этому показателю Япония находится в ряду наиболее развитых стран.

Что касается системы пенсионного обеспечения, то, прежде всего, следует отметить, что в отличие от других высокоразвитых государств (например, США, Великобритании, Германии, Франции, Швеции), где под пенсионное обеспечение подпадают только определённые категории граждан (в основном – лица, работающие по найму, и самозанятые), в Японии пенсионная система носит всеохватывающий характер. Ещё в 1961 г. в стране был принят Закон о всеобщем страховании здоровья и пенсионного обеспечения, который

распространил право на получение пенсии на те категории граждан, которые не попадали под две существовавшие прежде пенсионные схемы – *косэй нэнкин*, или пенсии благосостояния (для работников частных предприятий) и *кёсай кумиаи*, или пенсии ассоциаций взаимопомощи (для госслужащих, преподавателей частных и государственных образовательных учреждений). Для таких категорий, как самозанятые, рыбаки и фермеры, безработные, студенты и т.д., была создана отдельная система страхования – национальная пенсия (*кокумин нэнкин*). В 1986 г. в рамках *кокумин нэнкин* был введён институт базовой пенсии – *кисо нэнкин*. Отныне все граждане старше 20 лет (включая застрахованных в других пенсионных системах) должны были платить ежемесячные взносы в систему *кокумин нэнкин* (одинаковые для всех), а государство гарантировало каждому гражданину право на получение базовой пенсии по достижении 65 лет [13].

О том, что пенсионная система страны выполняет в определённой степени и функцию перераспределения, можно судить по следующим фактам. С 2009 г. за счёт средств центрального бюджета государство субсидирует $\frac{1}{2}$ расходов на выплату *кисо нэнкин* (базовой пенсии), которая является основным источником дохода в старости именно для наименее обеспеченных слоёв населения (в то время как пенсии *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи* покрываются целиком взносами самих застрахованных). Кроме того, по закону определённым категориям граждан предоставляется право частичного или полного освобождения от уплаты взносов (при сохранении права на получение пенсии). Число граждан, относящихся к этим категориям, достаточно велико: так, в 2012 г. к ним относились почти 17 % от общего числа подписчиков *кокумин нэнкин* [14, с. 18].

В ещё большей степени функцию перераспределения выполняет система медицинского страхования. Всеобщее медицинское страхование было введено в Японии ещё в 1961 г. Оно предусматривало две схемы: страхование по месту работы или виду профессии и страхование по месту жительства через муниципалитеты. Под первую схему попадали все лица, работающие по найму, а также члены их семей. При этом работники частных компаний с числом занятых от 5 человек были застрахованы в Общественной системе страхования здоровья (Society Managed Health Insurance), работники мелких предприятий и временные работники – в находящейся под прямым правительственным управлением Японской ассоциации страхования здоровья (The Japan Health Insurance Association). Государственные служащие центральных и местных учреждений, учителя частных школ и преподаватели частных университетов были застрахованы в соответствующих общенациональных ассоциациях взаимопомощи (Mutual Aid Associations).

Вторая схема охватывала все прочие категории граждан – фермеров, самозанятых, рыбаков и лесников, безработных, пенсионеров и др. Все они были включены в Национальную систему страхования здоровья (National Health Insurance) и должны были самостоятельно вступать в неё через муниципалитеты по месту жительства [15, с. 27]. При этом функцию перераспределения нагрузки и поддержки наименее защищённых слоёв населения обеспечивают следующие механизмы.

1. Учёт уровня дохода и материального положения застрахованных при определении величины страховых взносов. Так, в системах страхования, привязанных к месту работы или виду профессии, ставки варьируются в зависимости от уровня дохода и составляют от 3 % до

12 %. В Национальной системе страхования здоровья взносы состоят из двух частей – фиксированной части, одинаковой для всех домохозяйств, и части, рассчитываемой муниципалитетами с учётом уровня доходов, объёма активов, состава семьи, т.е. разной для разных домохозяйств.

2. Перераспределение финансовых ресурсов между различными системами страхования. Это связано со значительными различиями между ними с точки зрения соотношения между страховыми взносами и страховыми выплатами. Наиболее благополучны системы, привязанные к страхованию по месту работы или виду профессии, поскольку здесь застрахованы люди молодого и среднего возраста, чьи потребности в медицинских услугах относительно невелики. Гораздо менее благополучна в этом отношении Национальная система страхования здоровья. Во-первых, в ней застрахована большая часть пожилых граждан, намного чаще прибегающих к медицинской помощи; во-вторых, здесь весьма значительна (порядка 10 %) доля лиц с невысокими доходами, в том числе тех, кто освобождён от уплаты взносов, либо платит их не полностью. Поэтому ещё в 1983 г. был принят Закон о здоровье и медицинском обслуживании пожилых граждан, в соответствии с которым расходы на эти цели стали покрываться не только за счёт средств самой Национальной системы страхования здоровья (где эти граждане застрахованы), но также и за счёт других, более благополучных систем.

3. Солидарная поддержка наиболее уязвимых слоёв населения. Хотя для всех схем медицинского страхования установлена одинаковая доля страховых выплат в покрытии расходов граждан на медицинские услуги (70 %), существуют и исключения. Они распространяются на лиц старше 75 лет, которые оплачивают 10 % стоимости услуг, а также на граждан с низкими доходами, для которых установлены разного рода льготы. Но наиболее ярко этот принцип воплощён в системе финансирования услуг по долговременному уходу за престарелыми. Закон о страховании долговременного ухода за престарелыми был принят в 1997 г., а сама система заработала с 2000 г. Стоимость услуг по долговременному уходу оплачивается из нескольких источников: 25 % приходится на долю центрального правительства, по 12,5 % – на префектурные власти и муниципалитеты; 10 % стоимости услуг оплачивают сами пациенты, а оставшиеся 40 % покрываются за счёт взносов граждан страны старше 40 лет. Для работающих граждан ставка составляет примерно 1,5 % от суммы их заработной платы и бонусов, а с пенсионеров соответствующие суммы взимают местные органы власти в форме вычетов из их пенсий [14, с. 25].

Наряду с системой налогообложения и социального обеспечения важную роль в выравнивании доходов граждан сыграла и политика государства, направленная на поддержку отдельных отраслей и секторов экономики.

Наиболее яркий пример из этой области – поддержка отечественного сельского хозяйства. Отсылая читателей к работам С.Б. Маркарьян [16, а также другие работы того же автора], отметим лишь следующее. Благодаря системе гарантированных закупочных цен (которые долгое время устанавливались на уровне издержек наименее эффективных производителей), политике защиты внутреннего рынка от конкуренции извне, а также целому ряду других мер, стало возможным не только сохранение национального сельского

хозяйства, но и повышение доходов японского крестьянства, а в конечном итоге – стирание различий в уровне жизни между городским и сельским населением.

Особым направлением экономической политики правительства была поддержка малого бизнеса. Она охватывала, по существу, все наиболее важные стороны деятельности малых предприятий. Государство оказывало им содействие в рационализации производства и налаживании нового бизнеса, внедрении новой техники и технологии, расширении экспортно-импортных операций, организации обучения персонала и т.д. Не будет преувеличением сказать, что благодаря такой политике тысячи мелких и средних предприятий, которые в условиях жёсткой рыночной конкуренции, скорее всего, прекратили бы своё существование, смогли остаться «на плаву», а, следовательно – получить свою долю от плодов экономического развития страны.

На ограничение стихии рынка, защиту слабых от его разрушительных сил была направлена и существенная часть системы административно-правовых регламентаций – одной из форм государственного регулирования, применявшейся в Японии в значительно больших масштабах, чем где-либо на Западе. Приведём несколько примеров из этой области.

Так, до 1998 г., т.е. до проведения реформы финансовой системы «Большой взрыв», осуществлялось регулирование размеров комиссионных при операциях с ценными бумагами. Оно было направлено на недопущение их снижения (что было бы неизбежно при свободной конкуренции) и диктовалось интересами сохранения жизнеспособности мелких и средних брокерских фирм, в доходах которых доля комиссионных достигала 50–60 % [17, с. 53–54].

В розничной торговле с целью защиты владельцев мелких и средних магазинов в соответствии с Законом о крупных универмагах и супермаркетах на пути предпринимателей, намеревавшихся открыть крупный магазин, были возведены столь сложные преграды (в виде необходимости получения разного рода разрешений, согласований и т.д.), что лишь немногие из них могли пройти этот путь до конца [18, с. 74–75].

Интересная практика существовала и в ресторанном бизнесе. Путём административного ограничения часов работы крупных ресторанов в вечернее время (например, 22 или 23 часами) клиентов, желающих продолжить свой отдых, «перенаправляли» в другие заведения (кафе, бары, караоке-клубы и т.д.) Это делалось для того, чтобы владельцы этих заведений также могли воспользоваться результатами повышения уровня жизни населения (одно из проявлений которого – рост расходов на проведение досуга вне дома) и получить свою долю «пирога».

Очевидно, что регламентация хозяйственной жизни, поддержка и защита предприятий определённых отраслей и секторов вели к снижению общей экономической эффективности, росту издержек производства и цен. Но, во-первых, в целом такая политика не подавляла стимулов к предпринимательству, а во-вторых, её социальные цели были близки и понятны абсолютному большинству японского народа с присущим ему эгалитарным сознанием.

Таким образом, к концу 1980-х годов Япония не только стала второй по экономической мощи державой мира и вошла в разряд стран с наиболее высоким уровнем жизни населения, но и создала, по выражению одного из европейских японоведов, «общество с удивительным равенством возможностей и результатов» [19, с. 16–17]. Однако глубокая и затяжная депрессия, в которую погрузилась японская экономика в начале 1990-х годов, неблагоприятные демографические изменения, а также всё бóльшая диверсификация жизненных

стилей и ценностных ориентиров японцев привели к существенным изменениям в японском обществе. Социальный ландшафт страны, бывший до этого достаточно ровным, стал быстро видоизменяться, начались процессы социального расслоения населения не только по уровню доходов, но и по всем составляющим понятия «образ жизни». При этом главная разделительная линия прошла между лицами, работающими по найму, а именно: между теми, кто имеет статус постоянного работника, и теми, кто работает на условиях непостоянной занятости. За период с 1990 г. по 2015 г. численность непостоянных работников возросла с 8,8 млн до 19,8 млн, а их доля в структуре занятых – с 20,2 % до 37,4 % [7, с. 44]. Изменился и состав этой категории. Прежде она была представлена в основном школьниками старших классов, студентами и домохозяйками, для которых работа не была ни основным видом деятельности, ни главным источником средств к существованию. Однако сейчас значительную часть лиц этой категории составляют не сумевшая найти постоянную работу молодёжь, женщины, вырастившие детей и стремящиеся вернуться к полноценной трудовой деятельности, работники, уволенные по возрасту или в связи с реорганизацией компании и т.д. И для большинства этих людей работа на условиях непостоянной занятости является и основным видом деятельности, и главным источником дохода.

Наращение масштабов непостоянной занятости – явление типичное для многих развитых экономик. Но в Японии оно имеет особое звучание, поскольку здесь существует глубокий водораздел между постоянными и непостоянными работниками – не только в плане оплаты труда, возможностей карьерного роста и объёма социальных гарантий, но и с точки зрения социального статуса, что для японцев особенно важно.

Действительно, как показывает коэффициент Джини (табл. 1), по доходам «у источника» (т.е. до уплаты налогов и взносов в систему социального страхования) в период 1990-х – 2000-х годов расслоение населения заметно усилилось. Но одновременно усилилась и перераспределительная функция государства, благодаря чему эффект расслоения был практически нивелирован. Что же касается расслоения по статусу, то если судить по опросам Канцелярии премьер-министра, население страны пока не ощутило на себе этих изменений – ведь по-прежнему более 90 % японцев относят себя к среднему классу.

Иными словами, японское общество продолжает быть «обществом среднего класса», т.е. обеспечивает для абсолютного большинства своих граждан весьма высокий уровень жизни и возможность наслаждаться всеми благами современной цивилизации. Чем же конкретно наполняется понятие «уровень жизни» в современной Японии и как обстоят дела в наиболее важных областях жизнедеятельности её населения?

Основные показатели уровня жизни

Начать следует, безусловно, с жилищных условий, поскольку, как известно, жильё – это основополагающая ценность человеческого бытия. Долгое время Япония сильно отставала от западных стран по количественным и качественным характеристикам своего жилого фонда, что в значительной степени было связано с резкими перекосами в расселении населения, возникшими ещё в ходе быстрого экономического роста периода конца 1950-х – начала 1970-х годов. Однако уже к концу 1980-х годов это отставание, по меньшей мере, по количественным показателям, было практически ликвидировано, и Япония вплотную

приблизилась к западноевропейским странам и по размерам жилой площади, и по доле семей, проживающих в собственных домах. Сейчас размеры жилой площади, приходящейся на одно домохозяйство, составляют в среднем 93 кв. м, а число комнат – 4,56. Около 62 % японских семей проживает в собственных домах, средние размеры которых достигают 121 кв. м, а число комнат – 5,68. Важно также отметить, что жилой фонд страны постоянно обновляется, и сейчас около половины его составляют здания, построенные после 1990 г. А о его качестве можно судить по следующим цифрам: из 52,1 млн единиц жилых строений лишь около 3,7 млн, или 7 % относятся к категории не отвечающих установленным стандартам, в то время как абсолютное большинство домов не только отвечают, но и превосходят их [4, табл. 21-4, 21-5, 21-8].

Конечно, и сейчас немало японцев живут в условиях, которые трудно назвать комфортными. Это – прежде всего жители мегаполисов, чьи дома (в том числе и частные) расположены поблизости от промышленных предприятий, автострад, железнодорожных линий, что не может не сказываться отрицательно на качестве среды обитания. Тем не менее, благодаря целенаправленной политике центральных и местных властей – жёстким мерам по защите окружающей среды, перепланировке и перестройке транспортной и промышленной инфраструктуры, созданию городов-спутников и комфортабельных городских кварталов – эта проблема постепенно решается. От себя хотелось бы добавить, что благодаря присущей японцам вежливости и деликатности жители многоквартирных домов избавлены здесь от такой типичной не только для России, но и для многих других стран проблемы, как шумные соседи. И этот факт, так же как и поддерживаемую общими усилиями чистоту на лестничных площадках, в лифтах и холлах также нужно учитывать при оценке жилищных условий современных японцев.

Кстати, несмотря на широко распространенное мнение о крайней дороговизне жилья в Японии, в действительности расходы на оплату жилья и услуг ЖКХ отнюдь не так велики и не являются главной статьёй расходов в бюджете японских семей. Так, по данным за 2015 г., в среднестатистической японской семье (состоящей из 3,17 человек и имеющей месячный доход в размере 543 тыс. иен) на оплату жилья и услуг ЖКХ уходит порядка 42 тыс. иен или 14 % от общей суммы потребительских расходов (составляющей около 300 тыс. иен в месяц). Более того, вполне благополучным оказывается и соотношение между объёмами сбережений и заимствований среднестатистических японцев, и это также не подтверждает бытующие представления о тяжёлом финансовом бремени, которое они взваливают на себя, беря кредит на покупку жилья. Так, соотношение между сбережениями и заимствованиями составляет для мужчин в среднем 79:21 (8,7 млн иен и 2,3 млн иен), а для женщин – 95:5 (13,1 млн иен и 0,7 млн иен). При этом японцы являются одной из самых богатых наций в мире – объём финансовых и материальных активов, приходящихся на семью, составляет в среднем порядка 35,9 млн иен (326 тыс. долл. по текущему курсу) [4, табл. 22-7, 22-13].

В целом же объём и структура расходов японских домохозяйств на потребительские цели вполне соответствуют показателям других высокоразвитых государств. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь такую характерную для стран этой группы черту, как весьма незначительная доля расходов на продукты питания. В Японии на это уходит в среднем

22–23 % общей суммы потребительских расходов семей, что соответствует западноевропейским показателям, но примерно в 2 раза превышает показатели США.

Если раньше, характеризуя уровень жизни населения той или иной страны, специалисты непременно использовали такие показатели, как степень распространения различных видов электронной и электробытовой техники, то теперь это актуально, пожалуй, лишь в отношении стран «третьего мира». Что же касается Японии, то ещё в 1980-е годы по степени оснащённости домохозяйств этой техникой она заняла одно из первых мест в мире, и в последующие годы происходила уже лишь замена старых моделей на новые, более совершенные и эффективные. Благодаря тому, что сейчас основная часть этой продукции производится за рубежом, главным образом в азиатских филиалах японских компаний, цены на неё оказываются вполне приемлемыми даже для наименее обеспеченных граждан.

Среди материальных благ, которыми располагают современные японцы, в качестве свидетельства высокого уровня жизни внимания заслуживают, на наш взгляд, следующие два – автомобили и комплекты для игры в гольф.

В среднем на семью в Японии приходится 1,4 автомобиля, что соответствует показателям наиболее развитых европейских стран. Но при этом особо следует отметить, что практически все автомобили, предназначенные для внутреннего рынка, производятся сейчас по индивидуальным заказам, т.е. в строгом соответствии с пожеланиями потребителей не только в отношении внешнего вида машины, но и её внутренней оснастки. А благодаря высокому техническому уровню и совершенной организации процесса производства от момента заказа автомобиля до его поставки потребителю проходит обычно не более двух недель. При этом парк легковых автомобилей Японии отличается высокой степенью «дружественности» окружающей среде. Так, в последние годы примерно половина всех продаваемых на внутреннем рынке новых автомобилей – это модели, «дружественные окружающей среде», т.е. машины с гибридным двигателем и работающие на биотопливе, электромобили, автомобили с чистым дизельным или газовым двигателем. К этому следует добавить, что и выпускаемые в Японии обычные автомобили, работающие на бензиновом двигателе, отвечают наивысшим по мировым меркам стандартам экологичности, не говоря уже об их технических характеристиках и безупречном дизайне.

Что же касается доли семей, приобретших комплекты для игры в гольф, то использовать этот несколько специфический показатель мы решили, исходя из следующих соображений. Во-первых, игра в гольф относится к числу наиболее дорогих спортивных развлечений (в плане стоимости и самого комплекта, и суммы, которую нужно уплатить за членство в клубе). Во-вторых, еще 15–20 лет назад этот вид развлечений был доступен лишь избранным, свидетельствовал о высоком положении в обществе. В частности, нередко карты членов гольф-клуба приобретались компаниями для высшего менеджмента с целью демонстрации финансового благополучия и повышения престижа в глазах партнёров, а встречи игроков становились одной из форм деловых контактов. И тот факт, что сейчас комплекты для игры в гольф имеются почти в каждой второй семье (в 452 из 1 тыс. семей, состоящих из двух и более человек) [4, табл. 22-11], на наш взгляд, является ярким доказательством и высокого уровня жизни японцев, и того, что японское общество действительно стало «обществом среднего класса».

Японское общество можно считать одним из наиболее благополучных в мире и по целому ряду других показателей. Так, например, семейные отношения отличаются здесь большей стабильностью, чем во многих западных странах. Если по количеству регистрируемых браков на 1 тыс. человек (5,3) показатели Японии вполне сопоставимы с аналогичными показателями других развитых стран (в США – 5,5, Великобритании – 4,5, Германии – 4,7, в Скандинавии – 5,0), то по числу разводов она заметно «отстает» от них. Так, в Японии число разводов на 1 тыс. человек составляет 1,8, в то время как в США – 2,9, Великобритании – 2,1, Германии – 2,2, Скандинавии – 2,4 [4, табл. 30-3].

Как известно, традиционная модель японской семьи – муж работает, а жена присматривает за детьми и занимается домашним хозяйством – подвергается критике как одно из препятствий на пути повышения социального статуса японок и их более активного участия в экономической жизни общества. Но ситуация постепенно меняется, и всё большее число женщин, включая и тех, чьи мужья получают весьма высокие зарплаты, стремятся найти работу. Так, по данным за 2016 г., среди замужних женщин, чьи мужья зарабатывают за год более 10 млн иен (88 тыс. долл.), работали 56,1 % (в 2002 г. – 46,8 %), а среди тех, чьи мужья имеют годовой доход от 5 млн до 10 млн иен (44–88 тыс. долл.) – соответственно 64,7 % (в 2002 г. – 55,0 %). При этом почти 55 % женщин заявили, что хотели бы продолжать работать и после рождения детей [20].

Однако следует иметь в виду, что среди работающих замужних японок большинство трудятся на условиях непостоянной занятости. Так, если в возрастной когорте 25–29 (сейчас средний возраст замужества составляет около 30 лет) доля постоянно занятых составляет более 60 %, то в возрастной когорте 30–34 года – 55 %, 35–39 лет – 49 %, 40–59 лет – 40–42 % [21]. Это означает, что пока ещё многие японки не только оставляют постоянную работу сразу после рождения первого ребенка, но и не возвращаются на свои прежние места даже после того, как дети подрастут. Не углубляясь в анализ различных аспектов проблемы женской занятости в Японии, отметим лишь, что в плане воспитания детей сложившаяся на сегодняшний день ситуация представляется вполне благоприятной. Ведь благодаря этому японские дети (причём не только самые маленькие) могут постоянно общаться со своими мамами, что чрезвычайно важно для их нормального психического и физического развития.

Конечно, говоря о японских семьях, нельзя обойти вниманием такие явления, как неуклонное снижение доли замужних и женатых молодых японок и японцев, повышение возраста вступления в брак и возраста рождения женщинами первого ребёнка, снижение коэффициента фертильности. Так, если в 1980 г. в браке не состояли 24 % японок в возрасте 25–29 лет, 9,1 % – в возрасте 30–34 года и 5,5 % – в возрасте 35–39 лет, то к 2015 г. картина резко изменилась: в возрастной когорте 25–29 лет доля незамужних женщин достигла 61,3 %, в когорте 30–34 года – 34,6 %, а в когорте 35–39 лет – 23,9 %. За эти же годы произошло заметное повышение среднего возраста японок, впервые вступающих в брак – с 25,2 года в 1980 г. до 29,4 года в 2015 г., а, следовательно – и возраста рождения ими первого ребёнка: с 26,4 года до 30,7 года. Та же, но ещё более резко выраженная динамика характерна и для мужчин: если в 1980 г. в браке не состояли 55 % японцев в возрасте 25–29 лет, 21 % – в возрасте 30–34 года и 9 % – в возрасте 35–39 лет, то в 2015 г. соответствующие показатели составили 72,7 %, 47,1 % и 35 %. Что же касается показателя фертильности, то в 2015 г. он

составил всего лишь 1,45 и оказался одним из самых низких в группе высокоразвитых стран [22, с. 3, 10, 12, 20].

Но говоря о проблемах, существующих в сфере семьи и семейных отношений, следует отметить, что пока их социально-экономические последствия не подрывают в целом благополучного положения дел в этой сфере, хотя очевидно, что в будущем ситуация может серьёзно осложниться.

Вполне благополучно выглядит Япония и с точки зрения положения дел в такой важной сфере, как труд и занятость. Прежде всего, следует отметить, что практически все желающие работать японцы имеют работу. Уровень безработицы здесь всегда был одним из самых низких среди развитых стран, причём даже возраставшие в периоды экономических неурядиц показатели соответствовали значениям, характерным для других развитых стран в периоды экономического подъёма. По данным за август 2017 г., уровень безработицы в стране составляет 2,8 %.

Не существует здесь и такой болезненной и типичной для многих западных стран проблемы, как высокая безработица среди молодёжи. Так, летом 2017 г. она составила 4,7 % для лиц в возрасте 15–24 года и 4,1 % – в возрасте 25–34 года [23]. А Закон о минимальной заработной плате, принятый ещё в 1959 г., гарантирует приступающим к работе молодым людям весьма достойный уровень начального заработка (сейчас – это около 200 тыс. иен в месяц для выпускников университетов и более 175 тыс. иен для выпускников средних специальных учебных заведений) [4, табл. 19-10].

Важно также отметить, что несмотря на разного рода изменения, происходящие на рынке труда, абсолютное большинство (85–90 %) мужчин – основных добытчиков в японских семьях – по-прежнему обеспечены работой на условиях постоянной занятости, т.е. вплоть до достижения предельного возраста пребывания в фирме (60 лет). Конечно, за гарантии занятости японские работники платят определённую цену. Продолжительный рабочий день, укороченные отпуска, сверхурочные работы – всё это японские реалии, так же, как и случаи самоубийства вследствие эмоциональных перегрузок и *кароси* (преждевременной смерти из-за переработок). И, тем не менее, гарантии долговременной занятости в стране с таким высоким уровнем жизни – это, безусловно, уникальное явление для современного капитализма, выгодно отличающее Японию от других высокоразвитых государств.

К сказанному выше можно добавить такие моменты, как низкая преступность, чёткая работа транспорта, благоприятная экологическая обстановка (обеспечиваемая объединёнными усилиями государства, граждан и предпринимателей), чистота японских городов, высокий уровень санитарии и гигиены, безупречное обслуживание, вежливость и доброжелательность японцев по отношению друг к другу и т.д.

Конечно, как и в любой другой стране, в Японии существует немало проблем, на которых мы не имеем возможности останавливаться вследствие ограниченных рамок данной статьи. Очевидно также, что отдельные категории граждан в силу разных обстоятельств оказываются за пределами спокойной, обустроенной жизни (по данным на август 2016 г., около 23 % японцев не совсем удовлетворены, а ещё 6 % – совсем не удовлетворены своей жизнью [3, с. 2]). Тем не менее, для абсолютного большинства населения Япония – это красивая, благополучная и безопасная страна. Такое положение вещей является и важным

фактором социально-политической стабильности японского общества, и залогом его поступательного развития.

Библиографический список

1. World Development Indicators. Size of Economy. The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/>
2. World Development Indicators. Country Profile. Japan // The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/>
3. Кокумин сэйкацу-ни кансуру сэрон тэса : [Обследование общественного мнения о жизни населения]. Август 2016 / Канцелярия премьер-министра. URL: <http://www.cao.go.jp/seisaku/seisaku.html>
4. Нихон токэй нэнкан 2017 : [Японский статистический ежегодник].
5. Лебедева И.П. Японская молодёжь на рынке труда: экономические и социальные аспекты // Японские исследования. 2016. №2. С. 43–56.
6. Masakaru Yano. Japan's New Recruits: Victims of Japanese-Style Family and Japanese-Style Employment // Japan Labor Review. Vol.10. No.1. Winter 2013.
7. Labor Situation in Japan and Its Analysis. 2015/2016.
8. Routledge Handbook of Japanese Business and Management / Ed. by Patrissa Haghirian. Routledge, London and N.Y., 2016.
9. Токэй дэ миру Нихон : [Япония через призму статистики]. Т., 2008.
10. JILPT Databook of International Labour Statistics 2017. URL: <http://www.jil.go.jp/>
11. Comprehensive Handbook of Japanese Taxes. Т., 2006.
12. Annual Report on Health, Labour and Welfare 2015. URL: <http://www.mhlw.go.jp/english/>
13. Лебедева И.П. Система социального обеспечения Японии: достижения и проблемы // Японские исследования. 2016. №4. С. 23–35.
14. Social Security in Japan 2014 // National Institute of Population and Social Security Research. URL: http://www.mhlw.go.jp/english/social_security/kaikaku.html
15. Annual Health, Labour and Welfare Report 2013/2014. URL: <http://www.mhlw.go.jp/english/>
16. Маркаръян С.Б. Сельское хозяйство в условиях протекционистской политики // Япония: полвека правления либерал-демократов / отв. ред. И.П. Лебедева, С.Б. Маркаръян. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 156–175.
17. Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998.
18. Япония: переворачивая страницу. М., 1998.
19. David Chiavacci. From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society : Societal Model of Inequality in Postwar Japan // Social Science Japan Journal. 2008. Vol. 11. No 1.
20. Japan Today. September 29, 2017.

21. Annual Report on the Labour Force Survey. Population aged 15 years old and over by labour force status, status in employment, type of employment and age // Statistics Bureau. 2015. URL: <http://www.stat.go.jp>

22. Сёкока сякай тайсаку хакусё : [Белая книга о политике в обществе со снижающейся рождаемостью], 2017.

23. Monthly Results // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/roudou/results/month/index.htm> (дата обращения: 22.10.2017).

Поступила в редакцию 24.10.2017

Автор:

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Japan: Society of middle class

I.P. Lebedeva

Despite the economic difficulties of the last two and a half decades, Japan remains to be one of the richest countries in the world. In addition, it is also one of the most prosperous countries – both in terms of distribution of the results of economic growth among the population, as well as by a number of characteristics of the standard of living. The article examines the influence of education democratization, the ideology of lifetime employment, government policies to equalize revenues and support weak sectors and others on the formation of the middle class. The basic indicators of standard of living of the Japanese are given.

Keywords: middle class, standard of living, social stratification, education, life-time employment, housing, family and family relationships, work.

Received 24.10.2017

Author:

Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. E-mail: lebedeva130250@mail.ru

«Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями о разрешении войти в японские гавани и высадки экипажа на берег» как источник по экспедиции А.К. Лаксмана (1792–1793 гг.)

К.М. Карташов

Статья посвящена не введённому в научный оборот источнику по экспедиции А.К. Лаксмана – журналу одного из её участников, копия которого хранится в Российском государственном историческом архиве. Предпринята попытка установить авторство журнала, сопоставить его содержание с другими источниками по истории экспедиции А.К. Лаксмана и оценить значение нового источника для её изучения.

Ключевые слова: история российско-японских отношений, экспедиция А.К. Лаксмана, И.Ф. Трапезников, Н.С. Мордвинов, публикация архивных документов, материалы о Японии в коллекции РГИА.

13 сентября 1792 г. из Охотска вышло в плавание судно «Екатерина», на борту которого находились члены экспедиции Адама Кирилловича (Эриковича) Лаксмана (1766–1806?) – первого русского посольства в Японию. Первоочередной задачей экспедиции, главным организатором которой выступил отец А.К. Лаксмана, учёный и путешественник шведского происхождения Кирилл (Эрик) Густавович Лаксман (1737–1796), было установление торговых отношений с Японией, а поводом к её отправке послужило возвращение на родину потерпевших кораблекрушение японцев¹.

9 октября «Екатерина» бросила якорь в заливе Нэмуру у северо-восточной оконечности современного Хоккайдо. В Нэмуру экспедиция пребывала вплоть до начала июня 1793 г. С целью установить контроль над контактами русских с местными жителями и получить разносторонние сведения о России в Нэмуру были направлены чиновники из Мацумаэ² и Эдо. 1 мая 1793 г. участникам экспедиции было объявлено, что для передачи японцев

---

¹ Речь идёт о Дайкокуя Кодаю 大黒屋光太夫 (1751–1828), капитане судна «Синсё-мару», в 1783 г. прибитого бурей к берегам Алеутских островов, и двоих его спутниках, Коити 小市 и Исокити 磯吉. 30 апреля 1793 г. Коити скончался в Нэмуру от цинги.

² Японское княжество Мацумаэ занимало южную часть современного о. Хоккайдо (в русских источниках – Езо, Иедзо, Иессо, Матмай, Матсмай). Столица этого княжества также называлась Мацумаэ.

и переговоров с официальными уполномоченными правительства *бакуфу* им надлежит ехать сухим путём в Мацумаэ. Однако А.К. Лаксману всё же удалось добиться разрешения следовать в Мацумаэ морем в сопровождении японского корабля. 4 июля миссия прибыла в Хакодате, а оттуда двенадцать русских, Дайкокуя Кодаю и Исокити в составе пышной процессии отправились в Мацумаэ. В ходе переговоров А.К. Лаксман получил несколько документов, в том числе разрешение на заход одного русского судна в Нагасаки (яп. *симпай* 信牌) для дальнейшего обсуждения возможности торговли. Возвратившись в Хакодате, 11 августа члены экспедиции отправились в обратное плавание и 8 сентября прибыли в Охотск. В силу различных обстоятельств снаряжение следующей экспедиции в Японию задерживалось, и выданным А.К. Лаксману разрешением удалось воспользоваться лишь в 1804 г., когда в Нагасаки прибыло посольство Н.П. Резанова.

Помимо основного источника об экспедиции – журнала (дневника) А.К. Лаксмана – опубликованы документы, переданные российской стороне в ходе переговоров³, а также ряд материалов, касающихся подготовки⁴ и результатов⁵ миссии. Значительная часть источников представлена в одном из томов «Архива князя Воронцова» и в сборнике документов «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.».

Именно в одном из примечаний к сборнику «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.» было обнаружено упоминание о не введённом в научный оборот источнике по экспедиции – журнале, отличном по содержанию от «дипломатического» А.К. Лаксмана и судового, который вёл штурман В.Ф. Ловцов⁶. Копия этого журнала, как сообщалось в примечании, имеется в ЦГИА СССР (ныне РГИА – Российский государственный исторический архив; архивный шифр: ф. 994, оп. 2, д. 1620), а его автором, возможно, является «геодезии сержант» И.Ф. Трапезников [2, с. 364].

Журнал не имеет заголовка. Дело же озаглавлено «Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями о

---

³ «Официальное предостережение» (яп. *юси* 諭旨), содержащее запрет плавать вдоль берегов Японии [1, с. 411–413; 2, с. 314–315]; бумага о возвращении А.К. Лаксману письма от 12 октября 1792 г. и его перевода на японский язык [2, с. 313], а также сами письмо [2, с. 312–313] и перевод; расписка о приёме японской стороной Дайкокуя Кодаю и Исокити [1, с. 414]; разрешение на заход одного русского судна в Нагасаки [1, с. 414; 2, с. 315]; список припасов, выданных русским на случай недостатка провизии во время обратного плавания [1, с. 414].

⁴ В том числе «Представление о японском торге» К.Г. Лаксмана и основанный на нём указ Екатерины II «О установлении торговых отношений с Японией» [2, с. 286–289, 303–305], письма К.Г. Лаксмана, статс-секретаря графа А.А. Безбородко, президента Коммерц-коллегии графа А.Р. Воронцова, Всеподданнейший рапорт иркутского и колыванского генерал-губернатора И.А. Пиля Екатерине II [1, с. 188–213], инструкция И.А. Пиля А.К. Лаксману и В. Ф. Ловцову с изложением задач миссии, рекомендаций и наставлений [3, с. 479–485] и др.

⁵ В том числе письмо К.Г. Лаксмана А.А. Безбородко от 30 ноября 1793 г. [4, с. 267–269], рапорты А.К. Лаксмана и В. Ф. Ловцова о научных итогах миссии [3, с. 539–541], рапорт И. А. Пиля Екатерине II о результатах плавания от 28 февраля 1794 г. [2, с. 316–320], письмо Екатерины II генерал-прокурору графу А.Н. Самойлову от 10 августа 1795 г. с указанием о награждении участников экспедиции [2, с. 336–337] и др.

⁶ Судовой журнал экспедиции («лагбук») содержит сведения о подготовке судна к плаванию, курсе корабля, условиях путешествия, состоянии здоровья экипажа, гораздо меньше внимания уделяя описанию хода самого посольства [2, с. 363–364].

разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег. Копии» (далее – «Журнал...»).

Рукопись представляет собой тетрадь без обложки объёмом в 15 листов. Все записи выполнены одним почерком, чёрными чернилами.

На л. 1 в правом верхнем углу имеется надпись «Копии», после которой на лл. 1–3 об. приведены тексты четырёх уже известных источников об экспедиции: «Лист предписанный от его Тензин-Кубоского величества о узаконении в государстве Японском в разсуждении приходу иностранных судов» (лл. 1–2), «Лист с которым вручили обратно посланное к матмайскому губернатору письмо, о предуведомлении что до их столицы следовать намерены» (л. 2), «Великаго Нифонскаго государства его тензин-кубоскаго величества Матмайской губернии главнокомандующему Шимано Камисама» (лл. 2 об.–3) и «Лист о позволенном входе в Нангасакскую гавань» (л. 3 об.). Судя по всему, эти документы приложены к тексту журнала создателем копии, и именно они составляют ту часть дела, которая названа «перепиской командира экспедиции с береговыми властями о разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег».

Текст собственно журнала начинается на л. 3 об. Вплоть до л. 13 на его страницах в хронологическом порядке описываются события экспедиции от выхода российского судна из устья реки Охоты 13 сентября 1792 г. до возвращения в исходный пункт 9 сентября 1793 г. Далее на лл. 13–13 об. приводятся «Описание острова Езо» и относящееся к нему «Замечание». Завершается журнал (лл. 13 об.–15 об.) рассказом о пребывании в Хакодате и путешествии в Мацумаэ, содержащим более подробное описание процессии, нежели приведённое ранее.

Язык журнала отмечен рядом особенностей, характерных для русского языка конца XVIII – начала XIX в.: окончание *-ой* в м. р. ед. ч. (курильской остров, японской язык, легкой холодок), окончание *-аго* у прилагательных и местоимений на *-ый* и *-ий* в родительном и винительном падежах мужского и среднего рода (онаго жилища, порядочнога перевода, сильнаго течения), сохранение *з* перед последующей *с* в приставках, оканчивающихся на *-з* (в разсуждении, в разстоянии), непривычные для современного читателя написания некоторых букв (в частности, встречается такое написание буквы *в*:), развёрнутые конструкции с обилием причастий и деепричастий и т. д.

Прямых указаний на то, кто является автором журнала, в тексте нет. Однако на основании имеющейся в тексте информации и других источников по экспедиции об авторстве журнала можно сделать достаточно уверенное предположение.

На момент отправления экспедиции из Охотска в её состав входило порядка 40 человек⁷. Круг возможных авторов журнала можно сузить до двенадцати русских, отправившихся в Мацумаэ: А.К. Лаксмана, В.Ф. Ловцова, сержантов геодезии переводчика Е.И. Туголукова и управляющего делами И.Ф. Трапезникова, пятнадцатилетнего сына охотского коменданта И.Г. Коха волонтёра В.И. Коха, купцов И.Г. Полномошного и В.Н. Бабикова и пятерых служителей [7, с. 137].

⁷ По свидетельству Дайкокуя Кодаю – 41 или 42, по данным Э. Я. Файнберг – 40 [5, с. 51, 93; 6, с. 54].

Среди них наиболее вероятными претендентами на авторство представляются Е.И. Туголуков и И.Ф. Трапезников – именно им надлежало помогать А.К. Лаксману с описанием экспедиции. Историк и медик А.С. Полонский, пересказывая Всеподданнейший рапорт И.А. Пиля Екатерине II от января 1792 г., упомянул, что «для препровождения японцев и делания наблюдений назначен из сыновей профессора поручик Адам Лаксман <...> с придачею ему в помощь сержанта геодезии Туголукова», а позже, 19 мая, также «в помощь начальнику экспедиции», «назначен еще другой сержант геодезии, Трапезников» [1, с. 210; 3, с. 476]⁸. Один из пунктов инструкции И.А. Пиля, адресованной А.К. Лаксману и В.Ф. Ловцову, гласил: «В помощь Лаксману в исполнении поручения отправлен из Иркутска Геодезии сержант И. Трапезников, а для толмачества знающий японский язык сержант же Егор. Туголуков» [3, с. 480]. Наконец, в рапорте о результатах плавания И.А. Пиль выразил отдельную признательность не только А.К. Лаксману и В.Ф. Ловцову, но и Е.И. Туголукову и И.Ф. Трапезникову, отмечая, что один «употреблялся в переводе разговоров с японцами, даже самых листов, к ним посылаемых и полученных от них поручиком Лаксманом», а другой исправно нёс службу, «вспомоществуя в описаниях Лаксману и в прочих по экспедиции препорученностях» [2, с. 320].

Обратившись к тексту «Журнала...», мы обнаруживаем следующее:

Начальник экспедиции послал переводчика просить ево, прибыл оной (со)⁹ своим лекарем [8, л. 5].

Тут же чрез переводчика сказано г-ну Лаксману, что присланы от губернатора матмайского чиновника письмо... [8, л. 11]

За сими переводчик Туголуков на верховом коне, коего вели 2 человека... [8, л. 15 об.]

Приведённые выдержки указывают на то, что автором журнала был не Е.И. Туголуков, а экстравагантное предположение о том, что автор говорит о себе в третьем лице, опровергается следующими цитатами:

17-го числа в три часа пополудни пошли на аудиенцию г-н Лаксман, занимающей должность посланника, и штурман Ловцов и переводчик, о чем было с вечера имянно объявлено чрез тех же чиновников, кому быть при той аудиенции, а мы находились при квартире [8, л. 10 об.].

Посланник с переводчиком пошли, а мы остались в той комнате [8, л. 12].

---

⁸ В версии документа, опубликованной в «Архиве князя Воронцова», говорится о назначении «для вспомошествования [А.К. Лаксману. – К. К.] в возложенной комиссии» только одного сержанта геодезии – судя по всему, Е.И. Туголукова. Сведения о том, что 19 мая к составу экспедиции присоединился ещё и И.Ф. Трапезников, не могли присутствовать в январском рапорте И.А. Пиля и добавлены А.С. Полонским без указания источника.

⁹ Выдержки из журнала приведены с сохранением архаичной орфографии и грамматики. В круглые скобки заключены реконструированные публикатором фрагменты текста, квадратные принадлежат тексту рукописи, угловые скобки отмечают фрагменты текста, прочтение которых вызывает сомнение или трудности.

Первая из приведённых цитат свидетельствует также о том, что журнал не является ещё одним, «несудовым» дневником В.Ф. Ловцова.

Таким образом, с определённой уверенностью можно утверждать, что автор интересующего нас журнала – Иван Филиппович Трапезников.

Сведения о его биографии весьма скудны и черпаются в основном из материалов, имеющих отношение к экспедиции А.К. Лаксмана. По словам Дайкокуя Кодаю, отцом И.Ф. Трапезникова был Кюсукэ из Намбу – один из членов экипажа корабля «Тана-мару», в 1745 г. потерпевшего крушение у берегов Камчатки [5, с. 51]. Однако В.М. Константинов, ссылаясь на архивные документы, отмечал, что Кюсукэ был назван Иваном Семёновым, а имя Филиппа Трапезникова получил при крещении один из его спутников, Тёсукэ. Из этого можно заключить, что И.Ф. Трапезников был сыном Тёсукэ, а не Кюсукэ [5, с. 335–336]. В 1748 г. Ф. Трапезников и трое его товарищей стали первыми преподавателями открытой в Якутске школы японского языка. В 1754 г. по требованию Иркутской канцелярии школа была переведена в Илимск [9], где, вероятно, в 1757 г.¹⁰ появился на свет И.Ф. Трапезников. Никаких сведений о первых 35 годах его жизни обнаружить не удалось. Как излагалось выше, в 1792 г. он вошёл в состав экспедиции в чине сержанта геодезии с жалованием в 250 рублей [3, с. 477]. В письме о награждении участников экспедиции от 1795 г. Екатерина II распорядилась присвоить И.Ф. Трапезникову чин прапорщика и устроить его уездным землемером в Иркутской губернии [2, с. 337]. Дальнейшая судьба И.Ф. Трапезникова неизвестна.

Непроработанным остаётся и вопрос об истории текста. Фонд, в котором хранится «Журнал...», состоит из трёх описей, включающих в себя материалы родового архива графов Мордвиновых за 1642–1917 гг. Опись №2 посвящена русскому флотоводцу и государственному деятелю, председателю Вольного экономического общества (1823–1840 гг.) графу Николаю Семёновичу Мордвинову (1754–1845) и содержит материалы, связанные с его служебной и общественной деятельностью, а также его переписку с родственниками. По тематическому принципу в описи выделены двенадцать разделов, в последний из которых – «Разное» – помещены документы, связь которых с представителями рода Мордвиновых не выявлена. К этому разделу и относится «Журнал...». Известно, однако, что в начале XIX в. Н.С. Мордвинов активно участвовал в работе Российско-американской компании, с именем которой связаны попытки установить торговые отношения между Россией и Японией. Возможно, именно подробное изучение деятельности Н.С. Мордвинова в Российско-американской компании поможет раскрыть обстоятельства, при которых «Журнал...» попал в родовой архив графов Мордвиновых, а также выяснить, сохранился ли оригинал рукописи и где находятся другие её копии.

Прежде чем перейти к анализу содержания самого журнала, отметим, что расхождения между текстами дипломатических документов, приведёнными в начале «Журнала...», и уже

---

¹⁰ Согласно «Кратким вестям о скитаниях в северных водах», в год крысы (1792 г.) И.Ф. Трапезникову было 36 лет. Дайкокуя Кодаю, судя по всему, пользовался традиционной восточноазиатской системой счёта возраста, при которой срок беременности засчитывается ребёнку за год жизни (указанный в тексте возраст самого Дайкокуя Кодаю, родившегося в 1751 г., – 42 года). Поэтому наиболее вероятный год рождения И.Ф. Трапезникова – 1757 г. [5, с. 47, 51].

опубликованными вариантами этих источников незначительны и нисколько не затрагивают смысл написанного. Например, таковы различия между «Листом предписанным от его Тензин-Кубосага величества о узаконении...» из «Журнала...» и публикацией этого документа в «Архиве князя Воронцова»:

«Архив князя Воронцова» [1, с. 411–413]	«Журнал...» [8, лл. 1–2]
никогда никакой <i>в оном</i> перемены быть не может	никогда никакой перемены быть не может
без всякаго огненнаго <i>орудия</i> , из <i>древних</i> же лет живущий	без всякаго огненнаго <i>оружия</i> , с <i>издревних</i> же лет живущий
из <i>древних</i> же лет не имея содружества	с <i>издревних</i> же лет не имея содружества
<i>какое</i> обхождение и обыкновение имеете	<i>каковое</i> обхождение и обыкновение имеете
торгующие же <i>издревле</i>	торгующие же с <i>издревле</i>
<i>буде</i> же довольно	<i>будучи</i> же довольно
чтоб <i>исполнение</i> сего <...> оставить	чтоб <i>в исполнении</i> сего <...> оставить

Различия, обнаруженные при сопоставлении трёх других документов с их опубликованными версиями, носят такой же характер.

Теперь обратимся к тексту журнала.

Выше мы уже приводили его краткую структуру. Если описывать содержание журнала более подробно, то по хронологии можно выделить следующие его части:

13 сентября – 9 октября 1792 г.: отправление из Охотска – лавирование у берегов южных Курильских островов – высадка на о. Эдзо, встреча с айнами и приказчиком откупщика из княжества Мацумаэ – стоянка в заливе Нэмуру (лл. 3 об.– 4).

9 октября 1792 г. – 1 мая 1793 г.: отправка письма А.К. Лаксмана князю Мацумаэ – прибытие из Мацумаэ чиновника Судзуки Кумадзо¹¹ – визит двоих эдоских чиновников с лекарем и их отъезд в Мацумаэ – смерть Судзуки Кумадзо – прибытие крупной делегации чиновников из Эдо и Мацумаэ в сопровождении айнов – смерть Коити¹² (лл. 4 об. – 5 об.).

1 мая – 4 июля 1793 г.: прибывшие чиновники зачитали письмо из Эдо, в котором русским разрешалось следовать только до Мацумаэ (а не до Эдо, как указывалось в письме А.К. Лаксмана) и только сухим путём – долгие переговоры, в результате которых А.К. Лаксман добился права добираться до Мацумаэ морем в сопровождении японского корабля – описание плавания – прибытие в гавань Хакодате¹³ (лл. 5 об. – 8).

4–13 июля: встреча с «градоправителем» Хакодате и другими чиновниками – ужин у местного купца – описание дома, в котором разместилось посольство, и местных жителей, желающих увидеть чужеземцев – объяснение с чиновниками из Эдо и Мацумаэ, прибывшими

¹¹ В тексте – «Кумазо».

¹² В тексте – «Коича».

¹³ В тексте – «Хакодаде».

следом за русскими на японском корабле¹⁴ – отправление в Мацумаэ (лл. 8–9 об., 13 об.–14 об.).

13–16 июля: путешествие в Мацумаэ (лл. 9 об.–10, 14 об.–15 об.).

17–23 июля: церемония переговоров (лл. 10 об.–12 об.).

26 июля – 9 сентября: выезд из Мацумаэ – возвращение в Хакодатэ – отправление в обратный путь – вход в устье реки Охоты (лл. 12 об.–13).

«**Описание острова Езо**» и «**Замечание**», в котором сообщается о разбившихся и пропавших у берегов острова судах, а также о казни зачинщиков восстания айнов 1789 г. (лл. 13–13 об.). Из трёх известных описаний о. Эдзо, составленных участниками экспедиции, – два других принадлежат А.К. Лаксману [7, с. 134–135] и В.Ф. Ловцову [3, с. 540–541] – описание И.Ф. Трапезникова является наименее полным.

Как можно заметить, интересующий нас журнал по содержанию очень близок к журналу А.К. Лаксмана. Даже при самом беглом ознакомлении с текстом журнала И.Ф. Трапезникова становится понятно, что почти вся имеющаяся в нём информация повторяет и, таким образом, подтверждает сведения из главного источника об экспедиции. Именно поэтому в данной работе мы ограничились публикацией отдельных фрагментов журнала.

Как правило, описания из журнала А.К. Лаксмана более обстоятельны, нежели те, что приводит И.Ф. Трапезников. В особенности это касается записей до 1 мая 1793 г., когда русским было зачитано письмо из Эдо: они занимают лишь два из двенадцати листов журнала.

При этом, как представляется, в журналах одинаково полно освещено прибытие в Хакодатэ: как и А.К. Лаксман, И.Ф. Трапезников рассказывает о приёме на борту «Екатерины» местного «дайгвана»¹⁵, упоминает, что «хотящих <...> взойти на судно или пристающих к оному беспрестанно палками отгоняли», описывает ужин в доме богатого купца, предложенный русским после приёма ванны [7, с. 135; 8, лл. 8–8 об., 13 об.]. В равной степени скрупулёзны оставленные А.К. Лаксманом и И.Ф. Трапезниковым описания того, в какой последовательности шли участники процессии, направлявшейся из Хакодатэ в Мацумаэ [7, с. 137–139; 8, лл. 9 об.–10, 14 об.–15 об.].

В журнале А.К. Лаксмана фигурирует чиновник из Мацумаэ, 22 декабря прибывший в Нэмуру «прежнему [Судзуки Кумадзо. – К. К.] в сотоварищество», но не упоминается его имя [7, с. 122]. Из текста журнала И.Ф. Трапезникова можно сделать вывод, что его звали «Емоношичи» [8, л. 5]. Судя по всему, это искажённое «Маэда Умонсити», приведённое в «Кратких вестях о скитаниях в северных водах» [5, с. 94]. На страницах журнала И.Ф. Трапезникова можно обнаружить ещё одно имя, отсутствующее в тексте журнала А.К. Лаксмана – «С<л>иншуро» [8, л. 9]. Именно так звали богатого купца из Хакодатэ,

¹⁴ По первоначальной договорённости русским надлежало плыть не в Хакодатэ, а в гавань Эдомо, расположенную на южном побережье о. Эдзо. Однако российское судно миновало Эдомо из-за тумана, а когда он рассеялся, вернуться помешал противный ветер. Японских чиновников, недовольных несоблюдением договорённости, такое объяснение, по-видимому, удовлетворило. Представляется, что подозревать членов миссии в намеренном несоблюдении договорённости нет оснований: в частности, потому, что на борту «Екатерины» находился присланный князем Мацумаэ японский лоцман [7, с. 134–135; 8, л. 6, 7].

¹⁵ Искажённое *дайкан* (яп. 代官) – чиновники, являвшиеся представителями сёгуна в уездах.

гостеприимно встретившего русских. Японский вариант этого имени также находим в «Кратких вестях о скитаниях в северных водах» – Сиратори Синдзабуро [5, с. 95].

Единственное сколько-нибудь существенное несоответствие, которое удалось выявить между текстами журналов И.Ф. Трапезникова и А.К. Лаксмана, касается восстания айнов о. Кунашир и Мэнаси¹⁶, вспыхнувшего в мае 1789 г. Восстание было вызвано жестоким обращением японских купцов с местным населением. Погиб 71 японец. Всего в восстании участвовали 130 айнов, 37 из которых были причастны к убийству японцев. Эти 37 человек были выданы властям Мацумаэ и казнены [11, с. 90–91].

Указанные И.Ф. Трапезниковым данные о 172 убитых японцах и 391 казнённом айне, безусловно, некорректны [8, л. 13 об.]. Гораздо более точные цифры привёл А.К. Лаксман: 75 японцев и 35 айнов [7, с. 121]. Требуют проверки и сведения о том, что в 1790 г. у берегов о. Эдзо «без гибели людей» потерпели крушение 186 судов, также приведённые И. Ф. Трапезниковым в «Замечании» [8, л. 13 об.].

Прочие расхождения между текстами журналов представляются несущественными: прибытие Маэда Умонсити И.Ф. Трапезников датирует 21 декабря, а А.К. Лаксман – 22 декабря [7, с. 122; 8, л. 5]; Танабэ Ясудзо и Такусагава Дэндзиро, согласно журналу И.Ф. Трапезникова, прибыли 31 декабря, а согласно журналу А.К. Лаксмана – 29 декабря [7, с. 122; 8, л. 5]; численность чиновников из Мацумаэ и Эдо в составе прибывшей 29 апреля делегации И.Ф. Трапезников оценил в 54 человека, а А.К. Лаксман – в 60 человек [7, с. 127; 8, л. 5 об.] и т.д.

Наибольший интерес представляют те фрагменты журнала И.Ф. Трапезникова, в которых содержатся новые или уточняющие сведения об экспедиции.

Так, в журнале А.К. Лаксмана отсутствует цельное описание интерьера традиционного японского дома. В определённой степени этот пробел восполняет описание, сделанное И.Ф. Трапезниковым в гостях у купца из Хакодатэ:

Дом огромной в <одно жильё>, нерубленной, а дощатой, так как и во всей округе, да надобно думать, что и во всем их государстве таковым образом строятся дома. Стены ж забираются на случай зимнего холода в два или в три ряда, в летнее ж время, когда потребно хозяину, открывает все стены. Два ряда оных забираются или задвигаются деревянными щитами, 3-е ж, внутреннее, бумажными ширмами. В пече и каминов не имеют, а вместо того в комнатах имеют очаги, насыпанные песком. На оных полагается у чиновных и богатых людей уголь, а у недостаточных – дрова, оныя очагами им способствуют¹⁷. Для согревания от холода часто курение табаку и варение чаю, которой они употребляют <частно>¹⁸, отчего и потолки в комнатах о них несильно окопчены. Печенаго у них, кроме вареного, ничего не употребляют. Дома разделяются у них бумажными задвижными ширмами, на многия комнаты полы

¹⁶ Мэнаси (от айн. мэнас – «восток») – айнское и японское название восточной части современного о. Хоккайдо. В контексте восстания айнов 1789 г. под «Мэнаси» понимается территория торговых участков Киитаппу и Аккэси, располагавшихся в восточной оконечности острова [10, с. 165].

¹⁷ Дано описание традиционной японской переносной жаровни – *хибати* (яп. 火鉢).

¹⁸ По-видимому, «часто».

устилают травеными тонкими с обшивными краями рогожами, а для нас поделаны вместо кровати полки или нары, на подмос(т)ках покладенных доски и ус(т)ланы такими ж рогожами, а сверх оных накрыты наподобие ткани шерстеными красного цвета катанами широкими покрывалами [8, л. 8 об.–9].

Во время путешествия в Мацумаэ И.Ф. Трапезников более подробно, чем А.К. Лаксман, описал одежды чиновников и церемониальные атрибуты:

Наперед ехал едовской чиновник шен-юши-но-шта ягу, имянуемой Готоо Дьяжужиро¹⁹. Одет сверху наподобие плаща из шелковой ткани голубо-белесоватаго цвета, с²⁰ высокой островерхой латированной²¹ шляпе, на верховом парадном весьма статном манежном коне, коего вели два человека. По обеим сторонам ево впереди и позаде 4 человека несли 4 знака, состоящая в копьях на длинных латированных шестах, украшенных на поверхности по некоторым местам серебром и разнovidным переламутом²². За им шли ширингою 6 человек, несли таковыя же знаки, за теми несен двумя человеками знак длинной латированной шест, на поверхности онаго представляются соединенныя три шара вызолоченные, один другаго книзу гораздо более, от последняго вокруг висят прикрепленныя к ему на манир лент нарезанные из тонкаго алого сукна, обшитые золотым газом²³. Вокруг онаго шли 4 человека с таковыми ж как выше явствует знаками, за сими 2 матмайских чиновников на верховых нарядных лошадях, их коней вели по 2 человека, впереди и позади по 2 человека несли обыкновенных их 4 знака, за оными несли 3 человека по футляру, подобных видом нашим барабанам, и еще 4 человека несли за плечами 3 латированных ящика, а за теми 3 человека несли 3 футляра наподобие пирамид [8, л. 15].

Оставил И.Ф. Трапезников и краткое описание Мацумаэ, отметив, что улицы в городе узкие, «посреди усыпаны дресвою²⁴ и политы водою, чтоб от многолюдства не было копати²⁵». Вдоль деревянных домов «без всякаго наружнаго украшения» по обеим сторонам улиц обустроены канавы для стока дождевой воды [8, л. 10].

---

¹⁹ Искажѐнное «Гото Дзюдзиро» (в журнале А.К. Лаксмана – «Готоо Джеджиро») [7, с. 142]. В качестве «шен-юши», *сэньюси* (яп. 宣諭使), т.е. «вестников, посланцев», для переговоров с А.К. Лаксманом были назначены *омэцукэ* Исикава Тадафуса и Мураками Дайгаку. Чин Гото Дзюдзиро – *окати мэцукэ* (яп. 御徒目付), «инспектор надзора среднего ранга» [12, с. 74]. Возможно, чтобы указать на его более низкое положение по сравнению с *омэцукэ* (яп. 御目付), «инспектором надзора старшего ранга», в тексте журнала он назван «шта ягу», *ситаяку* (яп. 下役), т.е. «младший по чину», «подчинѐнный».

²⁰ Вероятно, описка: ожидается «в».

²¹ Слово «латированный» встречается в тексте журнала пять раз и, по-видимому, означает то же самое, что и «лакированный». Возможно, такой вариант был характерен именно для уроженцев Иркутска и близлежащих городов: один из очень немногих примеров использования глагола «латировать» удалось обнаружить в словарной заметке об иркутском иконописце Луке Свиныне, жившем в XVIII веке. О нём и о его сыне говорится, что оба владели «мастерством иконописным и латировать кареты» [13].

²² «Переламутом» – перламутром.

²³ Газ – лёгкая прозрачная ткань, изготовленная из шёлка, льна или тонкого скрученного хлопка.

²⁴ Дресва – крупный песок, образующийся при выветривании горных пород.

²⁵ «Копати» – копоты. Судя по всему, в данном случае под копотью имеется в виду попросту пыль или грязь.

Автор журнала не принимал непосредственного участия в переговорах, но имел возможность наблюдать за их ходом. Из описания И.Ф. Трапезникова складывается более чёткое представление о ритуале переговоров, нежели из аналогичного описания А.К. Лаксмана:

Господа японския министры сидели оба рядом впереди зала на круглых наподобие барабанов стульях, а протчия чиновники сидели вокруг зала по сторонам на коленях. Посланник стоял напротиву их на ногах, переводчик поодаль ево к стороне. Посланник подал вверенной ему лист российской подошедшему к нему чиновнику, а оной, приняв, подал ево своим господам, припадая пред ними на колени. Первой посмотрел онаго надпись и печать, подал другому, и тот таковым же образом посмотрел и отдали обратно чрез руки того ж чиновника, от принятия ж онаго отозвались [8, л. 12].

Наконец, на страницах журнала И.Ф. Трапезникова можно найти несколько метеорологических наблюдений, отсутствующих в журнале А.К. Лаксмана²⁶:

Ноября 15 в ночи шёл небольшой мокрой снег, и воздух сделался несколько холоден, но чрез три дня стало (по-)прежнему [8, л. 4 об.].

Декабря 4-го выпал снег в 3 четверти аршина и пролежал до весны [8, л. 4 об.].

Во время прозимовки нашей в пристани Немуро чрез всю зиму дули ветры от нордвеста и веста [8, л. 13 об.].

В кругу источников об экспедиции изученный нами журнал занимает второстепенное место по сравнению с журналом А.К. Лаксмана. В то же время следует отметить несомненную фактическую ценность источника: он содержит ряд замечаний, дополняющих сведения журнала А.К. Лаксмана. Среди них особенно важными представляются бытовые подробности пребывания посольства в Хакодате и подтверждение имён некоторых участников событий 1792–1793 гг.: вассала дома Мацумаэ Маэда Умонсити и купца Сиратори Синдзабуро. Хочется надеяться, что введение в оборот нового источника позволит приблизиться к более точному представлению об условиях, в которых действовало первое русское посольство в Японии.

Библиографический список

1. Архив князя Воронцова. Кн. 24: Бумаги разного содержания. М.: В Университетской типографии (М. Катков), на Страстном бульваре, 1880. 424 с.
2. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов / отв. ред. Р.В. Макарова. М.: Наука, 1989. 400 с.

---

²⁶ Известно, однако, что в течение всей экспедиции А.К. Лаксман вёл отдельный журнал с метеорологическими наблюдениями, который в феврале 1794 г. представил И.А. Пилю [3, с. 539].

3. *Полонский А.С.* Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб.: Типография Майкова, 1871. С. 367–576.
4. *Лагус В.* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка / пер. с швед. Э. Паландера. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. 488 с.
5. *Кацурагава Хосю* 桂川甫周. Хокуса монряку 北槎聞略 : [Краткие вести о скитаниях в северных водах] / пер. с яп., комментарий и приложения В.М. Константинова. М.: Наука (ГРВЛ), 1978. 532 с.
6. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: ИВЛ, 1960. 314 с.
7. Журнал посольства А. Лаксмана в Японию // *Преображенский А.А.* Первое русское посольство в Японию // Исторический архив. № 4. 1961. С. 117–146.
8. Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями о разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег. Копии // РГИА. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 2 (1763–1917 гг.). Д. 1620.
9. *Кацуки Хидэо.* К истории изучения японского языка в России. Школа в Якутске // Илин. № 3–4 (11–12). 1997 // Сайт журнала «Илин». URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1997-34/24.htm> (дата обращения: 07.11.2017).
10. *Щепкин В.В.* Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII века // Новые исследования по японской культуре. Кн. 4. М.: Кругъ, 2017. 392 с.
11. *Лим С.Ч.* Восстание айнов на острове Кунашир и в Менаси (на северо-востоке Эдзо) в 1789 году // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 1 (17), 2012. С. 87–92.
12. *Икута Митико* 生田美智子. Синтай кара ёминаосу бакумацу нитиро бунка ко:рю:си. Гайко: гирэй о тю:син ни 身体から読み直す幕末日露文化交流史・外交儀礼を中心に: [История японо-российских культурных контактов в период Бакумацу, переосмысленная с точки зрения тела. Проблема дипломатического протокола]. Осака 大阪: [б. и.], 2006. 286 с.
13. Лука Свињин (ок. 1699 или 1700 – после 1785) // Сайт «История Иркутска». URL: http://express.irkutsk.ru/history/people/master/svin_1.htm (дата обращения: 07.11.2017).

Поступила в редакцию 07.11.2017

Автор:

Карташов Кирилл Михайлович, студент 4 курса кафедры японоведения Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: kirill.kartashov96@yandex.ru

«The Journal of the Russian Expedition to Japan with the Attachment of the Correspondence between the Head of the Expedition and the Coastal Authorities concerning the Permission to Enter Japanese Ports and Disembark the Crew» as a Primary Source on Adam Laxman's Expedition (1792–1793)

K.M. Kartashov

The article presents an unpublished primary source regarding Adam Laxman's expedition to Japan – a journal written by one of the members of the expedition, the copy of which is being held in the collection of the Russian State Historical Archive. An attempt is made to determine the authorship of the journal, to compare its contents with those of other primary sources concerning Adam Laxman's expedition, and to consider the significance of the journal for further research.

Keywords: history of Russian-Japanese relations, Adam Laxman's expedition, Ivan F. Trapeznikov, Nikolai S. Mordvinov, publication of archival documents, materials concerning Japan in the collection of the Russian State Historical Archive.

Received 07.11.2017

Author:

Kartashov Kirill M., Student, Department of Japanology, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University. E-mail: kirill.kartashov96@yandex.ru

Имплицитность японского искусства. Причины и следствия

М.П. Герасимова

Утончённая экспрессивность японского искусства известна во всём мире. Однако далеко не все знают, что несмотря на высокую концентрацию эстетического и художественного опыта на протяжении многих веков, понятие «искусство» и само это слово появились в Японии лишь во второй половине XIX века, после знакомства с западноевропейскими научными теориями. Причиной имплицитности японского искусства были некоторые особенности миропонимания японцев. Они же определили роль и значение в жизни общества и человека художественных практик, иными словами, роль и значение фактически существовавшего, но не осознаваемого как таковое, искусства, равно как и критерии художественности, и эстетические идеалы.

Ключевые слова: Япония, искусство, парадигмы художественности, эстетические идеалы, Природа, миропонимание.

1. Художественные практики в жизни японцев

Сегодня, когда общеизвестно, что японское искусство не только отличалось утончённой художественностью во все времена, но и оказало большое влияние на развитие европейского искусства в Новое время, у многих вызовет удивление тот факт, что японцы, создавая всевозможные артефакты, пополнившие впоследствии мировые сокровищницы, даже не догадывались об их художественных достоинствах и понятие «искусство» им было неизвестно. О том, что чрезвычайно распространённые в Японии художественные практики, которые японцы называли «Путиами», на Западе рассматриваются как искусства, они узнали лишь во второй половине XIX века – в пору социально-исторических перемен и в устройстве государства, и в массовом сознании японского общества [1, 2], которые захлестнули Японию в результате «открытия страны» и знакомства с западноевропейскими научными теориями.

Слово «Путь» 道 (по-японски произносится *до* или *мити*) даосского происхождения и означает Вселенский путь. Иначе говоря, Путь Истинно сущего. Позднее слово «Путь» в китайском, корейском и японском буддизме стало употребляться для обозначения Пути будды, Пути гармонического развития Вселенной. В Японии, как известно, знают много «Путей» – «Путь чая» *садо* 茶道, «Путь цветов» *кадо* 華道, или *икэбана*, «Путь письмен» – каллиграфия *сёдо* 書道 и пр.

Все они имеют свои законы, свой ритуал, свою философию, однако в силу того, что многие элементы обстановки и исполнения рассчитаны на эстетическое восприятие, на Западе их причисляют к традиционным японским искусствам. Для японцев же это скорее культурные традиции, одухотворённые религиозным мировоззрением. Зародившись в древности¹, эта тенденция крепла, развивалась и достигла вершины своего расцвета в эпоху Муромати (室町時代 *муромати дзидай* 1336–1573). В «Путях» появлялись новые стили и каноны, но на всём протяжении своего существования, вплоть до настоящего времени, они не переставали служить не столько средством наслаждения их эстетической стороной, сколько средством ухода от будничной суеты, обретения душевного равновесия и гармонии с окружающим миром, средством интуитивного познания невыразимой в логических категориях Истины. По большому счёту, этому же в Японии служили все виды искусств, отчего они также назывались путями – театральное (*гэкидо* 劇道 буквально – «путь драмы»), живопись (*гадо* 画道 – «путь картин»), поэзия (*кадо* 歌道) и т.п. Ни один из Путей не предполагал самовыражения автора или исполнителя.

Прибывшие в Японию европейцы высоко оценили экспрессивную образность и совершенство формы японских артефактов. Зачастую они вполне соответствовали критериям, по которым оценивала степень художественности западноевропейская традиция, ставящая во главу угла эстетическое переживание. Для японца же, в силу особенностей его миропонимания, эстетическое наслаждение не было самоценным. Философско-поэтический тип мышления, сформировавшийся в результате переплетения синтоистских и даоских верований с буддийскими учениями, стал причиной того, что японцы в результате повседневных художественных практик получали импульсы, сопоставимые с теми, какие может дать религиозное прозрение. Эмоциональная реакция расценивалась как религиозно-этическая норма [3]. Не будет преувеличением сказать, что эстетическое сознание было слито с религиозным [4].

«Творческая фантазия» японцев была активизирована не только стремлением причаститься гармоническому развитию Вселенной. Надо было угодить и своим богам *ками* 神, которым, по синтоистским поверьям, угодно знать, что люди, продолжающие их дела в дольном мире, понимают их замысел. Это было ещё одной причиной, обусловившей особенности функционирования искусств в Японии.

Желание продемонстрировать *ками* почтение и благодарность способствовало появлению «языка», на котором они выражались. Владение этим «языком» требовало работы воображения и эмоциональной настроенности при изготовлении чего бы то ни было. Полученный при этом продукт должен был обладать такими видимыми свойствами, которые давали бы возможность увидеть в нём некий образ, воспринимаемый как намёк на то, что замысел богов понят и учтён [5]. Таким образом, всякое деяние становилось творчеством.

Формированию у японцев особого отношения к труду и к продукту своего труда способствовали и анимистические элементы синтоизма.

---

¹ Процессы, связанные с осмыслением действительности, выработкой этических и эстетически ценностей, растянуты во времени, точные даты могут характеризовать лишь конкретные события, имевшие те или иные значимые последствия, поэтому в культурологических исследованиях допустимо обобщённое определение продолжительного отрезка времени.

Вера в существование во всём, что окружало человека, души, которую должно было познать, а познав, продемонстрировать своим богам *ками*, что их замысел понят, породили стремление увидеть невидимое, услышать неслышимое и слухом и зрением собственной души постичь души окружающих предметов [3, 6]. Отсюда особое внимание к рисунку древесины, форме камня, цвету песка или глины и т.п., обнаруживаемое во всех предметах, традиционно используемых японцами в быту [7].

Логично было бы предположить, что берясь изготовить вещь, японец, прежде всего, реагировал на природный материал, «душой» отзывался на его природную суть и, изготавливая тот или иной предмет, стремился выявить именно её. Эмоциональный отклик мастера запечатлевался в предмете как его «творческая лепта», вносимая в совместный с богами труд. Такова была морально-этическая установка, благодаря которой создание, изготовление чего бы то ни было становилось творческим актом, а изготовленный предмет всегда был единственным в своём роде, неповторимым, как сама Природа, и воспринимался не только утилитарно, но и как некий образ, значимый сам по себе. (Разумеется, не всякий предмет, созданный при таком отношении к труду, мог быть причислен к произведениям искусства, однако сам факт подобного отношения подчеркнуть необходимо.)

В связи с этим не лишне напомнить два общеизвестных факта из истории и теории западноевропейского искусства. (1) Как известно, изначально по-гречески искусство называлось «технэ», ассоциировалось с мастерством ремесленника и предполагало совершенство формы. Со временем (а именно, после того как в 50-х годах XVIII века Александр Баумгартен заговорил о науке чувственного познания, в отличие от познания логического, и предложил термин «эстетика») индивидуальность автора, его видение мира и образы, создаваемые им для выражения своей идеи, рассматривались как основные признаки того, что стали называть «искусством». (2) В настоящее время главным критерием художественности в западноевропейском понимании считается образность, благодаря которой идея автора главенствует в художественном пространстве его творения. Однако критерии оценки исторически обусловлены и непостоянны – каждая эпоха порождает свои ценности и идеалы.

В Японии, как и в странах западноевропейской культуры, смена исторических эпох сопровождалась сменой эстетических идеалов, однако все они существовали в рамках одной и той же мировоззренческой парадигмы (о чём подробнее будет сказано ниже).

Кроме того, в отличие от представителя западноевропейской цивилизации, у японца, привыкшего не выделять себя из окружающего мира, именуемого Природой, не возникало желания выразить собственное «Я», дать своё понимание мира. Он стремился к выражению природной сути того, с чем имел дело. Считалось, что суть чего бы то ни было можно постичь и передать, только «уйдя от самого себя», в состоянии *муга* (букв 無我 «не я») [8, 9]. Отсутствие у японцев антропоцентризма в понимании мироустройства наряду с убеждённой во всеобщей взаимосвязанности вещей, существующей в лоне единого «целостного природного универсума, однако поднятого на более высокую ступень китайскими натурфилософскими идеями» [10, с. 168]², можно считать определяющими элементами конструкта, сформиро-

---

² При этом Л.М. Ермакова подчёркивает, что благодаря свойственной японской культуре тенденции к сохранению прежних культурных форм, эта концепция, «видоизменяясь, долгое время оставалась основным кодом этой культуры, воздействуя на всё остальное идеями и фактурой архаического менталитета».

вавшегося в результате синто-даоско-буддийского синкретизма, именуемого «японской традицией», которая проявляется во всех областях человеческого бытия.

Именно восприятие человеком себя неотъемлемой частью Природы – Универсума, включающего не только горы, реки, леса, но и всё сущее – *синра бансё*, 森羅万象, всю тьму вещей, в том числе и человеческие чувства, – было основой, на которой формировались все остальные понятия и понимания, характеризующие японскую ментальность. Стараясь донести до западной аудитории мысль о том, что человек ощущал себя частью Целого, символом которого является Природа, Кавабата Ясунари в 1968 г. в своей нобелевской речи «Красотой Японии рождённый» привёл танка, которую незадолго до смерти написал поэт Рёкан³.

形見とて	катами тотэ	Что оставлю я
何か残さん	наника нокасанн	на память о себе?
春は花	хару ва хана	цветы – весной,
山ほととぎす	яма хототогису	в горах – кукушку,
秋はもみじ	аки ва момидзи	осеннюю порою – листья клёна.

Эта же мысль пронизывает все работы нашего современника – известного специалиста в области философии и эстетики, почётного профессора Токийского университете Сасаки Кэнъити (1948 г.р.), полагающего, что «смена времён года – не только явление окружающего нас мира, но и отражение более обобщённой истины нашего существования во Вселенной, потому что мы сами – часть природы» [11]. Такое понимание мира и своего места в нём исключает противопоставление себя окружающим объектам. Отсюда и характерное для японцев стремление творить в соавторстве с Природой, отводя ей при этом главную роль, и особое значение, придаваемое естественным образом проявляющейся, если можно так сказать, «ненарочной» красоте.

В Японии сегодня, как и прежде, среди наиболее ценимой фарфоровой утвари выделяют старинные *игаяки* 伊賀焼き, известные со времён эпохи Нара (710–794).

Рис.1. Игаяки

³ Рёкан Тайгу (яп. 良寛大愚?) (1758–1831) – выдающийся японский писатель, философ, каллиграф и мыслитель.

В те стародавние времена утварь *игаяки* использовалась в основном для хранения семян и как прочие предметы домашнего обихода крестьян. В эпоху Муромати, когда произошло становление классической формы чайной церемонии и особое распространение получил стиль *ваби-саби*, они стали особенно ценимы в «Пути чая». Их обжигают в печи на сильном огне. «Пепел и дым от соломы растекаются по поверхности, и когда температура падает, ваза вроде бы покрывается глазурью. Это не рукотворное искусство, оно не от мастера, а от самой печи: от её причуд или помещённой в неё породы зависят замысловатые цветовые оттенки. Крупный, размашистый, яркий узор на старинных ига под действием влаги обретает чувственный блеск» (пер. Григорьевой) [12].

Современный мастер по сооружению японских садов Доукэ Такэси, президент компании «Доукэ Лэндскэйп гарденс», говорит, что при сооружении японских садов главная трудность заключается в том, чтобы максимально использовать естественные особенности каждого камня, которые следует расположить так, чтобы их форма, цвет, углы сочетались друг с другом, дополняли друг друга, помогая достичь гармоничного равновесия, подчёркивая, что никогда не разрабатывает проект будущего сада. «Вместо того чтобы готовить чёткий план, мы позволяем вдохновлять себя естественностью камней, и замысел сада возникает в процессе работы» [13, с. 12].

Рис. 2. Сад при храме Ситэнъодзи (四天王寺) в Осака

Сотворённое Природой во все времена считалось наивысшей ценностью настолько, что и помыслов не возникало о том, чтобы противопоставить созданное человеком природному. Это также можно считать одной из причин имплицитности японского искусства вплоть до середины XIX века. Степень мастерства (о какой бы сфере ни шла речь) определялась умением применить средства художественной выразительности таким образом, чтобы подчеркнуть или выявить то, что заложено Природой. А ценность предмета зависела от того, насколько он мог служить связующим звеном в системе человек – Природа, понимаемая как Универсум (*синра бансё*, 森羅万象). Иными словами, насколько видимые особенности объекта выражали его сопричастность тому, что можно было бы назвать космическим, истинным, вечным или Универсальным.

Слово *сидзэн* 自然 в буквальном переводе – «самозарождающаяся» в значении «природа», в котором оно существует в современном языке, стало употребляться только после реставрации Мэйдзи⁴. Изначально, как свидетельствуют словари архаизмов [14], оно обозначало «всё сущее» (*мина*), «всеобщую взаимосвязанность» (*моно-но сōкансуру кото* ものの相関すること). Именно в этом смысле употреблялось слово *сидзэн* 自然 и было не существительным, а наречием, обозначавшим «само собой», без видимых причин. Поэтому в ходе реформ по западному образцу слово *сидзэн* «закрепилось» за «природой» в западноевропейском широком понимании (то есть всё, что не создано человеком и предполагает противопоставление человека и природы). Тогда же появились и понятие «искусство» и слово «*гэйдзюцу*» 芸術 для его обозначения. Строго говоря, в истории японской культуры слово *гэйдзюцу* впервые встречается в китайской исторической хронике V века «Гокандзё». Но его нет в словаре японских архаизмов, и общеупотребительным оно стало в эпоху Мэйдзи, когда его начали использовать для перевода с западных языков понятия «искусство»⁵.

Однако ценность вещи не ограничивалась тем, насколько она могла служить посредником между человеком и Природой. Важно было и то, насколько она могла пробудить в душе соприкасающегося с ней человека эмоции или, как уже говорилось, могла быть воспринята как некий образ, значимый сам по себе. Таким образом, сочетание эмоционального и поэтически-философского в равной степени стало характерным для чего

---

⁴ Отчасти это можно объяснить тем, что «природа» в её современном понимании, то есть природный пейзаж, воспринимался как своеобразная манифестация «духа», «энергии» *кэ* 気. На это указывает то, что в прежние времена для обозначения природного пейзажа вместо нынешнего *кэсики* 景色 употребляли созвучное ему *кисё* 気色, где первый иероглиф *кэ* 気 (*ки*) – «атмосфера», «дух», «энергия» в его словарном значении, – применяется для обозначения непрерывной, пространственно-временной, духовно-материальной, энергетической субстанции, которая есть основа всего. Второй иероглиф *иро* 色 означает «цвет», «окраска». Главным же для понимания Природы была не столько красота пейзажа, его «окрас», если можно так сказать, сколько пронизывающий его дух, выраженный в его «состоянии». Поэтому и в поэзии, и в прозе, а затем и в живописи, воспроизводится именно состояние, в котором пребывает природа «в данный момент и в данном месте».

⁵ На нетождественное нынешнему использование слова *гэйдзюцу* указывает и хорошо известное в Японии высказывание, принадлежащее ратовавшему за изучение западных наук политику и мыслителю периода Эдо Сакума Сёдзан (1811–1864) «Восточная мораль – западная техника» (*тоё-но дотокү*, 東洋道德西洋芸術 *сэйё-но гэйдзюцу*). Для слова «техника» употреблено это же слово *гэйдзюцу*, понимаемое, по свидетельству японских справочников, как техника, технология, «практические науки», такие, как медицина, топография, география, иными словами, знания и умения, которые могут найти практическое применение в жизни.

бы то ни было, создаваемого чувствами, воображением [15, 16, 17] и руками японца – будь то живопись, роман, поэзия, сад, утварь, в особенности чайная, или букет *икэбана*, стремящиеся передать неповторимость мгновения, исчезающего в Вечности.

2. Художественные парадигмы

Уже не раз подчеркивалось, что многие формулировки, характеризующие идейную составляющую японской культуры, на русском языке звучат как метафоры. Причиной тому отсутствие у не имеющих склонности к теоретизированию японцев чётких терминов для характеристики своего миропонимания и обусловленный его особенностями образно-эстетический тип осмысления действительности, в результате которого философия реализуется через поэзию и искусство⁶. Отсюда обилие поэтических образов в случае рассуждений о специфике «японского». Так, фраза «неповторимость мгновения, исчезающего в Вечности» выражает философские и этико-эстетические особенности миропонимания японцев. Её можно считать идейной составляющей японской культуры, её концептом, сформировавшимся во второй половине XII века.

Подобная концептуальность, сопряженная с конвенциональностью творческой деятельности, со строго соблюдаемыми канонами и условностями, могла бы быть рассмотрена как рефлексивный традиционализм, выделенный С.С. Аверинцевым как первоначальная парадигма художественности [18], если бы не творческое – в силу религиозно-этических убеждений – отношение к труду и противоречащее, на первый взгляд, этому отсутствие стремления выразить себя в своём творении. Эта установка изменилась лишь во второй половине XIX века после знакомства с западноевропейским искусством, которое призывало человека посмотреть внутрь себя. Тогда и возникло понятие «искусство», выражающее взгляд автора на мир, появилось слово *гэйдзюцу* для его обозначения – и противопоставленные им понятие «ремесло» и обозначающее его слово – *кодзэй* 工芸. А до того, на протяжении всего исторического периода, со второй половины XII века японскую художественную культуру питают, как уже говорилось, философские и этико-эстетические особенности миропонимания японцев, требовавшие «постичь неповторимую прелесть мгновения, исчезающего в Вечности» и выразить именно её. Не будет преувеличением сказать, что традиционно все средства художественной выразительности направлены были на то, чтобы «зафиксировать» мгновение, наполненное определённым эмоциональным содержанием, и показать его исчезающим в лоне Вечности, из которой оно возникло. Это в равной степени относится ко всем искусствам – будь то живопись, роман, поэзия, сад, букет *икэбана*, театр, чайная церемония, и проявляется сочетанием в них элементов, провоцирующих одновременно эмоциональное переживание и настраивающих на

---

⁶ Философская мысль в Японии на всем протяжении её исторического развития до реставрации Мэйдзи не была дифференцирована. Религиозное, политическое, экономическое, этическое и пр. сознание, обуславливающее характер как отдельного индивида, так и нации, назывались *сисо* 思想 - буквально «идея», «мысль», «концепция», «идеология». Слова «философия», *тэцугаку* не было в словаре японцев, оно появилось в период проведения реформ по западному образцу во второй половине XIX века в результате знакомства с западноевропейскими научными теориями.

созерцательно-философский лад. Всё это даёт основание говорить о мировоззренческой парадигме, которую вполне можно назвать художественной, если под художественностью понимать опосредованные выражения неких общезначимых смыслов. Средствами выразительности при этом становятся идейно-содержательная «двуплановость» и композиционно-структурная линейность.

Двуплановость предполагает одновременное существование в произведении космографического плана, выражающего Бесконечное, и «реального» плана, повседневного, мирского, соотносимого с преходящестью. Космографический план, символом которого выступают образы природы или сезонные приметы, соотносится с Небытием⁷, из которого всё возникает и куда всё возвращается. (Понятие Небытия, привнесённое буддизмом в жизнерадостное синтоистское миропонимание японцев, скорректировало его, сообщив ему определенную элегичность.) «Реальный» же план пронизан эмоциями и соотносится с феноменальным миром предметов, явлений, человеческих чувств и поступков. Сопоставление этих планов призвано показать любое событие существующим в лоне Вечности и дать почувствовать его краткость и преходящесть, сколь прекрасным или значительным оно бы ни было. Если в «космическом» плане доминируют образы природы, времена года, в «реальном плане» темой становится всё, что, словами Сэй-сёнагон, «заставляет сердце биться сильнее». В поэзии для этого используются «сезонные слова», наводящие на мысль о бесконечности круговорота в природе, отчего событие, составившее содержание стиха, кажется кратким и незначительным, и от этого острее переживаются и связанные с ним чувства, и чувство смиренного приятия Вечности. Примерно то же самое происходит в драмах театра *Но*, где, как отмечает Н.Г. Анарина, нет указания на историческое время действия. Из монологов персонажей, в которых описывается тот или иной пейзаж в определённое время года, становится понятен лишь сезон. Репертуар подбирался таким образом, чтобы время действия в драме и время в действительности совпадали по сезону. «Однако круговорот в природе бесконечен и подобное определение времени создаёт двойственное ощущение сиюминутности события и его вневременности, мгновенности и вечности» [19, с. 85].

Внимание к сиюминутности, наполненной определённым содержанием, спровоцировавшим эмоцию, обнаруживается уже в древности [3]. Этим можно объяснить и изначально присущий традиционной японской поэзии характер экспромта, сохранившийся до наших дней, и использование в живописи *ямато-э* 大和絵 композиций, известных как *фукинуки ятай* (吹き抜き屋台 (букв. «крыша, которую сдуло»)), когда крыша намеренно не прорисовывалась. Благодаря этому изображённое представляется «случайно подсмотренным» сверху или из-за угла, что создаёт ощущение правдивости и естественности увиденного. Таким образом, художник делится «увиденным вдруг». Иными словами, этот приём даёт возможность «зафиксировать один миг» в бесконечно длящемся потоке событий.

---

⁷ Небытие *кё* (санскр. Абхава) – то невидимое, неслышимое, непознаваемое в логических категориях бытия неявленных форм, которое считается Истинным бытием. Природа Небытия – Пустота (санскр. Шуньята), это то, откуда всё родится и куда всё возвращается. Следует отметить, что в результате синто-даоско-буддийского синкретизма многие философские понятия приобрели своеобразную смысловую окраску и, таким образом, перестали строго соответствовать закреплённым за ними первоисточником терминам.

Рис. 3. Фрагмент эмакимоно романа «Гэндзи-моногатари» работы неизвестного автора (X век)

Для японцев слово «поток» – *нагарэ* 流れ является метафорой жизни, бытия вообще и выражением понимания времени как вечно длящегося настоящего.

Склонность отождествлять все процессы, происходящие в мире, с тем, что происходит в природе, стала причиной убеждённости в том, что ничто на свете не имеет ни чёткого начала, ни чёткого конца и что конец одного всегда начало другого, а начало чего-то – всегда конец предыдущего, подобно круговороту времён года. Именно эта мысль выражена в *вака*, что под номером 158 входит в антологию «Новое собрание старых и новых песен» (*Синкокинсю* 新古今集⁸, 1205 г.),

吉野川
岸のやまぶき
咲きにけり
嶺のさくらは
散りはてぬらむ

Ёсино кава
Ган-но ямабуки
Саки ни кэри
Минэ-но сакура ва
Тирихатэнураму

На берегу реки Ёсино
цветы *ямабуки*
расцвели, –
значит, цветы с вишен на
вершинах гор облетают

Фудзивара Иэтака (藤原家隆, 1158–1237)

Об этом же свидетельствует существование иероглифа 末 *мацу*, который может означать «конец», как, например, в сложных словах *нэнмацу* 年末 «конец года» или *сюмацу* 週末 «конец недели», а также «будущее», как, например, в словах *мацудай* 末代 «грядущие поколения», или выражение книжным стилем «будущего» *юкумацу* 行く末つ, что буквально означает «грядущий конец».

⁸ Полное название антологии: «Новая антология старых и новых японских песен» *Синкокинвакасю* 新古今和歌集.

Восприятие бытия как вечно длящегося потока *нагарэ*, в котором одно всегда перетекает в другое и каждая точка всегда оказывается серединой – ещё одна мировоззренческая парадигма, которую также можно назвать художественной, если под художественностью, как уже оговаривалось, понимать опосредованные выражения неких общезначимых смыслов. Средством выразительности в этом случае становится композиционно-структурная линейность, обнаруживаемая и в литературе⁹, и в живописи, и в организации пространства, будь то сад или жилище¹⁰, и во многом другом.

Понимание жизни как потока *нагарэ* в литературе классического периода отразилось в отсутствии в них чётких завязки, кульминации и развязки. Кроме того, японские произведения литературы построены не на причинно-следственной связи, а на ассоциативной, отсутствующей в европейской традиции вплоть до начала XX века. В западной европейской литературе в Новое и новейшее время появились произведения подобного типа, однако создание ощущения плавного «перетекания» одних событий в другие, нанизывание ассоциаций на единую ось не характерно для западной литературной традиции, но чрезвычайно распространено в японской.

Все прозаические произведения, будь то обычно относимый к роману *моногатари* 物語, эссе *дзуйхицу* 隨筆 или дневники *никки* 日記, состоят из *дан* 段 – относительно самостоятельных миниатюр. Их объединяет общая эмоциональная направленность. Привычные западному читателю структура, предполагающая завязку, кульминацию и развязку, и сюжет, построенный на причинно-следственной связи, как уже говорилось, отсутствуют.

К сказанному выше следует добавить, что среди значений иероглифа *дан* 段, кроме основного – «ступень», «разряд», есть и ещё – «момент», «этап», т.е. относительно самостоятельный по содержанию и завершённый во времени эпизод, иными словами, то же наполненное содержанием мгновение, «выхваченное» из вечно длящегося Потока, но изложенное пространно.

Наиболее наглядной иллюстрацией всего вышесказанного может быть появившийся в X веке живописный жанр *эмакимоно* 絵巻物, сама форма которого служит отражением миропонимания японцев. *Эмакимоно* в переводе означает «сворачивающиеся картины»: они представляли собой горизонтальные свитки длиной более десяти метров со сменяющимися

---

⁹ Японский критик Ито Сэй справедливо полагает, что, с точки зрения художественной структуры, японская литературная традиция породила произведения «линейного типа», в отличие от «оркестровых», для которых характерно переплетение сюжетных линий, как у Л.Н. Толстого или О. де Бальзака. Подробнее см. [20].

¹⁰ Японское жилище представляло собой одно строение под крышей, которое делилось, довольно условно, лишь раздвижными перегородками или ширмами, благодаря чему легко изменялась его внутренняя конфигурация и одна «пространственная единица» плавно перетекала в другую. Не случайно значение иероглифа *ма* (間 комната), который входит в состав сложных слов, таких, как, например, «гостиная» *кякума*, где *кяку* – «гость», а *ма* – «комната», также имеет значения «промежуток, расстояние, между, среди, в течение, пауза». Что же касается пространства вне жилища, оно организовано таким образом, чтобы жилые строения, окружающий их сад и дальний пейзаж – тоже «пространственные единицы» – плавно переходили друг в друга (так, например, в традиционном японском доме между комнатой и садом есть веранда), выстраиваясь в одну долгую линию. Плавности перетекания одного в другое способствовал и приём *сяккэй* 借景 (буквально, «взять взаймы пейзаж»), использование которого предполагало рассматривать при строительстве любого сооружения окружающий пейзаж до самых дальних гор или до горизонта как часть общей картины, пространства, в котором располагалось сооружение.

одна другую иллюстрациями к известным литературным произведениям или историческим событиям. События или пейзажи изображались таким образом, чтобы «кадры» плавно переходили один в другой и конец одного эпизода или пейзажа всегда был началом другого.

Рис. 4. Эмакимоно

Эмакимоно рассматривали, держа в обеих руках, постепенно сворачивая одной рукой просмотренную часть и разворачивая оставшуюся другой.

Рис. 5. Эмакимоно

В поле зрения рассматривающего *эмакимоно* мог быть только один «кадр» – иными словами, мгновение, «выхваченное» из бесконечного потока сменяющих друг друга мгновений, из *нагарэ*. «Кадры», на которых изображены сцены из жизни придворных аристократов, отличает своеобразный «эффект сиюминутности», достигаемый благодаря приёму *фукинуки ятаи*, о котором говорилось выше.

Так «работают» двуплановость и линейность – средства художественной выразительности для передачи мгновения, исчезающего в Вечности, и потока *нагарэ* как основной формы бытия. Таков характер художественности в японском духе, порождённый особенностями традиционного сознания японцев.

3. Художественность в японском вкусе

Разговор о художественности в японском вкусе будет неполным, если не остановиться, хотя бы кратко, на эстетических идеалах.

В Японии, как и в странах западноевропейской культуры, каждая историческая эпоха порождала новое понимание прекрасного – на смену очарованию вещей *моно-но аварэ* пришло любование таинственным и непостижимым – *югэн*, в котором видели «намёк на высшую тайну, не любование миром, а содрогание перед его непостижимостью» [21, с. 250]. Затем «очаровывались» простым, неброским, одиноким, покрытым патиной, создававшим настроение просветлённого одиночества перед ликом Вечности и смиренного её приятия, – *ваби-саби*. Последним звеном в цепи пониманий «прекрасного» японцами считается совершенство стиля в выражении сущностной «характерности» того, о чём идёт речь, или с чем пришлось столкнуться – *ики / суй* [22, с. 9–10].

Понятия *югэн*, *ваби-саби*, *ики / суй* позднее, так же, как *моно-но аварэ*, сформировались как эстетические категории. Ни одна из этих категорий не была абсолютно новой. Все они представляют собой форму освоения бытия и постижения сути отдельного в системе всеобщей взаимосвязанности. Иными словами, все они существовали в рамках одной и той же мировоззренческой парадигмы. Именно это позволяет считать их трансформацией *моно-но аварэ*. Кроме того, как бы ни назывался эстетический идеал, «постижение прекрасного» для японца всегда означало не столько любование или эстетическое наслаждение, сколько испытываемую им эмоциональную активность – сам факт переживания им различных чувств, ситуативных эмоций, возникающих как отклик на предмет, событие, явление и т.п., какими бы они ни были. Все эти категории, за исключением *ики / суй*, достаточно хорошо изучены и в отечественном, и в зарубежном японоведении, но это вовсе не значит, что разговор о них исчерпан.

Первая попытка рассмотреть *ики* была предпринята в статье «От эпохи Эдо до наших дней. Эстетический идеал городской культуры» [24]. В настоящей статье представляется небезынтересным заострить внимание на тех особенностях *ики*, которые отличают его от *моно-но аварэ*, обуславливают особенности эстетического сознания японцев и являются одной из причин имплицитности японского искусства.

Ики, как и *моно-но аварэ*, предполагает эмоциональное, конкретно-чувственное постижение окружающего мира и всех его компонентов – одушевлённых и неодушевлённых,

конкретных и абстрактных, словом, всего, что называется *моно* [23]¹¹. Разница заключается в том, что *ики* не есть данность, имманентная объекту. *Ики* проявляется благодаря контексту, ситуации.

«Потенциальным носителем» *ики* может быть что угодно: отважный поступок, элегантный наряд, бойкий торговец, застенчивая девушка, серьёзный студент, кокетливый взгляд, гибко склонённая над водой ива, прозрачный лёд в стакане с напитком, контуры горных вершин, тугой блеск шёлковой ткани, спокойный или, напротив, «напряжённый» орнамент, женщина, пытающаяся побороть свою ревность, полная противоречий драматическая ситуация и многое другое, в чём есть «характерность», спровоцировавшая эмоциональный отклик наблюдающего субъекта.

Не будучи «величиной постоянной», *ики* поддается импровизации, и может изменяться – усиливаться, ослабевать или исчезать вовсе в зависимости от места, времени и образа действия.

Этот компонент *ики*, как уже говорилось, отличает его и от *моно-но аварэ*, и *югэн* и *ваби-саби*, но не противоречит традиционному восприятию подлинной природы вещей *макото*¹², поскольку служит подтверждением того, что в природе всё находится в постоянном движении, стало быть, несмотря на существующие различия, *ики* можно считать звеном в цепи эстетических представлений японцев.

Усиление, ослабление или исчезновение *ики* может происходить в повседневной жизни при самых незначительных обстоятельствах в зависимости от того, как сложатся или расположатся определённые детали обстановки. Наблюдающий это японец переживает эстетический опыт так, как если бы он соприкасался с произведением искусства. Для ясности: следует подчеркнуть, что, по мнению ряда исследователей японской культуры, японец, обнаруживая в чём-либо *ики*, получает истинно эстетическое удовольствие, «очаровывается», внезапно увидев, например, из окна плывущие по небу облака причудливой формы, странно отразившийся в зеркале букет цветов, луч солнца, пронизывающий прозрачный кувшин с водой, силуэт девушки, стоящей спиной к окну на фоне закатного неба, металлический блеск стильного автомобиля, элегантный спортивный костюм, причудливо-изысканные формы музыкальных инструментов и т. п. Или когда что-либо вдруг сложится в изящную, интересную, трогательную, драматическую и т.п. мизансцену в повседневной жизни (не напоминает ли это мгновения, запечатлённые на картинах художников *яматэ*, стремящихся передать случайное, кратковременное?).

Не следует думать, что это свойство – переживать эстетический опыт в повседневной жизни, характеризующее японцев по сей день, возникло лишь в эпоху Эдо. Свидетельств тому, что оно существовало издавна, немало. Например, в «Записках у изголовья» Сэй-

---

¹¹ *Моно* 物 (дословно «вещь», «предмет», «нечто») – это равно одушевлённые и неодушевлённые объекты, а также абстрактные понятия, конкретные факты, явления, в том числе и явления природы, и человеческие чувства. «Наличие всех этих значений у слова *моно* – явление именно японского языка, поскольку по-китайски эти слова, обозначающие неодушевлённую вещь и живое существо, не только записываются разными иероглифами, но и фонетически представляют собой разные лексические единицы» [23, с. 6].

¹² *Макото* – правдивость, истинность, подлинность. Помимо силлабического まこと, записывается тремя различными иероглифами, означающими: 1. 実 правда; действительность без искажений; 2. 真 правда; истина, подлинность; 3. 誠 правда, искренность, правдивость, честность.

сёнагон, в четвертом дане «В третий день третьей луны...» есть такие строки: «До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе. А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может, старший брат самой императрицы, в кафтане «цвета вишни» поверх других многоцветных одежд... Чудесная картина!» [25], – картина из повседневной жизни аристократов, сложившаяся случайно, сама собой.

В «Записках от скуки» (*Цурэдзурэгуса 徒然草*) монах Кэнко-хоси (1330–1332) говорит о том, что «очаровать может всё что угодно – это зависит от случая» [26, с. 324]. В «Похвале тени» Танидзаки Дзюньитиро есть слова: «Красота заключена не в самих вещах, а в комбинации вещей, в плетущей узор светотени» [27].

Еще один нюанс в понимании природы красоты отмечает поэт *хайку* Кагами Сико (各務支考, 1665–1731) – ученик Басё: «Красота сама собой проявляется в нужное время в нужном месте (美はおのずから其のところにある *би ва онодзукара соно токоро-ни ару*). Главное, не упустить это мгновение (!)» [28]. Он пишет об этом в «Дневнике Совы» 12 июля 1698 г. в разделе «Вечерние беседы в пионовом павильоне», вспоминая разговор с поэтом по имени Мукай Кёрай (向井去来 1651–1704) о том, какое название местности употребить в *хайку* об уходящей весне. Отрывок из дневника поэта, в котором содержится это определение красоты, цитирует Кавабата Ясунари в эссе «Существование и открытие красоты» (美の存在と発見 *Би-но сондзай то хаккэн*), подчеркивая, что если удалось распознать **это** место и уловить **этот** момент, «это значит, что с Небес снизошла благодать, что ниспослан дар от божества красоты» (天の恵みと言ってもいいでしょうし、その場をその場と「知る」ことができれば、美の神のたまものと言ってもいいでしょう *тэн-но мэгуми то иттэмо иидэсё соно токоро -о соно токоро то сину кото га дэжимаситара, би-но ками-но тамамоно то иттэ иидэсё*) [28]. Кавабата вспоминает эту запись в дневнике Кагами Сико в связи со «снизошедшей на него самого благодатью», когда он любовался красотой игры утреннего солнца на стаканах, расставленных на длинном столе в углу ресторана – террасы на берегу моря в отеле «Кахала Хилтон». «Благодаря утреннему свету, я открыл красоту в простых стаканах. Я её определённо открыл, впервые встретившись с нею. Никогда раньше я не видел такой красоты... одни и те же точки на донышке перевернутых стаканов сверкают как звезды, но потом, присмотревшись, я обнаружил, что в зависимости от времени дня и угла зрения появляются уже не одна, а много звездочек... но для меня истинна та красота, которую я пережил вначале, увидев одну звезду» [28]. Эти и множество подобных им высказываний позволяют сделать вывод о том, что, для японцев особой привлекательностью обладает «самовозникающая» красота, проявляющаяся в условиях определённых взаимосвязанностей и исчезающая с их исчезновением. Главное, успеть её заметить и пережить. Эта красота и есть *ики*, которое может проявляться в определённое время, в определённом месте, при определённых обстоятельствах, стало быть, красота, которую «открыл» Кавабата, была *ики* игры солнечных лучей.

Многие японские исследователи считают, что умение японцев пережить эстетический опыт в буднях снижает их потребность в общении с произведениями искусства. В частности, японский исследователь Ямамото Юдзи полагает, что чувствительность и наблюдательность помогают японцам увидеть жизнь в красках и делают её эмоционально насыщенной без

сильных раздражителей, к которым зачастую прибегает западное искусство, что притупляет чувствительность к тонким нюансам окружающей жизни [29]. И далее, «сами произведения искусства также могут быть носителями *ики*, и их созерцание также может волновать и доставлять удовольствие, но, как правило, сквозящая в них «намеренность» художника не позволяет воспринимать их как **«нечто само собой сложившееся»** [29]. Главные условия проявления *ики*, способствующего переживанию эстетического опыта – непреднамеренность, непредсказуемость, случайность, экспромт.

Рассмотрение феномена *ики* как неотъемлемой части повседневной жизни японцев (*нитидзёсэй* 日常性) в некотором роде перекликается с мнением цитировавшегося выше Сасаки Кэнъити, известного своими работами по архитектуре и искусствоведению (среди которых много написанных в рамках сравнительного культуроведения). Профессор подчёркивает, что японцам не свойственно характерное для представителей современной западной цивилизации преклонение перед артефактом как результатом таланта и мастерства создавшего его человека. В работе «Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии», опубликованной на сайте Института философии РАН [11], Сасаки Кэнъити, продолжая эту мысль, отмечает, что благодаря тесному общению с природой японцы не ощущают столь сильной, как на Западе, потребности в искусстве: «наши эстетические потребности удовлетворяются в процессе «переживания» природы, и нам не нужны различные виды искусства» [11]. И далее, «когда мы (японцы) действительно ощущаем потребность в искусстве, мы предпочитаем сами заниматься им, а не только рассуждать о нём. Среди горожан, также как и среди фермеров, существует традиция подобного занятия искусствами: сочинение стихов, их чтение, рисование, музыка, танец и т.д.» [11]. Вероятно, не будет ошибкой сказать, что «потребность в искусстве», о которой говорит Сасаки Кэнъити, имеет много общего с потребностью в художественных практиках во времена, когда японцам незнакомо было «понятие искусство». Во всяком случае, подчеркиваемое профессором его мнение о том, что «вопрос о взаимосвязи человек–Природа и человек–искусство выходит за рамки изящных искусств на более широкий уровень» [11], даёт основание думать именно так. На этом уровне следует рассматривать отношение японцев к окружающему миру, к своему месту в нём и к пониманию бытия в целом.

Естественным образом возникающая взаимосвязанность различных элементов, в которой отражается нечто такое, что «заставляет сердце японца биться сильнее», над которой человек не властен и век которой недолог, – такова красота в понимании японцев. Они говорят о многом и прежде всего о примате Природного. Отсюда стремление не нарушать естественный ход событий, не «противопоставлять» себя и свои дела Природе, творить в соавторстве с ней, что обусловило длительное имплицитное существование японского искусства, равно как и его особенности.

В заключение нельзя не отметить, что усилия просветителей эпохи Мэйдзи не прошли даром. Как показало время, японцы, не отказываясь полностью от собственного миропонимания, научились разделять западноевропейский взгляд на искусство. Они понимают, что бывает внутренний мир художника, непохожий на все остальные, и что всякий мир может быть изображён через призму собственного «Я», и, получая удовольствие от общения с прекрасным, осознают его как эстетическое. Однако причисляемые на Западе к

традиционным японским искусствам чайную церемонию с чайным действием в кульминационной точке, искусство составлять букеты *икэбана*, *каллиграфию*, то есть зародившиеся в стародавние времена художественные практики, по-прежнему воспринимают как Пути.

Рис. 6. Чайная церемония

Библиографический список

1. Герасимова М.П. Изменение массового сознания японцев // Историческая психология и социальная история. 2013. № 1.
2. Герасимова М.П. Формирование понятия «художественная культура» в Японии // Японское общество: изменяющееся и неизменное. М.: АИРО-XXI. 2014. С. 156–175.
3. Герасимова М.П.. О специфике «японского» : (Красота мгновения, исчезающего в вечности) // Ежегодник «Япония». М.: АИРО-XXI, 2012.
4. Саркисов К.О. Японский тип культуры // Японский феномен / РИО ИВ РАН, 1996.
5. Yamaguchi Masao. The Poetics of Exhibition in Japanese Culture / in I.Karp and S.Levine (eds). Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display. Washington and London, Smithsonian Institution, 1991.
6. Наканиси Сусуму. Нихондзин кокоро-но фукэй : [Основные духовные ценности японцев]. Токио: Согэнся, 2002.
7. Герасимова М.П. Теория ремесел Янаги Мунэёси // Ежегодник «Япония». М., 2016.
8. Kawabata Yasunari. Utsukushii nihon no watakushi : [Красотой Японии рождённый]. Дзэнсю : [Полное собр. соч.]. Т.15. Токио, 1975.
9. Yanagi Soetsu. The Unknown Craftsman. A Japanese Insight into Beauty. N-Y, 2013.

10. *Ермакова Л.М.* Речи богов и песни людей. М., 1995. С. 168.
11. *Сасаки Кэнъити.* Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии. URL: <http://iphras.ru/page50156716.htm> (дата обращения: 08.11.2017).
12. *Кавабата Ясунари.* Красотой Японии рожденный / пер. Т. Григорьевой.
13. Японские сады // NIPPONIA. № 8. 1999. С. 12.
14. Kogojiten (shinsen) : [Словарь архаизмов] / Накада Норио. Токио, 1963.
15. *Герасимова М.П.* Воображение японцев // Историческая психология и социальная история. 2016. № 1. С. 40–57.
16. *Наканиси Сусуму.* Кодай нихондзин. Кокоро-но утю : [Японцы в древности. Вселенная в сердце]. Токио, 1966.
17. *Наканиси Сусуму.* Нихондзин кокуро-но фукэй : [Основные духовные ценности японцев]. Токио: Согэнся, 2002.
18. *Аверинцев С.С.* Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981.
19. *Анарина Н.Г.* Японский театр Но. М., 1984.
20. *Рехо К.* Современный японский роман. М., 1977.
21. *Григорьева Т.П.* Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979.
22. *Като Сюити.* Нихон бунгакуси дзэсэцу. Нихон бунгаку-но токутё-ни цуитэ : [Введение в историю японской литературы. Характерные особенности японской литературы]. В 2 т. Т. 1. Токио, 1999.
23. *Ермакова Л.М.* «Вещь» и моно в понятиях и ритуалах // Вещь в японской культуре. М., 2003.
24. *Герасимова М.П.* Эстетический идеал городской культуры. От эпохи Эдо до наших дней // Японские исследования. 2016. №4. С. 36–54.
25. *Сэй Сэнагон.* «Записки у изголовья» / пер. В. Марковой – Серия: Классическая японская проза XI–XIV веков. М., 1988.
26. *Кэнко-хоси.* Записки от скуки / пер. В.Н. Горегляда. – Серия: Классическая японская проза XI–XIV веков. М., 1988.
27. *Танидзаки Дзюньитиро.* Похвала тени / пер. М.Григорьева // Избранные произведения в 2 т. Т.1. М.: Художественная литература, 1986.
28. *Kawabata Yasunari.* Bi-no sonzai to hakken : [Бытие красоты и её открытие] Дзэнсю : [Полное собр. соч.]. Т.15. Токио. 1975.
29. Yamamoto Yuji. Nichijoseikatsu-no bigaku – Modanidzumu to “Iki” : [Эстетика повседневной жизни – модернизм и «ики»]. (на яп.). URL: <http://yuji.cosmoshouse.com/works/papers/aes-every-j.htm> (дата обращения: 08.11.2017).

Поступила в редакцию 08.11.2017

Автор:

Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: maiyasalve@gmail.com

The Implicitness of Japanese Art. Causes and Consequences

M.P. Gerasimova

The refined expressiveness of Japanese Art is known all over the world, but it is almost unknown, that the conception of Art and the word itself appeared in Japan only in the second half of the 19th century. The origin of the implicit nature of Art in Japan can be found in some peculiarities of the worldview of the Japanese. The same points predetermined the role and significance of actually existed, but not realised as such, the Art, as well as the criteria of the artistry and aesthetic ideals.

Keywords: Japan, art, paradigms of artistry, aesthetic ideals, the Nature, worldview.

Received 08.11.2017

Author:

Gerasimova Maya G., PhD (Philology), Senior Researcher, Japanese Research Center, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: maiyasalve@gmail.com

Парламентские выборы в Японии: мотивы, итоги, последствия

В.О. Кистанов

Решение премьер-министра Японии Абэ Синдзо провести в октябре 2017 г. досрочные парламентские выборы вызвало противоречивую реакцию в стране. Однако правящая коалиция во главе с С. Абэ одержала на них убедительную победу, в то время как оппозиционный лагерь не смог ей эффективно противостоять. Это позволит Абэ более последовательно и твёрдо реализовывать свои цели как во внутренней и внешней политике страны, так и в экономике.

Ключевые слова: Япония, парламент, выборы, Абэ Синдзо, оппозиция, внешняя политика, абэномика.

Введение

Объявленное в сентябре 2017 г. премьер-министром Японии Абэ Синдзо решение распустить нижнюю палату парламента для проведения досрочных выборов многие японские обозреватели расценили как рискованную политическую игру с высокими ставками. Японские СМИ широко тиражировали точку зрения, что С. Абэ решил досрочно распустить парламент и назначить новые выборы исключительно с целью избежать критики на осенней внеочередной сессии со стороны оппозиции в связи с его личной вовлеченностью в несколько политических скандалов, наиболее крупными из которых явились скандалы «Моритомо гакуэн» и «Какэ гакуэн». Другим мотивом его действий явилась неготовность оппозиционных партий к проведению эффективной избирательной кампании.

Решение о роспуске парламента и проведении внеочередных выборов Абэ обосновывал необходимостью получить общественный мандат на решение премьер-министра направить доходы от запланированного на 2019 г. повышения потребительского налога на улучшение образования и социального обеспечения. Повышение потребительского налога с 8 до 10 %, запланированное на октябрь 2019 г., должно увеличить доходы казны более чем на 5 трлн иен, из которых 4 трлн изначально предполагалось направить на выплату государственного долга. Абэ предложил ежегодно тратить 2 трлн иен из дополнительных доходов на новые программы в сфере образования и социального обеспечения, которые включают введение бесплатного пребывания детей в возрасте от 3 до 5 лет в дошкольных учреждениях, а также на оказание материальной помощи молодым людям с низкими доходами, которые хотели бы получить высшее образование.

Кроме того, в связи с появлением у КНДР ракетно-ядерного потенциала, премьер-министр заявил о своём намерении заручиться одобрением политики правительства со стороны общественности в сфере военной безопасности.

Распустив парламент, С. Абэ пошёл на серьёзные политические риски. Провал на выборах привёл бы к тому, что его весьма слабые позиции в руководстве правящей Либерально-демократической партии ухудшились бы ещё сильнее, поставив под удар его планы занять в 2018 г. пост председателя партии на третий срок подряд. От исхода выборов зависели также перспективы реализации планов Абэ по изменению конституции страны. Для осуществления этих планов Абэ требовалось сохранить большинство в две трети в каждой из двух палат японского парламента и получить одобрение этих поправок на общенациональном референдуме. Абэ публично заявлял о своём намерении пересмотреть конституцию к 2020 г., что позволило бы формализовать статус Сил самообороны в качестве полноценной армии.

Накануне выборов Абэ столкнулся с новым вызовом. Губернатор столичной префектуры Токио Коикэ Юрико объявила о создании новой общенациональной политической партии под названием *Кибо-но то* (Партия надежды). Коикэ попыталась развить успех, достигнутый возглавляемой ею региональной партией *Томин фасуто-но кай* (Жители Токио на первом месте) на прошедших в июле 2017 г. выборах в законодательное собрание Токио. ЛДП потерпела тогда сокрушительное поражение, набрав лишь 23 места из 127, тогда как возглавляемая Коикэ партия завоевала 49 мест, став в токийском парламенте главной политической силой.

Ю. Коикэ заявила о намерении вывести на внутривнутриполитическую арену всей Японии «свежие лица», излечить экономику страны от хронических недугов и остановить процесс падения авторитета Японии на международной арене. Японские СМИ охарактеризовали Коикэ как восходящую политическую звезду, которая горит желанием провести глубокие и комплексные реформы в стране.

В своих публичных выступлениях Ю. Коикэ отвергла критику в свой адрес по поводу того, что концентрация на вопросах национальной политики не позволит ей выполнять в должной мере свои обязанности как губернатора столицы. Она заявляла о том, что выход Партии надежды на общенациональную политическую сцену произведёт синергетический эффект, который пойдёт на пользу и жителям Токио. Вместе с тем ряд предвыборных обещаний столичного губернатора носил чисто популистский характер – например, вовлечение большего числа женщин в политику или снижение зарплат членам парламента.

Большинство обозревателей оценивали шансы ЛДП одержать победу на выборах как высокие. «Неожиданности» связывались как с возможностью удачного выступления партии Ю. Коикэ, так и с перспективой формированием единого фронта оппозиции против С. Абэ. В обоснование такой вероятности комментаторы указывали на тот факт, что на выборах в верхнюю палату парламента в 2016 г. четыре оппозиционные партии, включая Коммунистическую партию Японии, смогли договориться об объединении сил во всех 32 одномандатных округах против правящей коалиции, что позволило оппозиции получить 11 мест.

Очевидно, ключ к победе Абэ на предстоявших выборах находился в руках неопределившихся избирателей, на долю которых, как показывали опросы общественного мнения, приходилось более 40 % всего электората страны. В пользу Абэ играл ядерный кризис на Корейском полуострове, поскольку в сфере внешней политики и безопасности колеблющиеся избиратели полагаются прежде всего на ЛДП.

Вместе с тем в стране получило распространение и мнение о том, что предстоящие выборы ничего не решают и даже являются своего рода политическим спектаклем. Отсутствие ясно выраженного политического вопроса, по которому Абэ решил распустить парламент, вызвало дискуссии о том, что японский премьер использует свои конституционные полномочия в личных целях. С этой точки зрения Абэ шёл на определённый риск: неудача на выборах неизбежно породила бы усиление внутривнутрипартийной борьбы за власть и поставило бы под угрозы шансы Абэ на выборах председателя ЛДП 2018 г.

Итоги выборов: убедительная победа ЛДП

Итоги прошедших 22 октября выборов в нижнюю палату парламента оказались для премьер-министра Абэ Синдзо триумфальными: правящая коалиция в составе Либерально-демократической партии и партии Комэйто завоевала в общей сложности 313 депутатских мест, что позволило ей сохранить в нижней палате квалифицированное большинство. С учётом независимых кандидатов, которые перешли в лагерь либерал-демократов сразу после выборов, ЛДП получила 284 депутатских мандата. Партия Комэйто – партнёр ЛДП по правящей коалиции – теперь имеет 29 мест.

Количество мест, полученных ЛДП на октябрьских выборах, сократилось на семь по сравнению с 291 депутатскими мандатами, полученными партией на выборах пятилетней давности. Однако следует учесть, что в результате избирательной реформы общее число депутатских мест в нижней палате японского парламента было сокращено на 10 (с 475 до 465). Таким образом, либерал-демократы сумели получить в нижней палате абсолютное большинство в 233 места. Такого рода большинство предоставляет возможности партии или партийному блоку возглавлять все постоянные комитеты палаты и обеспечивает, соответственно, большинство в этих комитетах.

Демократическая партия Японии (ДПЯ), которая была наиболее многочисленной оппозиционной партией страны, раскололась перед самыми выборами на три части. Одна группа переметнулась на сторону вновь образованной Партии надежды и выступала на выборах под её флагом, другая часть образовала Конституционно-демократическую партию Японии (КДП) во главе с Ю. Эдано, а оставшиеся члены ДПЯ приняли участие в выборах как независимые кандидаты.

Внезапное появление на внутривнутриполитической арене Партии надежды вызвало раскол оппозиции, несмотря на первоначальные надежды, что оно, наоборот, приведёт к её объединению. Это обеспечило уверенную победу кандидатов от ЛДП в 289 одноместных избирательных округах. В большинстве этих округов против кандидата от ЛДП выступало сразу несколько кандидатов от разных оппозиционных партий, которые естественно,

проиграли вследствие несогласованности своих действий. Крайне слабо выступила на выборах Партия надежды: по сравнению с 57 мандатами, которыми она располагала до выборов, партия сократила своё представительство до 50. В свою очередь, Конституционно-демократическая партия Японии (КДП), имея накануне выборов 15 депутатских мандатов, существенно укрепила свои позиции, завоевав 55 мест, и стала в итоге самой крупной оппозиционной партией в палате представителей. Остальные участники выборов получили следующее количество мест в нижней палате: Коммунистическая партия Японии – 12, базирующаяся в г. Осаке Партия восстановления Японии (*Hinpan ishin-no kai*) – 11, независимые кандидаты – 23.

На первый взгляд, С. Абэ в результате выборов укрепил свои позиции и получил возможность реализации своих политических планов. Однако опросы общественного мнения показывают глубокий раскол в общественном мнении по отношению к личности премьер-министра. По данным опроса, проведённого либеральной газетой «Асахи симбун» сразу после выборов, 51 % респондентов заявили, что они не хотят, чтобы Абэ продолжил свою работу на посту главы кабинета, и лишь 34 % этого желают [1]. Эти данные резко контрастируют с результатами октябрьских выборов, свидетельствующих о том, что многие избиратели отдали свои голоса ЛДП лишь в связи с отсутствием какой-либо очевидной альтернативы.

Несмотря на критику со стороны оппозиции в адрес «абэномики» – экономического курса правительства, ассоциирующегося с именем С. Абэ, победе ЛДП также способствовала относительно благоприятная ситуация в экономике страны и, в частности, снижение уровня безработицы в августе 2017 г. до 2,8 % (ранее он превышал 4 %).

Однако за слабое выступление на выборах винить себя должна сама оппозиция. Во время предвыборной кампании оппозиционные партии не представили ясных предложений в экономической и социальной сфере, которые могли бы быть противопоставлены курсу правительства Абэ. Вместо этого они сосредоточились на критике премьер-министра и членов его кабинета министров за покровительство близких Абэ бизнесменов. Эта стратегия не получила поддержку избирателей, так как на общенациональных выборах первоочередное внимание они традиционно уделяют проблемам найма и социального благосостояния.

Удастся ли Абэ в новой политической реальности реализовать свою цель пересмотра конституции? В своём проекте пересмотра конституции, обнародованном в 2012 г., ЛДП предложила зафиксировать право Японии на коллективную самооборону в соответствии с уставом ООН, что позволит значительно расширить законодательные рамки для проведения совместных военных операций Японии со своим главным и единственным союзником – Соединёнными Штатами Америки. В мае 2017 г. Абэ предложил, чтобы 9-я статья была пересмотрена лишь в части легитимации статуса японских Сил самообороны, что, по его утверждениям, не будет означать изменения военной политики страны, ориентированной исключительно на оборону.

В течение последних лет опросы общественного мнения в Японии показывают, что большинство респондентов доверяют Силам самообороны и считают их конституционными, несмотря на то, что 9-я статья гласит об отказе страны от обладания сухопутными, морскими и воздушными силами. В Японии распространена точка зрения, что С. Абэ выдвинул своё

скорректированное предложение с учётом высокого уровня доверия общественности к Силам самообороны.

В конце концов, именно общенациональный референдум, а не числовые расклады в парламенте, определяют судьбу 9-й статьи. Для пересмотра любой из статей Основного закона на референдуме требуется поддержка более половины избирателей. Опросы, однако, свидетельствуют о том, что примерно половина электората этого не приемлет. Упомянутый выше опрос «Асахи симбун» показал, что только 37 % респондентов поддерживают предложение Абэ пересмотреть 9-ю статью Конституции Японии, тогда как против такого пересмотра выступают 40 % [1]. Можно вспомнить, что активная поддержка пересмотра конституции никак не помогла Партии надежды, которая фактически «сдулась» в ходе избирательной кампании, тогда как Конституционно-демократическая партия, твёрдо стоящая на позициях нерушимости Основного закона, смогла стать оппозиционной партией номер один.

Если КДП сохранит в парламенте свой статус главной оппозиционной силы страны, она сможет значительно затянуть дебаты и отсрочить проведение общенационального референдума. Такая вероятность усиливается в связи с тем, что представители правящей коалиции ранее неоднократно заявляли, что референдум о пересмотре конституции может быть предложен нации только после согласия на его проведение со стороны крупнейшей оппозиционной силы страны. Однако КДП твёрдо выступает против указанного пересмотра.

Внешиполитические последствия выборов

Укрепление власти Абэ Синдзо в результате парламентских выборов вызвало неоднозначную реакцию в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Оно вызвало одобрение в таких странах, как Индонезия и Индия, однако в Китае и Южной Корее стали высказываться опасения по поводу того, что в результате пересмотра конституции Япония может вновь стать крупной военной державой.

Впрочем, Абэ неуклонно движется к этой цели, начиная со своего первого пребывания в кресле премьер-министра в 2006–2007 гг., когда он добился создания Министерства обороны вместо Управления Сил самообороны. С момента второго прихода к власти в 2012 г. японский лидер взял курс на последовательное укрепление военного потенциала страны под предлогом обострения ситуации вокруг Японии в связи с прямыми военными угрозами, которые она испытывает, прежде всего, со стороны КНДР и Китая.

В период правления Абэ ежегодно увеличивается военный бюджет страны, осуществляется модернизация Сил самообороны, пересматриваются планы развития военного потенциала, качественно и количественно укрепляется альянс с единственным союзником Японии – Соединёнными Штатами. В 2015 г. премьер добился принятия парламентом законов, позволяющих японским вооружённым силам действовать совместно с армией США далеко за пределами Японского архипелага.

Как уже отмечалось выше, в качестве одной из причин досрочного роспуска парламента и объявления внеочередных выборов Абэ назвал необходимость получения мандата избирателей на ужесточение политики в отношении Пхеньяна в связи с проведением

им ракетно-ядерной программы. Получив такой мандат, Абэ твёрдо поддержал президента Соединённых Штатов Дональда Трампа в его воинственной риторике в адрес Северной Кореи, в том числе его заявление о том, что в отношении этой страны у США «все опции на столе». Тема оказания Японией и США максимального давления на Пхеньян доминировала на переговорах японского и американского лидеров в ходе официального визита Трампа в Японию в ноябре 2017 г.

Примечательно, что во время визита Трамп выразил удивление по поводу того, что Япония не сбила ракеты, запущенные через её территорию Северной Кореей. Тогда же он предложил Японии расширить закупки американского оружия в целях более эффективного противостояния северокорейской угрозе, а заодно сокращения огромного дефицита США в торговле с Японией, который является болезненной точкой в японо-американских отношениях. Это предложение нашло позитивный отклик у японского премьер-министра, по словам которого, Японии необходимо качественно и количественно укреплять свою обороноспособность. Страна намерена приобретать у американского союзника новейшие истребители и системы ПРО. Токио уже планирует закупить у США систему ПРО «Иджис» наземного базирования и даже крылатые ракеты, размещаемые на истребителях.

Как указывают японские эксперты, укрепление Японией альянса с США параллельно с наращиванием собственного военного потенциала имеет цель противостояния ещё одной, гораздо более весомой и долговременной угрозе. Речь идёт о так называемой морской экспансии Китая. Под ней в Токио понимают усиление Китаем своего военно-морского флота и активизацию его деятельности на просторах Тихого и Индийского океанов, а также наступательную стратегию Пекина в территориальных спорах, как с самой Японией в Восточно-Китайском море, так и рядом стран в Южно-Китайском море.

В противовес указанной стратегии Японией была выдвинута концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Концепция стала ключевой в дипломатической деятельности Абэ Синдзо, хотя Токио подчёркивает, что она не направлена против какой-либо конкретной страны. Её Абэ продвигает с августа 2016 г. Выступая тогда в Кении на конференции по развитию Африки, японский премьер предложил превратить регион от Тихого океана до Персидского залива в пространство, где упор делается на свободу, верховенство закона и рыночную экономику. Указанная концепция предусматривает строительство инфраструктуры, расширение торговли и инвестиций, а также углубление сотрудничества в деле обеспечения безопасности на море. Можно предположить, что эта концепция является японским ответом на инициативу «Один пояс, один путь», продвигаемую китайским руководителем Си Цзиньпином.

В ходе ноябрьских переговоров в Токио Абэ и Трамп договорились, что Япония и США будут способствовать созданию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и пригласят для реализации этой цели также Индию и Австралию, которые «разделяют с ними общие ценности». Однако, по мнению некоторых японских аналитиков, участники этого плана стоят перед деликатной задачей – не превратить их сотрудничество в союз, направленный против Китая.

Вместе с тем, С. Абэ намерен искать пути улучшения отношений с КНР. Для этого он хотел бы наладить личные контакты с Си Цзиньпином, который также консолидировал свою

персональную власть на недавнем съезде Коммунистической партии Китая. Абэ строит планы посетить Китай в 2018 г., а затем принять Си Цзиньпина в Японии. Налаживание отношений с Пекином важно для Токио и с точки зрения решения ракетно-ядерной проблемы Северной Кореи, несмотря на значительное ухудшение в последнее время отношений между КНР и её «подопечным» в лице КНДР.

Наконец, можно полагать, что вдохновленный своей победой на парламентских выборах С. Абэ продолжит реализацию его «нового подхода» и в отношениях с Россией. Указанный подход был предложен им Владимиру Путину в Сочи в мае 2016 г. и состоит в развитии экономических отношений с ней. В условиях затяжной экономической стагнации в России, вызванной падением цен на нефть и западными санкциями, «новый подход», по замыслам Абэ, должен побудить Москву пойти на уступки в территориальном споре по поводу принадлежности четырёх островов южных Курил («северных территорий», по японской терминологии). Весьма вероятное продление пребывания Абэ в кресле главы правительства на третий срок, а также очевидная перспектива переизбрания президентом России Путина в 2018 г., позволят японскому лидеру и дальше делать персональную ставку на своего российского визави в попытках найти устраивающее Токио решение территориальной проблемы.

Тему территориального спора с Россией С. Абэ обыгрывал и в ходе своей предвыборной кампании в октябре. Выступая на митинге в г. Саппоро, он сказал, что возвращение островов Японии является сердечным желанием японских граждан, а подписание мирного договора между Токио и Москвой несёт в себе выгоду для обеих сторон. Абэ также заявил о своей решимости вернуть эти территории при жизни нынешнего поколения.

Судя по всему, С. Абэ и далее будет выступать за совместную экономическую деятельность России и Японии на южных Курилах, о которой они договорились с Путиным в ходе его официального визита в Японию в декабре 2016 г. Японский лидер, видимо, полагает, что совместное хозяйствование на оспариваемых Токио территориях позволит продвинуться по пути к его конечной цели – получению Японией всех четырёх южнокурильских островов. Наряду с северокорейской ракетно-ядерной проблемой тема двустороннего хозяйствования на этих островах была главной на встрече Путина и Абэ на полях саммита АТЭС в середине ноября во вьетнамском городе Дананге.

Перезагрузка «абэномики»

Выигрыш парламентских выборов дал японскому премьер-министру возможность и далее проводить свой экономический курс, получивший название «абэномики». Его цель – оживить японскую экономику, которая фактически переживает длительный период стагнации. Придя к власти пять лет тому назад, Абэ попытался ускорить экономическое развитие с помощью так называемых «трёх стрел»: агрессивной монетарной политики, гибкого бюджетного подхода и стратегии роста, сфокусированной на содействии частным инвестициям.

Указанный экономический курс предусматривает стимулирование потребления и инвестиций с помощью активной политики денежного смягчения. Это должно создать рабочие места и увеличить зарплаты. Более высокие зарплаты, в свою очередь, должны подтолкнуть цены вверх. Одна из главных задач «абэномики» заключается в ликвидации дефляции, которая в течение последних 20 лет подавляла цены, и достижении инфляции на уровне 2 %. Эта политика начала активно реализовываться с апреля 2013 г., когда новый председатель Банка Японии Курода Харухико резко нарастил масштабы покупок Банком правительственных активов.

Это дало некоторые ожидавшиеся результаты. ВВП Японии в период июля-сентября 2017 г. продолжал расти 7-й квартал подряд [2]. Это самый длительный непрерывный рост за последние 16 лет. А прирост номинального ВВП, который не учитывает инфляцию, был ещё более впечатляющим – в третьем квартале 2017 г. он оказался на 11 % выше, чем 5 лет назад. Этот прирост явился наибольшим за последние 20 лет.

«Абэномика» создала даже больше рабочих мест, чем надеялись её инициаторы. Число занятых за пять лет возросло на 2,7 млн человек, хотя численность трудоспособного населения сократилась за тот же период на 4 млн. Как следствие, безработица в течение 2017 г. была ниже 3 %, и на каждого ищущего работу приходилось 1,5 вакансий. Однако, несмотря на эти достижения, экономика всё ещё далека от 2 %-ной инфляции – потребительские цены к сентябрю 2017 г. выросли лишь на 0,7 %.

Одна из причин слабой инфляции заключается в том, что зарплаты не росли так быстро, как ожидалось. Другая причина состоит в том, что численность рабочей силы оказалась бóльшей, чем это предполагалось ранее. На рынок труда было привлечено большое количество женщин и пожилых людей. Кроме того, в 2016 г. число иностранных рабочих впервые превысило 1 млн человек. По иронии судьбы, однако, провал попыток поднять инфляцию позитивно воспринимается японскими потребителями, которые задаются вопросом, почему правительство так стремится к тому, чтобы всё кругом подорожало.

Победа ЛДП вызвала повышение стоимости акций японских компаний и дальнейшее понижение курса иены. В понедельник 23 октября, то есть на следующий день после выборов, на Токийской фондовой бирже индекс Nikkei 225 продолжил свой рост 15-ю сессию подряд. Он поднялся на 1,11 %, или 239,01 пункта, и достиг уровня в 21 696,65 иены – наилучшего результата с 15 июля 1996 г. Японская валюта в тот день торговалась на уровне 113,77–113,79 иены за один доллар по сравнению со 113,32 в пятницу, а утром опускалась даже до 114 иен [3].

Победа Абэ означала продолжение политики крупных бюджетных расходов и денежного смягчения, которую проводил премьер-министр с момента своего повторного прихода к власти в декабре 2012 г. За пять лет «абэномика» привела к снижению курса иены более чем на 20 %, а Индекс Nikkei практически удвоился. Итоги выборов стали хорошей новостью для отраслей промышленности, начиная от ядерной энергетики и заканчивая производством вооружений. В то же время они таят вызовы некоторым другим отраслям, например таким, как розничная торговля.

Снижение курса иены стало «попутным ветром» для крупных японских компаний-производителей, включая «Тойота мотор». Благодаря стимулированию японского экспорта

существенно выросли прибыли корпораций. Больше всего выиграли от понижения курса иены корпорации, которые ориентированы на зарубежные рынки.

Помимо всего прочего, премьер-министр С. Абэ рассматривал досрочные парламентские выборы как шанс протестировать общественное мнение по поводу повышения потребительского налога. Когда в 2014 г. налог был повышен с 5 до 8 %, экономика соскользнула в рецессию. После этого С. Абэ дважды откладывал решение о повышении налога. Однако нынешние признаки роста экономики, очевидно, делают для Абэ оправдание дальнейшей отсрочки вопроса с повышением налога весьма затруднительным.

Японские деловые круги с удовлетворением восприняли убедительную победу правящего лагеря во главе с ЛДП на выборах в палату представителей. Председатель Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) Сакакибара Садаюки, в частности, заявил: «Бизнес горячо приветствует победу на выборах ЛДП и её союзника Комэйто». По его словам, результаты выборов усилили позиции правительства Абэ и помогут ему «проводить политику твердо и последовательно». Среди главных задач, стоящих перед правительством, С. Сакакибара назвал выход из дефляции, оживление экономики, улучшение системы социального обеспечения, энергетические проблемы и национальную безопасность [4]. Вопрос теперь в том, как долго правительство будет продолжать свою политику стимулирования экономики в условиях, когда инфляция всё ещё слаба, а рост зарплат незначителен.

В целом «абэномика» пока ещё далека от поставленных перед ней целей и задач. Как отмечает газета *Nikkei*, при администрации С. Абэ Банк Японии активно боролся с затянувшейся дефляцией путём массированных покупок государственных активов и закачивания триллионов долларов в экономику с целью добиться повышения цен. Однако цели «абэномики» по инфляции оказались невыполненными из-за того, что компании повысили зарплаты в меньшем, чем ожидалось, объёме, а это в свою очередь замедлило рост цен. Потребление домохозяйств в сентябре 2017 г. упало в среднем на 0,3 % по сравнению с сентябрем прошлого года, несмотря на увеличение их средних доходов на 2,1 % [5]. К тому же инвестиции в строительство жилья, являющиеся главным источником потребительского спроса в Японии, в настоящее время переживают застой. Вследствие этих тенденций, Банк Японии решил продолжить денежную политику количественного смягчения. Банк сократил свой прогноз по инфляции, заявив о том, что её рост ещё недостаточно устойчивый, чтобы заставить компании повысить зарплаты и чтобы резко увеличить потребительский спрос.

В 2017 фин.г., заканчивающемся в марте 2018 г., Банк Японии ожидает роста экономики на 1,9 %, т.е. несколько большего, чем он предвидел в своем июльском прогнозе. Но в 2019 фин.г. Банк прогнозирует рост ВВП уже на уровне менее 1 %. А прогноз по инфляции в 2017 фин.г. он сократил до 0,8 % по сравнению с 1,1 % предыдущего прогноза [5]. Эти данные свидетельствуют о тех трудностях, с которыми сталкивается Банк Японии в попытках достичь цели инфляции в 2 %. Оценивая экономические перспективы, Банк Японии в качестве ключевых причин замедленного продвижения экономики к более высокой инфляции указал на нежелание компаний повышать зарплату, а также на низкую потребительскую активность населения.

С целью выполнения предвыборных обещаний кабинет министров 8 декабря одобрил пакет мер объёмом в 2 трлн иен, направленных на расширение сферы бесплатного образования и услуг по уходу за детьми. По мнению премьер-министра С. Абэ, это должно дать толчок для решения проблем долгосрочного развития экономики, вызванных снижением рождаемости в Японии и старением общества. Правительство надеется, что пакет мер стимулирования экономики, состоящий из 1,7 трлн иен налоговых поступлений и 300 млрд иен корпоративных взносов, поможет решить проблемы, связанные с демографией, и тем самым поддержать глобальную конкурентоспособность страны. Однако, по мнению ряда экспертов, ассигнование на указанные цели дополнительных доходов, полученных от запланированного повышения потребительского налога, может лишь затруднить решение проблемы государственного долга Японии, превышающего 250 % ВВП страны.

Вскоре после выборов Абэ был сформирован четвёртый кабинет министров. Лидер страны переназначил всех 19 министров его прежнего правительства, который он назвал «Кабинет фигур с политическим опытом». Тем самым он, очевидно, подчеркнул преемственность своей политики. Все главные функционеры правящей Либерально-демократической партии также остались на своих местах.

Газета «Йомиури симбун», критически оценивая экономические успехи правления С. Абэ, отмечала, что выход из дефляции всё ещё продолжается, а большинство населения пока не ощутило на себе плодов экономического прогресса. По мнению газеты, администрация Абэ должна всесторонне развивать стратегию роста таким образом, чтобы достичь этого роста на основе внутреннего спроса с помощью увеличения заработной платы и других мер [6].

В июне 2017 г. правительство приняло новую программу экономического развития, которая стала фактически вторым этапом «абэномики». Эта программа концентрируется на повышении производительности, развитии инноваций и торговли, а также дальнейшей активизации японских компаний. На этом этапе, по выражению С. Абэ, Япония должна совершить «революцию в сфере производительности труда». Цель указанной «революции» заключается в том, чтобы компенсировать отрицательное влияние демографических проблем на экономическое развитие.

Однако трудно сказать, насколько успешно С. Абэ удастся осуществить свой экономический курс. Во-первых, даже с учётом предполагаемого продления его пребывания в кресле премьер-министра на третий срок до 2021 г., у него остаётся не так много времени для реализации амбициозных целей «абэномики». Во-вторых, хотя победа на выборах правящего блока открыла новое окно возможностей для проведения Абэ своей экономической политики, сохраняются опасения, что сфокусированность премьер-министра на пересмотре послевоенной конституции Японии может воспрепятствовать реализации крайне необходимых экономических реформ [7].

Библиографический список

1. Асахи симбун. 25.10.2017.
2. What five years of Abenomics has and has not achieved. 16.11.2017. URL: <https://www.economist.com/news/finance-and-economics/21731419-growth-has-picked-up-not-inflation-what-five-years-abenomics-has-and-has> (дата обращения: 08.12.2017).
3. Japan Times. 23.10.2017.
4. Ёмиури симбун. 24.10.2017.
5. Nikkei. 31.10.2017.
6. Ёмиури симбун. 02.11.2017.
7. Nikkei. 23.10.2017.

Поступила в редакцию 13.12.2017

Автор:

Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: v_kistanov@list.ru

Parliamentary elections in Japan: Motives, Outcomes, Consequences

V.O. Kistanov

The decision of the Prime Minister of Japan, Shinzo Abe to hold in October 2017 pre-term parliamentary elections has caused controversy in the country. However, the ruling coalition led by Abe won a landslide victory, while the opposition camp failed to counter effectively. This will allow Abe to pursue more consistently and resolutely his goals in domestic and foreign policy, as well as economy.

Keywords: Japan, Parliament, elections, Shinzo Abe, the opposition, foreign policy, Abenomics.

Received 13.12.2017

Author:

Kistanov Valerii O., Doctor of Sciences (History), Center for Japanese Studies, Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: v_kistanov@list.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Японоведение в Европе:
личности и институции****Е.К. Симонова-Гудзенко**

В Боннском университете 8–9 июня 2017 г. состоялся симпозиум «Японоведение в Европе: личности и институции» (Japanology in Europe: individuals and institutions).

Симпозиум был организован заведующим кафедрой японского и корейского языков университета Бонна профессором Харальдом Майером и научным сотрудником Института литературы имени Тараса Шевченко Национальной академии наук Украины Юлией Осадча-Феррейра. В проведении мероприятия приняло участие представительство Японского фонда, в отделении которого в Кёльне и проходил первый день заседаний.

Здание отделения Японского фонда в Кёльне располагается напротив старейшего в Германии Музея искусства Восточной Азии, открытого в 1913 г.¹ Основатели музея Адольф Фишер (1857–1914) и его супруга Фрида Бартдорфф (1874–1945) собрали обширную коллекцию предметов японского искусства, составившую основу музея. К сожалению, удалось посмотреть совсем немного, поскольку большая часть здания закрыта на ремонт. Однако даже то, что удалось увидеть, – очень небольшую экспозицию миниатюрной скульптуры *нэцукэ* и *мандзю*, подвесных коробочек *инро* и керамики, производит сильное впечатление.

Участников приветствовал заведующий кафедрой японского и корейского языков Боннского университета профессор **Харальд Майер**. Он рассказал о первых инициаторах создания направления японоведения в Боннском университете, профессорах Оскаре Кресслере (1876–1970) и Герберте Захерте (1908–1979)². Профессор О. Кресслер с 1908 по 1929 г. преподавал в нескольких учебных заведениях Японии, в старшей средней школе в городе Кагосима, а затем Императорском университете Токио и университете Хосэй. С 1929 г. он стал преподавателем японского языка на кафедре филологии Боннского университета. Г. Захерт, сыгравший большую роль в развитии японоведческого направления, в 1941–1945 гг. был директором Японо-германского института культуры в Киото, в 1949–

---

¹ Museum of East Asian Art Universitätsstraße 100 D – 50674 Cologne. The museum's founders, Adolf Fischer (1857–1914), and his wife, Frieda Bartdorff (1874–1945), amassed a significant collection of Japanese art, which forms the basis of the museum's holdings.

² Harald Meyer. Vorlesungsmanuskripte und Übersetzungen zur vormodernen Literatur Japans von Herbert Zachert (1908–1979). OAG-Naschenbuch Nr.95, 2012.

1960 г. – профессором Берлинского университета имени Гумбольдта, а с 1960 г. – почётным профессором Боннского университета. Он впервые перевёл на немецкий язык предисловие поэтической антологии «Синкокинсю», несколько песен *вака*, драмы театра Но, послевоенную японскую Конституцию.

Х. Майер отметил, что и Филиппа Франца фон Зибольда (1796–1866) также можно считать стоявшим у истоков японоведческого направления. Он проживал в Бонне в 1853–1859 гг., получил, но отклонил предложение возглавить самостоятельную кафедру японского языка, предпочтя работу над собственными сочинениями «Ниппон» (Nippon) и «Флора Японии» (Flora Nipponica). Напротив главного здания университета, на берегу Рейна, Зибольд разбил сад, в котором посадил привезённые из Японии растения³. Среди основателей Х. Майер назвал также профессора географии университета Йоханеса Юстуса Рейна (1835–1918), совершившего путешествие в Японию в 1873–1875 гг. Самостоятельная кафедра японского языка была создана в 1944 г.

Затем были сделаны интересные доклады С.И. Марахоновой (Институт восточных рукописей РАН, СПб), Ю. Осадча-Феррейра (Институт литературы имени Тараса Шевченко НАН Украины), Г. Петковой и В. Николовой (Софийский университет имени святого Климента Охридского), а уже вечером – пленарный доклад Е.К. Симоновой-Гудзенко (Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва).

Рассказывая о судьбе и научной деятельности выдающегося востоковеда С.Г. Елисеева, **С.И. Марахонова** особо выделила хотя и короткий, но важный период его жизни – время обучения в Германии. После окончания гимназии в 1907 г. по совету академика Ольденбурга С.Г. Елисеев поступил в университет Фридриха-Вильгельма в Берлине (сейчас университет Гумбольдта) для изучения китайского и японского языков. На протяжении трёх семестров, которые С.Г. Елисеев провёл в Берлинском университете, он посещал лекции и семинары таких известных немецких востоковедов, как лингвист Эдуард Захау (1845–1930); синолог и этнограф Вильгельм Грубе (1855–1908); синолог, историк Отто Франке (1863–1946); филолог и лингвист Рудольф Ланге (1850–1933); тибетолог, археолог, специалист в индийском искусстве Альберт Грюнведель (1856–1935), и многих других. К сожалению, этот период жизни С.Г. Елисеева недостаточно документирован. Ввиду необходимости соблюдения регламента, докладчик наиболее подробно остановился на научно-педагогической деятельности японоведа только в России и во Франции, как европейских странах. основополагающая роль Елисеева в организации американского японоведения, его важнейшая деятельность в США во время Второй мировой войны по подготовке военных переводчиков, консультированию работников спецслужб о ментальности японцев, усилиях по спасению ряда японских городов от ковровых бомбардировок нуждаются в отдельном описании. В докладе С.И. Марахоновой удалось показать сложную, порой трагическую, но насыщенную событиями судьбу знаменитого учёного, и огромный вклад, который он внёс в развитие мирового японоведения.

---

³ Сегодня сохранились «потомки» нескольких деревьев, в частности, магнолия, которую в университете называют «магнолией Зибольда».

С историей японоведения на Украине познакомила слушателей **Юлия Осадча-Феррейра**. До 1991 г. японоведение на Украине развивалось в русле общих тенденций, характерных для императорской России, а затем СССР, что определялось её географическим положением. Факты, перечисленные докладчиком, подтверждают это. Так, например, выпускники Киевской духовной академии служили в приходах при первых дипломатических представительствах Российской империи в Японии (отец Анатолий, прибывший в Хакодате в 1872 г.) В 1913–1914 гг. в Киевском коммерческом институте японский язык преподавал выпускник Петербургского университета Н.И. Конрад, сменил его в 1916–1917 гг. Татибана Митидзо. Как и повсюду в Восточной Европе и на всей обширной территории Российской империи, интерес к Японии, её культуре проявился на Украине во второй половине XIX века. Начало преподавания японского языка связано с одним из старейших университетов Восточной Европы – Харьковским (1804), а также с такими именами, как В.И. Шерцль (1843–1906) и А.Н. Краснов (1862–1914). В 1902 г. в Харькове был создан этнографический музей, где собрана представительная коллекция восточноазиатских предметов. Там же, в Харькове, в 1926 г. была создана Всеукраинская научная ассоциация востоковедов с отделениями в Киеве и Одессе, начал издаваться журнал «Мир Востока» (с 1930 г. «Красный Восток»). Однако в 1931 г. журнал был закрыт, редакция арестована, а затем каток репрессий прошёл по украинским востоковедам.

В первой трети XX века основное внимание украинских востоковедов было сосредоточено на экономических и политических проблемах развития Японии, были сделаны первые литературные переводы, преимущественно произведений пролетарских писателей⁴. Активное развитие японоведения было прервано сталинскими репрессиями на Украине, как и на всей территории СССР. Лишь в 1954 г. возобновились научно-преподавательская деятельность, литературные переводы и исследования в области истории и культуры в Харьковском университете, а затем в Киеве и Одессе. С конца 1960-х годов украинские японоведы активно занимались переводами классической литературы (Мацуо Басё, Кобаяси Исса, Акутагава Рюносукэ, Нацумэ Сосэки, Кита Морио, Фукунага Такэхико). Завершая доклад, Ю. Осадча-Феррейра подчеркнула, что до 1917 г. японоведение отвечало, в основном, внешнеторговым интересам Украины; в 1920-е – 1970-е годы – развивалось в условиях идеологического давления, что определило фрагментарный характер исследований в области классического японоведения, достаточно хаотичный выбор тем в разных областях. Это объяснялось и зависимым, провинциальным характером японоведения на Украине, поскольку основные фундаментальные исследования были сосредоточены в Москве и Ленинграде (совр. Санкт-Петербурге).

О современном состоянии преподавания и исследований в японоведении рассказала **Тамара Комарницка** (Киевский национальный университет Украины имени Тараса Шевченко). Сегодня на Украине японский язык как первый иностранный преподают в пяти городах страны: в четырёх вузах Киева, двух – Львова, а также в Одессе, Харькове и Днепре. Среди направлений в исследовании Японии основными можно назвать языкознание, литературу, культурологию, философию и религиоведение, историю и политологию, а также

---

⁴ В 1933 г. опубликована Антология пролетарской литературы: Кобаяси Такидзи, Токунага Сунао, Фудзимори Сэйкити и др. К сожалению, имена переводчиков остаются неизвестными.

методологию преподавания японского языка в средних и высших учебных заведениях. Преподаватели Киевского национального университета имени Тараса Шевченко более десяти лет во внеурочное время при финансовой поддержке Мицубиси Корпорейшн ведут курсы японского языка, готовят учебные пособия по японскому языку и занимаются научной деятельностью. За это время были составлены японско-украинские и украинско-японские учебные словари и словарь японских литературоведческих терминов, биографический словарь японских поэтов; вышли монографии по теоретической грамматике японского языка, хрестоматия по японской литературе в 3-х томах и курс лекций по истории японской литературы от древности до наших дней; книги по лингвострановедению, по современному литературному японскому языку в 2-х томах, хрестоматия по японской поэтике, учебник японско-украинского перевода в 2-х книгах, пособие по теории и практике перевода с японского языка в 2-х томах, а также стилистика современного японского языка, другие научно-методические и учебные издания. С середины 90-х годов прошлого века постоянно растёт количество художественных произведений японских авторов древности и современности, представленных в переводах украинских японоведов – И.П. Бондаренко, И.П. Дзюба, М.С. Федоришина, Н.Д. Бортник, Т.К. Комарницкой и других. Наряду с ними появляются украинские переводы средневековых исторических произведений (А. Коваленко), философских и религиозных текстов (С.В. Капранов, А.Ю. Стрелкова), литературоведческих трактатов (Ю. Осадча-Феррейра), многие из которых в полном объёме переводятся впервые.

Доклад **Герганы Петковой** в первый день конференции о становлении, развитии и современном состоянии японоведения в Болгарии содержал множество интересных и малоизвестных фактов. Как и в большинстве стран Восточной Европы, отношения Болгарии с Японией были установлены в 20-х годах XX века, первые произведения японской литературы переводились с западноевропейских языков, первое исследование японской литературы появилось в 1941 г. (Светослав Минков). Докладчик обратил внимание, что развитие политических связей и знакомство с культурой далёкой восточной страны шли рука об руку. Международная выставка Экспо в Осака в 1970 г. явилась важнейшим шагом к развитию японоведения в Болгарии. Систематическое преподавание японского языка начали в 1967 г. в Софийском университете выпускники зарубежных востоковедных школ, преимущественно советских, Московского и Ленинградского университетов (Сильвия Попова, Дора Барова, Бойка Цигова, Цветана Кристева, Людмила Холодович, Нелли Чалакова, Братислав Иванов и другие). Первые переводы произведений японской литературы на болгарский язык также были сделаны преподавателями университета: «Исэ-моногатари» (группа студентов во главе с Петковой), Нацумэ Сосэки (Л. Холодович), Дадзай Осаму (группа во главе с Теневым), Харуки Мураками (Д. Барова) и многое другое. Докладчик показала сравнительно короткую историю японоведения как самостоятельного направления в Болгарии, подробно остановилась на читаемых в университете курсах истории, филологии, лингвистики, истории религий Японии, экономики и политологии. По мнению Г. Петковой, тесное сотрудничество с Японским фондом и крупными японскими фирмами способствует популярности страны и её культуры в Болгарии, что является одним из главных рычагов развития японоведения.

С пленарным докладом «Японоведение в России: история в лицах» выступила **Е.К. Симонова-Гудзенко**. Она рассказала историю японоведения в России, охватывающую более чем 170-летний период. Географическое соседство с Японией и установление дипломатических отношений в конце 50-х годов XIX века способствовали становлению и развитию самостоятельной области востоковедения – японоведения. Хотя изучение Японии в России началось позже, чем в Западной Европе, но чтобы догнать её, России не потребовалось много времени, более того, этот период оказался очень плодотворным. В самом начале доклада были названы имена первого русского консула в 1856 г. в Хакодате И.А. Гошкевича, консулов в Нагасаки В.Я. Костылева, написавшего первую Историю Японии⁵, и Г.А. де Волана, автора популярных очерков о Японии⁶. Докладчик особо остановилась на важной роли первого в Японии православного миссионера архиепископа Николая в исследовательской деятельности в области японской истории и литературы, рассказала о создании первых центров изучения далёкой восточной страны в Санкт-Петербурге, Владивостоке и Москве. Особое внимание слушателей Симонова-Гудзенко обратила на плеяду выдающихся японоведов – Д.М. Позднеева, Н.А. Невского, Н.И. Конрада, С.Г. Елисеева, М.Т. Рамминга, О.О. Розенберга, стоявших у истоков формирования японоведения как самостоятельного направления. Подчеркнула, что нельзя забывать, насколько трагически сказались события первых десятилетий XX века на их судьбах: Елисеев, Плетнер, Рамминг – эмигрировали; Невский, Поливанов – расстреляны; Глускина, Иоффе, Конрад – арестованы и сосланы⁷.

За достаточно долгую историю российским востоковедам удалось не только создать традиции исследования литературы, истории, культуры, экономики Японии, но и воспитать несколько поколений преподавателей и исследователей, продолжающих традицию и сегодня. Стремясь показать непрерывность и преемственность исследований, Симонова-Гудзенко проследила историю развития японоведения, выделив замечательных учеников Н.И. Конрада, – А.Е. Глускину, В.Н. Маркову, И.Л. Иоффе, В.С. Сановича. Они продолжили исследовательскую и преподавательскую деятельность в традициях, заложенных учителем. Следующее поколение японоведов, воспитанных преимущественно в стенах ИСАА МГУ и СПбГУ, продолжает их традиции. Достаточно назвать такие имена, как Л.М. Ермакова, Т.Л. Соколова-Делюсина, А.Н. Мещеряков, Т.И. Редько-Добровольская, А.А. Долин, и многие другие. Первые выдающиеся специалисты не только заложили фундамент, на котором японоведение продолжает развиваться и сегодня, но оказали влияние на развитие этого направления и в России, и в Европе, и в мире.

А. Дулина начала выступление с информации о создании в 1994 г. Ассоциации японоведов, рассказала о старейшем, с 1972 г., издании «Ежегодник. Япония», о ежегодных научных конференциях, о создании в 2011 г. онлайн-журнала «Японоведение в России» и многих других направлениях деятельности Ассоциации. Она рассказала также о Японском центре в Институте востоковедения РАН, перечислила и показала в презентации последние

⁵ Очерк истории Японии, составленный В. Костылевым. СПб, тип. В.Безобразова и К., 1888.

⁶ В стране восходящего солнца. СПб, 1903.

⁷ Далекое не все имена этого скорбного списка перечислены, упомянуты лишь те, о которых рассказано в докладе.

работы специалистов, разрабатывающих широкий спектр тем внутренней и внешней политики, экономики, истории, религии, культуры и литературы Японии. Был отмечен проводимый в ИВ РАН семинар под руководством М.В. Торопыгиной по японскому (*вабун*) и китайскому (*камбун*) старописьменным языкам. Далее Дулина охарактеризовала исследовательскую деятельность Института Дальнего Востока РАН, перечислила периодические и фундаментальные издания его специалистов по актуальным проблемам истории и политики Японии, о русско-японских отношениях. К сожалению, отведённое на доклад время позволило лишь очень коротко рассказать о научно-педагогической деятельности таких замечательных московских вузов, как ИСАА МГУ, МГИМО МИД РФ, РГГУ и ВШЭ, о проводимых в этих вузах конференциях, в том числе о научно-методической конференции для преподавателей японского языка (ИСАА МГУ) и о крупнейшей конференции по японоведению в России «История и культура Японии» (РГГУ). В докладе подчеркнута ведущая роль японоведческих кафедр ИСАА МГУ как в области преподавания образовательных дисциплин, так и направлений исследований. Всего лишь несколько слов удалось сказать о старейших центрах преподавания и исследования японского языка и страноведческих дисциплин – СПбГУ и Институте восточных рукописей в Санкт-Петербурге и об основных центрах Сибири (Новосибирск, Иркутск) и Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск).

В выступлении Дулиной был упомянут Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета, но подробное сообщение ему посвятила выпускница ИСАА МГУ **В. Федянина**, в настоящее время заведующая кафедрой японского языка этого вуза. Московский городской педагогический университет – одно из многих образовательных учреждений Москвы, в которых ведётся преподавание японского языка и страноведения. Он создан в 1995 г. для подготовки преподавателей и воспитателей учебных заведений Москвы и Московской области; готовит специалистов по 12 дисциплинам: психологии, менеджменту, компьютерным технологиям, социологии и др. Институт иностранных языков университета готовит бакалавров по направлениям «лингвистика», «востоковедение», а магистров – по специальности «педагогика». Программа каждой специальности включает изучение двух языков. Федянина особо остановилась на японоведческом направлении, подчеркнув важность разработки методики преподавания японского языка, и отметила, что в написании учебников и пособий ведущую роль играют сотрудники кафедры японского языка ИСАА МГУ.

Хотелось бы отметить доклад преподавателя кафедры Боннского университета **Юкава Сиро** об архиве Фридриха М. Траутца (1877–1952), первого исследователя трудов Ф. Зибольда. Архив Траутца, бывшего директора Германского института культуры в Киото, был передан Боннскому университету лишь частично, но даже эта часть (рукописи, гравюры, карты периодов Эдо и Мэйдзи, альбомы с фотографиями) пока ещё изучена недостаточно. Другая часть архива хранится в библиотеке Рурского университета (Бохум). К изучению материалов приступили сравнительно недавно, исследование ведётся совместно японскими и немецкими японоведами. Поскольку архив хранится на кафедре Боннского университета, участникам симпозиума были продемонстрированы некоторые документы, в частности расклейка листов книги Ф. Зибольда «Ниппон», которую Траутц готовил к переизданию.

Особое внимание участников симпозиума привлекло утреннее заседание второго дня, на котором было предложено для обсуждения и рекомендаций выслушать доклады трёх аспирантов кафедры. Три разные темы, разная степень их разработки, но одинаково высокий уровень докладов и презентаций вызвали интерес и живое обсуждение⁸. В наших вузах тоже стараются, чтобы выпускники и аспиранты принимали участие в конференциях. Но представляется, что подобное целенаправленное обсуждение работ аспирантов разными специалистами имеет смысл не в финале, как оно традиционно бывает, а на промежуточных этапах исследования. Это позволяет аспиранту не только услышать мнение разных специалистов, но и научиться отстаивать собственную позицию.

* * *

Завершая короткий отчёт о симпозиуме в Бонне, хотелось бы не только традиционно сказать о том, что подобные собрания и обмен мнениями чрезвычайно важны для развития японоведения, но и отметить два, на мой взгляд, существенных момента. Во-первых, можно часто слышать упреки от японских и западных коллег в адрес российских японоведов, что русский язык является преградой для знакомства, изучения наших исследований. В этих упреках сегодня видится некоторое лукавство, поскольку национальные школы японоведения, включая старейшие, немецкую и французскую, публикуют значительную часть своих исследований на национальных языках, что также осложняет знакомство с их научными трудами. Во-вторых, при всей происходящей в мире глобализации, находясь в едином поле славянских языков с болгарскими и украинскими коллегами, мы могли бы лучше знать их деятельность и достижения. Если об украинском японоведении мы знаем немного больше благодаря Юлии Осадча-Феррейра и Сергею Капанову, которые в прежние годы принимали участие в ежегодной конференции «История и культура Японии» (РГГУ), то болгарское японоведение остается для нас практически почти неизвестными.

Поступила в редакцию 06.08.2017

Автор:

Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Японии ИСАА МГУ. E-mail: eksimonova@mail.ru

---

⁸ *Екатерина Баранова. Женщины и предрассудки в классической японской литературе. Анализ мотива госпожи Рокудзё (Women And Superstitions In Pre-Modern Japanese Literature. Motif Analysis Of Lady Rokujo).*

Даниэль Герцхаузен. Рассказывая о Китае в Японии – путевые заметки послевоенных японских писателей.

Хендрик Грот. Восприятие философии Ницше в Японии – Мисима Юкио, Мисима Кэнъити и другие (Groth. Nietzsche Perceptions In Japan – Mishima Yukio, Mishima Ken'ichi and Others).

Japanology in Europe: Individuals and Institutions

E.K. Simonova-Gudzenko

Received 06.08.2017

Author:

Simonova-Gudzenko Ekaterina K., Professor, Head of the Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. E-mail: eksimonova@mail.ru

О международной конференции преподавателей японского языка

Л.Т. Нечаева

27–28 октября 2017 г. в ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова прошла очередная международная конференция «Японский язык и методика преподавания японского языка». В работе приняли участие более 100 преподавателей, аспирантов, магистрантов из 7 стран.

Во время двухдневной конференции с докладами на русском и японском языках выступили 66 человек. В первый день после пленарного заседания работа конференции продолжилась в 4 секциях – 2 методических, лингвистической и лингвокультурологической, на следующий день работали 3 секции – 2 методические и одна лингвистическая.

В начале конференции с приветственным словом от Японского фонда выступила **главный специалист по японскому языку г-жа Ота Мики**.

На пленарном заседании выступали ведущие преподаватели из Москвы – С.А. Быкова, В.П. Мазурик (ИСАА), Т.А. Розанова (МГЛУ), Санкт-Петербурга – И.С. Ибрахим (СПбГУ), Ташкента – М. Ходжаева (ТГЮУ).

С.А. Быкова обратила внимание преподавателей на важность использования обратного перевода как способа обучения грамматике и лексике. **В.П. Мазурик** рассказал об особенностях лекций по Интернету и трудностях их проведения. **Т.А. Розанова** коснулась проблемы истории перевода с японского языка, раскрыла новые возможности исследования и новые подходы к исследованиям. **И.С. Ибрахим** говорила о необходимости совмещения преподавания акцентуации японского языка и грамматических конструкций на начальных этапах обучения. **М. Ходжаева** рассказала, как используются японские учебные материалы для объяснения на занятиях японского языка реалий жизни в Японии.

В секции «*Методические вопросы преподавания японского языка – I*» – руководитель **Т.И. Корчагина** (НИУ ВШЭ) – были заслушаны восемь докладов. **Н.В. Власова** (РГГУ) сделала сообщение о преподавании личных местоимений на начальном этапе обучения японскому языку. **И.В. Гордеева** (НИУ ВШЭ) посвятила своё выступление обучению вежливой речи на занятиях по деловому японскому языку. Выступление **А.В. Кудряшовой** (ИСАА) о практических аспектах преподавания иероглифики было особенно полезно для начинающих преподавателей, поскольку в связи с активным использованием компьютеров утрачиваются навыки написания иероглифов и использования традиционных «бумажных» словарей. **Л.Т. Нечаева** (ИСАА) выступила с докладом о критериях отбора газетных текстов

для обучения переводу. Доклад вызвал интерес у преподавателей старших курсов. **А.Б. Ованнисян** (РАУ, Ереван) рассказала о состоянии преподавания японского языка в Армении и о мотивации студентов к изучению японского языка. Доклад вызвал вопросы в связи с очень незначительным количеством студентов, изучающих японский язык. Сообщение **Н.Г. Румак** было посвящено вопросу преподавания японской культуры на занятиях по японскому языку на младших курсах. Японские коллеги **А. Угамоти** и **Ё. Аракава** (СПбГУ) сделали сообщение об исследовании зависимости мотивации студентов к изучению японского языка от успехов в овладении японской письменностью. В заключение **М.А. Хрунина** (НГУ) выступила с докладом о применении метода «Чтение вслух» для обучения навыкам устной речи.

Ведущей 2-й методической секции была Н.В. Раздорская (МГИМО). Во время заседания этой секции также было заслушано 8 докладов. По словам руководителя секции, наибольший интерес участников заседания вызвали доклады Е.Ю. Бессоновой (ИСАА), О.Б. Кирилловой (ИСАА), О.А. Хованчук (Дальневосточный федеральный университет – Владивосток).

В докладе **Е.Ю. Бессоновой** «Комплексное использование Интернет-ресурсов в рамках проведения тематических занятий по японскому языку» была представлена схема поэтапной выработки умений аудирования и говорения у студентов продвинутого этапа обучения. По этой схеме учебный процесс осуществляется на основе использования разнообразных по форме, но одинаковых по тематике материалов Интернета, предъявляемых по мере возрастания их лексической насыщенности и стилистической сложности. Студенты на каждом занятии прорабатывают одну запланированную тему, по-разному освещённую на разных сайтах, отвечая на вопросы преподавателя, переводя отдельные фразы, обмениваясь мнениями по содержанию темы.

В докладе **О.Б. Кирилловой** «Некоторые приёмы развития навыков аудирования на средних семестрах» поднимаются вопросы эффективности работы с различными аудиоматериалами – новостями и фонозаписями к учебнику М.А. Мишиной «Устный перевод на средних семестрах». Интерес вызвал способ работы с новостями: студентам даётся задание прослушать незнакомый новостной сюжет, а затем пересказать его содержание как можно ближе к оригиналу, что способствует тренировке кратковременной памяти. После этого проводится разбор аудиотекста, в качестве домашнего задания студенты должны записать новостной сюжет иероглифами. После проработки 10 новостей проводится письменная контрольная работа на заполнение пропусков в ранее пройденных текстах. Это стимулирует студентов к более тщательной проработке материала и тренирует память. По мнению докладчика, тексты для аудирования из учебника М.А. Мишиной эффективнее давать прослушивать целиком, а не по фразам, что способствует более точному восприятию контекста.

О.А. Хованчук в докладе «Видеоуроки – изучение японского языка и культуры страны» подчеркнула, что использование видео на уроках способствует лучшему усвоению учебного материала, стимулирует рост интереса к культуре Японии.

Н.В. Раздорская рассказала о методике использования блогов в учебном процессе, в частности в организации домашнего чтения. Размещение литературных произведений в

текстовой и аудио-формам на дистанционном веб-сайте МГИМО позволяет студентам в любое время и в любом месте прочесть их с домашних компьютеров, смартфонов и айфонов. Преподавателем устанавливаются сроки выполнения проверочных заданий (подстановочные упражнения, эссе и т.д.), после проверки предусматривается получение внешних рецензий на творческие задания и устное обсуждение полученных результатов.

Необходимо выделить доклад **М.Н. Мизгулиной** (Москва, Школа № 1223) «Формирование и развитие механизма аудирования у школьников». Она ведёт занятия с маленькими детьми в одной из московских школ. Занятия проходят в виде дополнительных уроков, 2 часа в неделю. Автор доклада рассказала о трудностях обучения, но не языкового, а психологического характера в связи с тем, что дети не могут долго сосредоточиться на чём-то одном. К тому же нет учебных материалов, поэтому всё приходится искать и делать самому преподавателю. Тяжело найти песенки и мультфильмы, содержащие самую простую грамматику и лексику, а те, что есть, часто непонятны детям из-за трудной грамматики. Это всё вызывает у детей усталость и неприятие языка. В результате процесс обучения идёт очень медленно.

Лингвистической секцией руководила С.А. Быкова. На заседании секции было заслушано 7 докладов. Особый интерес вызвал доклад **М.А. Мишиной** (МГЛУ) «Намеренная речевая неоднозначность в японском языке как средство выражения вежливости», в котором на конкретных примерах анализировались факторы, способствующие появлению и функционированию в японском языке так называемых *あいまいな言い方* (буквально: неясный способ выражения). Стремление носителей языка к выражению вежливого отношения к собеседнику рассматривалось докладчиком как один из основных компонентов, сформировавших этот стиль выражения.

С.В. Чиронов (МГИМО) в докладе «Японские наречия намеренного действия – прагматический потенциал» представил результаты анализа функционирования в японской языковой системе наречий типа *せっかく сэккаку*, *わざわざ вадзавадза* и др., введя в научный оборот термин «наречия намеренного действия».

Доклад **А.А. Борисовой** (СПбГУ) «Влияние социальных сетей и мессенджеров на язык современных японцев (по материалам опроса японских студентов)», в котором обобщены результаты проведённого автором опроса, несомненно, интересен с точки зрения социолингвистического исследования современного японского языка.

Руководитель лингвокультурологической секции Т.М. Гуревич отметила выступления В.Е. Голубевой (МГПУ), Т.Б. Резниковой (МГИМО), У.П. Стрижак (НИУ ВШЭ).

В.Е. Голубева выступила по теме «Понятие 「自然な日本語」 в японской лингводидактике», где говорила о трудностях восприятия иностранцами речи японцев, о характерных для их естественной речи лексических эллипсисах и структурной «неполноте» грамматических конструкций. Причиной такого явления В.Е. Голубева назвала высокий уровень контекста в японской культуре.

С большим вниманием было выслушано выступление **Т.Б. Резниковой** о каллиграфическом мастерстве как составляющей имиджа, открывшее собравшимся новую грань древнейшего искусства письма в условиях XXI века.

Живой интерес и активное обсуждение вызвал и доклад **У.П. Стрижак** «Параллельные тексты как объект лингвокультурологического анализа», в котором была убедительно

доказана целесообразность работы с параллельными текстами для знакомства со спецификой перевода с японского языка и на японский язык.

Работа конференции продолжилась 28 октября.

Секцию «Методические вопросы преподавания японского языка – 1» вела Н.Г. Румак (ИСАА). Все выступления участников были посвящены созданию и использованию различных пособий. **А.В. Клеванская** (ШИЯ ВКС-ih, Подольск) рассказала о разработанном ею пособии для школьников «Японская азбука», **П.Д. Плужникова** (МГПУ) и **М.А. Седова** (МГПУ) знакомили с пособиями на основе песенного материала и комиксов *манга*, **Д.Н. Солтобаева** (Бишкекский гуманитарный университет) представила учебные пособия, разработанные в её университете.

На проблеме выбора учебника по межкультурной коммуникации остановилась **А.Д. Степанова** (МГПУ), подробно описав плюсы и минусы различных российских и японских учебников и учебных пособий, а **С.М. Кузнецова** представила материалы, разработанные в МГПУ для учебного пособия «Изучаем японский язык по темам на среднем уровне». **К.В. Болотская** (МГПУ) и **А.С. Борисова** (ИСАА) рассказали о собственном опыте использования поэзии и художественной литературы на среднем и продвинутом этапе обучения японскому языку, при этом К.В. Болотская сосредоточилась на отборе поэтических текстов для изучения *бунго*, а А.С. Борисова аргументировала важность использования аутентичных материалов (художественных текстов) для развития не только языковых, но и социокультурных навыков. Доклад А.С. Борисовой вызвал бурную дискуссию участников конференции.

В ходе работы секции «Методические вопросы преподавания японского языка – 2» было заслушано 9 докладов представителей вузов Москвы, Астрахани, Владивостока, Екатеринбурга, Казани. Наибольший интерес вызвали доклады носителей языка. **Удзава Такэо** (УРФУ) говорил о вариантах речевых упражнений путём составления карты GoogleMap на японском языке, **Миямото Тадаси** (Морской ГУ им. Адмирала Г.И. Невельского) рассказал о формировании навыков делового общения на японском языке на основе учебника «Минна-но нихонго». Основной акцент в этих докладах был сделан на использовании современных информационных технологий и актуализации живого аутентичного контекста для активизации изученного лексического и грамматического материала. Преподаватель школы «Момидзи» г. Москвы **Е.Н. Лучкина** представила доклад об особенностях постановки правильного произношения. Этот доклад привлек особое внимание аудитории в связи с тем, что ученица Е.Н. Лучкиной в этом году выиграла школьный конкурс выступлений на японском языке благодаря, в частности, и грамотно сформированным произносительным навыкам. Молодые преподаватели, в том числе магистранты образовательной программы «Обучение языкам Дальнего Востока», выступили с докладами о собственных методических разработках в области усиления мотивации студентов, подготовки их к международным стажировкам и др.

28 октября секцию по лингвистическим проблемам вела Н.Д. Крнета (ИСАА). В этой секции так же, как и в остальных, выступали не только преподаватели со стажем, но и молодые начинающие специалисты (магистры, аспиранты). Участники были как из разных

учебных заведений, так и разных стран, поэтому интересно было сравнивать разные подходы к решению поставленных проблем.

Три доклада – **Абэ Хироси** 「文型表現の文脈化～覚えた文型を正確にアウトプットさせる工夫～」 (НИУ ВШЭ), **М.Е. Андарбаева** «Способы перевода устойчивых грамматических конструкций с японского языка на русский в политическом дискурсе» (КазУМОиМЯ, Алматы), **Аракава Ёсико** «Словосочетания японского языка на фоне лингвистической эволюции в контексте развития информационно-коммуникационных технологий» (СПбГУ) были посвящены теме устойчивых грамматических конструкций и словосочетаний: проблемы воспроизведения и использования, правильного перевода, необходимость изучения актуальных единиц.

На стыке лингвистики и методики преподавания были доклады **М.Ю. Чамовских** (УрФУ, Екатеринбург) о разработке тестовых заданий для учебника *New Approach Japanese* и **О.М. Яцук** (ТГУ, Хабаровск) о подборке литературы для чтения по предмету «Стилистика». Доклад **Е.Н. Казанцевой** (МГПУ) о проблемах перевода имён демонологических персонажей японского фольклора был воспринят участниками с большим интересом, присутствующие даже начали «упражняться» в попытках перевода имён таких персонажей, как «сунакакэбаба». Доклад **И.Ш. Алямовой** (МГПУ) «Типология ошибок русскоязычных студентов в употреблении страдательного залога японского языка» и последующая дискуссия выявили не только то, что учащиеся часто неправильно понимают значение и содержание страдательного залога в японском, но и, к сожалению, не умеют правильно выразить мысли на русском языке.

В анкетах, розданных на конференции, участники написали о своём впечатлении от конференции:

«Всё было очень интересно, выступающие затрагивали интересные темы».

«Интересная подборка докладов, много полезной, особенной информации».

«Интересен процесс обмена опытом в кругу преподавателей японского языка, живое общение».

«С каждым годом растёт уровень выступающих».

«Общая атмосфера на конференции была доброжелательная и творческая».

Были и критические замечания, в основном касающиеся регламента выступлений. Организаторы конференции в будущем учтут сделанные замечания.

Поступила в редакцию 10.11.2017.

Автор:

Нечаева Людмила Тимофеевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией «Восточные языки в средней школе» ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: ltnechaeva@mail.ru

On the International Conference of Teachers of Japanese Language

L.T. Nechaeva

Received 10.11.2017

Author:

Nechaeva Ludmila T., Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, Head of Laboratory “Oriental Languages in High School”, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. E-mail: ltnechaeva@mail.ru

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Рихард Зорге: взгляд из XXI века

Е.Л. Катасонова

Алексеев М.Н. «Верный Вам Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1933–1938 годы. Книга 1. М.: Алгоритм, 2017. 864 с. ISBN 978-5-906914-53-8

Алексеев М.Н. «Верный Вам Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939–1941 годы. Книга 2. М.: Алгоритм, 2017. 688 с. ISBN 978-5-906947-30-7

В 2017 г. в издательстве «Алгоритм» вышла работа Михаила Алексеева «"Верный Вам Рамзай". Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии» в 2-х книгах – документальное исследование «японского периода» жизни прославленного советского разведчика Рихарда Зорге. И это событие в определенном смысле можно назвать знаменательным, так как упомянутый фундаментальный труд подводит итог всему тому, что написано об этом легендарном человеке у нас в стране и за рубежом, расставляет новые и хорошо выверенные акценты в его биографии, даёт объективную оценку его деятельности.

Книга примечательна тем, что написана на основе большого массива впервые введённых в научный оборот документальных материалов, ранее недоступных читателям, а также представляет собой профессиональный анализ международных событий тех лет, и, в первую очередь, советско-японских отношений, на фоне которых и разворачивается биография выдающегося разведчика. Думаю, что благодаря этой книге, спустя 56 лет после выхода на экраны так полюбившегося всем фильма французского режиссера Ива Чампи «Кто Вы, доктор Зорге?», мы наконец получили исчерпывающий ответ на этот непростой вопрос.

О Зорге написано много научных исследований, публицистических и библиографических работ, мемуарной литературы. Только в юбилейном, 2015 г., когда отмечалось 120-летие со дня рождения выдающегося разведчика, в России вышли четыре объёмные книги и шесть статей в солидных журналах, не говоря о многочисленных заметках и публикациях, размещённых в центральной и периферийной прессе, Интернете и т.д. Одним словом, интерес к легендарному разведчику в России не иссякает.

И лучшим доказательством этому являются съёмки крупнейшей кинокомпанией Star Media 12-серийного сериала о Зорге – самого дорогостоящего телепроекта последних лет. На Западе и на Востоке свои киноверсии уже есть, теперь, правда, с опозданием на несколько десятков лет настал черёд России. Конечно, нельзя сказать, что все эти годы в нашей стране ничего не снималось о Рихарде Зорге. Снималось, и многое, но всё это были документальные телефильмы. Одним из наиболее удачных стал фильм «Загадки Рихарда Зорге», снятый по заказу Российского телевидения по сценарию Бориса Добродеева и Дмитрия Василиу режиссером Иваном Твердовским (2015).

120-летний юбилей явился хорошим поводом и для создания первой художественной ленты о прославленном разведчике. Её планировали выпустить к юбилейной дате – октябрю 2015 г., но помешал финансовый кризис, и работу над фильмом пришлось приостановить на неопределённое время. Так что сроки выхода затянулись, но отснятый киноматериал можно посмотреть в Интернете. Это – совместная работа кинематографистов России, Украины и Китая. Создатели проекта ещё на стадии производства говорили о том, что фильм посвящён в основном токийскому периоду деятельности знаменитого разведчика и «Джеймса Бонда из Рихарда Зорге не получится» [1].

Фильм, по замыслу его создателей, является «байопиком», то есть сочетает в себе как документальный, так и художественный материал. В основу сценария легли реальные события, а также архивные документы, но документальной картину назвать нельзя, так как исторические сюжеты преподнесены в художественной трактовке. Режиссёром выступил Сергей Гинзбург, хорошо известный в мире телевидения, а роль главного героя исполнил популярный актер Александр Домогаров. И хотя по своему телосложению и другим внешним данным он, на первый взгляд, мало соответствует своему прототипу – Зорге, тем не менее, типаж и стать актёра, привлекательная внешность и человеческая харизма во многом роднят его с героем сериала.

И все-таки некоторые нюансы будущего фильма немного настораживают. В частности, по экономическим соображениям съёмки были перенесены из Японии в Китай – в Шанхай, где постарались воссоздать атмосферу Токио 1930-х годов. Вызывают сомнения и высказывания режиссёра сериала в одном из интервью о том, что «Зорге – персонаж

трагический и проигравший». С первым не поспоришь, но хватит ли сил и таланта показать этот трагизм без устоявшихся штампов о любви Зорге к виски и женщинам? А насчёт «проигравшего», то режиссер это объясняет так: Зорге «проиграл именно как герой, но не как человек. Он отдал жизнь за свои убеждения. У него же был совершенно сознательный приход к марксизму... Зорге любил нашу страну за идею, которую она подарила миру. В ней ведь не было ничего плохого – это мечта о справедливом мире. И в эту идею он верил до конца» [1].

Ещё с советских времён о Зорге писали и издавали массовыми тиражами книги, ставили спектакли, возводили памятники герою, его именем называли школы, улицы, теплоходы и т.д. В общем, пропагандистская машина работала на полную мощь. Яркий пример тому – книга М.С. Колесникова «Таким был Рихард Зорге» (1965), над которой работал не только автор, но и целый коллектив журналистов, переводчиков, сотрудников архивов, людей, близко знавших разведчика. Эта книга, как и многие другие, создавалась по политическому заказу высшего руководства страны, которое через 20 лет незаслуженного замалчивания подвига героя решило, наконец, воздать должное выдающему разведчику, правда, только тогда, когда о нём заговорили на Западе.

И тогда Зорге представили несгибаемым патриотом и пламенным борцом за идеалы мира и коммунизма, постепенно скрывая подлинные человеческие черты этой выдающейся личности под позолотой. Для всего этого требовались как мифы и легенды, так и хотя бы какие-то факты из жизни и деятельности разведчика. Вот почему органам разведки пришлось тогда согласиться на обнародование некоторых ранее закрытых материалов, которые стали основой для литературного творчества многих писателей.

Серьёзных же исследований жизни разведчика в СССР в те годы не велось. Показательно, что в библиографии книги «Рихард Зорге» из серии «Жизнь замечательных людей» (1980), написанной супругами М.С. Колесниковым и М.В. Колесниковой, значится всего 14 источников, причём три принадлежат самим авторам книги. Для сравнения: библиография немецкого исследователя Юлиуса Мадера «Репортаж о докторе Зорге» – одна из лучших книг, написанных о Зорге, насчитывает около 150 наименований.

А затем, в постперестроечную эпоху, когда у части историков и публицистов появилось стремление «переписать» советскую историю, Зорге предстал уже в совершенно ином свете. Русским людям свойственно впадать то в одну, то в другую крайность. Теперь в образе Зорге стали искать, прежде всего, изъяны, слабые места, человеческие слабости, выводя их на первый план и забывая о главном, – что было сделано этим человеком. С лёгкой руки подобного рода «сочинителей» о советском разведчике стали писать как о прообразе Джеймса Бонда, отчаянном плейбое, а зачастую и агенте не только двух, но и трёх-четырёх иностранных разведок. Единственно по-настоящему важный вопрос, который хоть как-то интересовал любителей дешёвых сенсаций, – это отношение к Зорге ещё более широко обсуждаемой в то время исторической фигуры – И.В. Сталина.

Наглядным примером такого рода «новых» подходов стала книга журналистки из Санкт-Петербурга, главного редактора местной газеты «Наша версия на Неве» Е. Прудниковой «Рихард Зорге – разведчик № 1?», не отличающаяся ни новыми фактами, ни

глубоким анализом разведдеятельности Зорге, зато вносящая массу новых сомнений по поводу его личности, биографии и значения его подвига.

В аннотации к своей книге автор указывает: «Слишком самостоятельная манера поведения, его независимый образ жизни, чрезмерное пристрастие к алкоголю и многочисленные романы, насторожившие чекистское руководство в Москве, привело его деятельность к логическому концу» [2]. Вот так просто и незатейливо отвечает она на один из самых сложных вопросов, который до сих пор жарко обсуждается специалистами: что привело к провалу разведгруппы? Ловко используя в качестве документальной основы уже написанные другими авторами книги и опубликованные документальные материалы, поскольку других источников информации у журналистки из Петербурга нет, она достаточно вольно оперирует уже хорошо известными фактами. И ей это не впервой! Ведь одинаково лихо она пишет книги о Сталине, Берии, о событиях в Катыни и т.д. – обо всём, что становится центром общественного притяжения.

При этом даже в самом названии её первого романа о Зорге содержится знак вопроса, объяснение которому мы находим в её последней книге «Рихард Зорге. Кто он на самом деле?», вышедшей в 2015 г. в издательстве «ТД Алгоритм». В предисловии к своему новому опусу, также имеющему знак вопроса в заглавии, автор пишет: «Известность для разведчика – дело случая, причём случай этот далеко не счастливый. По одной очень простой причине: чтобы стать известным, надо провалиться. Имена нераскрытых разведчиков крайне редко становятся достоянием общественности» [3]. И далее достаточно увлечённо пересказывает всем уже хорошо известную историю об обстоятельствах присвоения Рихарду Зорге в 1964 г. звания Героя Советского Союза, заявляя при этом: «После всех этих событий Рихарда Зорге по какому-то молчаливому уговору стали считать “разведчиком номер один”... На самом деле подобного супергероя можно сделать из доброй половины разведчиков-нелегалов» [3]. Для себя же она поставила как раз противоположную цель – не показать Зорге супергероем, а наоборот – развенчать ставший привычным для нас образ Зорге как выдающего разведчика.

По-видимому, такой подход нашёл большой спрос в читательской среде, судя по тому, что в общей сложности Прудниковой было выпущено 3 книги о Зорге: вторая называлась «Чужой среди своих», она вышла в 2010 г. в издательстве «Олма медиа групп» в серии «Неразгаданные тайны». А вслед за этим в 2015 г. в жанре документальной литературы в серии «Гроссмейстеры тайной войны» увидела свет её новая интерпретация известных событий – «Рихард Зорге. Кто он на самом деле?» (издательство ТД «Алгоритм»). И тут в России возникла буквально «цепная реакция» на создание такого рода произведений.

Даже такой известный автор, как Борис Соколов, специализирующийся на изучении советской и российской истории, не мог удержаться от соблазна сказать своё слово о Зорге в юбилейном году. В 2015 г. в издательстве «Вече» вышла его книга под интригующим названием «Рихард Зорге. Джеймс Бонд советской разведки». По сути дела, это – очередной беспристрастный рассказ о германском коммунисте и советском разведчике, прожившем короткую, но яркую жизнь. Автор книги не стремится к поиску сенсаций и аргументированно развенчивает один за другим многочисленные мифы, связанные с именем Зорге, доказывает несправедливость нападок и незаслуженных обвинений в его адрес, показывает непростую

личную жизнь своего героя и т.д. И всё это можно было бы принять за позицию известного историка, если бы не название книги, сразу же относящее это издание к разряду массовой шпионской литературы.

К этой же категории книг следует отнести и трёхтомник, написанный о легендарном разведчике писателем Валерием Поволяевым и изданный в 2013 г. издательством «Кучково поле». Примечательно, что каждый из томов носит отдельное название: «Зорге в Китае», «Рамзай» и «Японские лабиринты». Эти книги – не биографическое жизнеописание Зорге, не документальное повествование: автор определил их жанр как роман. Думается, что скорее это – политический роман. Ибо рассказ о Зорге, его многообразной деятельности, привычках, быте, любовных связях – одна составляющая книг, а другая – отображение политического фона того 25-летнего периода, который охвачен в трилогии, анализ происходившего в Берлине и Москве, Шанхае и Токио.

Повествование начинается со времени Первой мировой войны, с описания боев во Фландрии, где будущий разведчик получил тяжёлое ранение в ногу, и заканчивается гибелью героя. Среди действующих лиц – разведчики, чекисты, политики, военные, дипломаты. Писатель старается постоянно ориентировать читателя во времени и обстановке, а иногда с позиций сегодняшнего дня размышляет о драматических событиях давнего времени. Заключительная книга трилогии почти полностью посвящена пребыванию Зорге в тюрьме, его трудному общению со своими тюремщиками, прокурорами, следователями. И всё-таки в конце повествования невольно возникают вопросы: что нового почерпнули мы для себя из этой книги, почему Зорге привлек к себе внимание писателя? Ведь для него – это одна из проходных тем в творческой биографии.

Поволяев начинал свою публицистическую деятельность ещё в советское время, прославляя героев труда и посвящая им свои «производственные» романы; затем переключился на путешествия, черпая из них впечатления для своих очерков. Уже в зрелые годы увлёкся военными приключениями и военно-историческими сюжетами, описывая биографии адмирала Колчака и атамана Семёнова, генералов Корнилова, Миллера и др. Всего на его счету 23 исторических книги.

Пишу так подробно о творчестве этого мало известного мне писателя, чтобы уяснить для себя и читателей единственный вопрос: можно ли при таком буквально поточном методе производства книг найти и проанализировать новые и интересные материалы? Конечно же, нет, хотя у писателя были все предпосылки для этого. К тому времени в нашей стране уже появились серьёзные исторические исследования Ю.В. Георгиева, В.Э. Молодякова, А.Г. Фесюна, М. Алексеева, С.А. Кондрашова и др. Были опубликованы новые архивные документы, которые могли бы стать серьёзным подспорьем писателю в работе над книгой. Поволяев признаёт, что многие факты он черпал из материалов конференций, которые проходили за рубежом и были посвящены разведчику. По-видимому, имеются в виду симпозиумы Японо-российского центра исторических исследований во главе с известным журналистом Сираи Хисая, члены которого вот уже более 20 лет скрупулёзно изучают материалы, связанные с работой советского разведчика в Японии. С этой целью регулярно организуются международные симпозиумы, издаётся ежеквартальный бюллетень с обзором статей и книг о Зорге, выходящих в Японии и за рубежом, поддерживаются контакты с

«зорговедами» в других странах и т.д. Однако, судя по содержанию трехтомника Поволяева, он вряд ли воспользовался в полной мере всеми этими материалами, а, возможно, просто не ставил перед собой цель открыть и написать что-то новое о Зорге, а ограничился представлением своей версии хорошо известных событий.

Автор вновь пытается ответить в своей книге на вопросы: почему Сталин не поверил сообщениям Зорге из Токио? Что помешало обменять незаурядного разведчика на высокопоставленных японских военнопленных? И отвечает на эти вопросы, подкрепляя свою аргументацию не историческими фактами, а пространными рассуждениями. Вот, к примеру, одна из версий, которую выдвигает писатель: «Сталин утвердил доктрину – для самого себя в первую очередь, а уж потом для подчиненных: Советский Союз – единственная страна в мире, которая не имеет разведчиков... у Советского Союза, согласно существующей в государстве оборонительной доктрине, разведки нет» [4]. «В общем, как бы там ни было, – делает вывод Валерий Поволяев, – сталинский режим предал Рамзая и его группу» [4].

Книга не стала сенсацией в историческом сообществе, зато её громкая презентация прошла в Центральном доме работников искусств в присутствии профессионалов разведки, которые поспешили поделиться с собравшимися своим мнением и о книге, и о деятельности Зорге. Так, полковник разведки и писатель Олег Нечипоренко высказал гипотезу о том, что Зорге сумел продержаться так долго, потому что он «никак не попадал под стереотип разведчика. Его поведение, манеры, увлечения никак не попадали под общепринятые каноны. Это и спасало, оберегало от углублённых проверок» [4].

На вечере прозвучало и ещё одно сенсационное заявление о том, что советское руководство якобы не отказалось от своего разведчика, отвергнув предложение японской стороны о его обмене на одного из высокопоставленных японских генералов, находившихся в заключении в СССР. Напротив, если верить этой новой версии событий, то в Японию из СССР было нелегально заброшено несколько диверсионных групп для спасения Зорге, но по ряду причин этого сделать не удалось. Были ли такие группы? Кто в них входил, кроме отца человека, якобы поведавшего эту историю сыну? Это – новые вопросы, скорее всего, из области фантазии, но кто знает...

Теперь несколько слов о новых авторах, чьи книги, посвящённые Зорге, были опубликованы в Интернете и таким образом получили самую массовую читательскую аудиторию. Достаточно сказать, что на электронном портале «Проза.Ру», который предоставляет всем желающим возможность свободной публикации своих литературных произведений в сети Интернет, судя по данным счётчика посещаемости, порядка 100 тысяч посетителей в общей сумме ежедневно просматривают более полумиллиона страниц.

На этом сайте размещены несколько интересных статей и рукописей книг о Зорге, в числе которых положительные отклики выпали на долю публикации В. Томашевской «Рихард Зорге» [5]. Много хвалебных слов заслужила и статья Николая Долгополова «Почему Сталин не обменял Зорге?», размещённая 01.10.2015 в Интернете на сайте «Специальный проект “Русское оружие”» – RG.ru. Однако в центре внимания интернетовской аудитории всё-таки, как правило, оказываются материалы, содержащие подробный анализ исторических мифов и искажений по поводу биографии и деятельности

Зорге, допущенных в различных изданиях о нём. Обычно вокруг такого рода проблем развёртываются жаркие дискуссии. В качестве примера можно привести статью Анатолия Клепова «Рихард Зорге и мистификация Юрия Мухина», в которой подробно рассматриваются клеветнические заявления Ю.И. Мухина по поводу легендарного российского разведчика, допущенные в его книге «Если бы не генералы» (М.: Яуза, 2007). Читать подобного рода обсуждения достаточно любопытно, так как они отражают непредвзятое отношение наших людей, и в первую очередь молодёжи, к нашей истории и её героям.

Но куда более масштабной выглядит публикация на эту тему Ю.А. Кузнецова «Рихард Зорге: мифы, действительность и загадки» [6], которая получила широкую известность. Автор поставил перед собой весьма сложную задачу – объективно разобраться во всех аспектах жизни и деятельности Зорге на основе досконального анализа того, что написано его предшественниками.

Это – не книга в привычном понимании, а, скорее, научное исследование с подробным анализом огромного массива информации о Зорге, опубликованной у нас в стране и за рубежом. Среди оппонентов автора – отец и сын Судоплатовы, многие авторитетные политики, историки и литераторы, писавшие о Зорге, с которыми автор не только ведёт дискуссию, но и подтверждает свою позицию документальными материалами.

«Чтобы добраться до истины, – подчёркивает Ю.А. Кузнецов, – пришлось в течение десяти лет пробираться через джунгли лжи, клеветы, необоснованных версий и толкований тех или иных событий, неточностей, передёрнутых фактов, искажений текстов, вымыслов и фантазий, путаниц с хронологией, небрежности, просто глупостей, которые часто продолжают тиражировать и в наши дни» [6].

Показательно, что автор книги – кадровый военный, долгие годы работавший в рядах советской военной разведки ГРУ, прослуживший в ней в течение четверти века на различных должностях за рубежом и в центральном аппарате. Исследователи Зорге могут знать его по ранее опубликованным им статьям: «Рихард Зорге», вышедшей в публицистическом альманахе «Лубянка» (2006, № 3) и «Рихард Зорге и битва под Москвой», размещённой в Военно-историческом журнале (2010, № 2).

При этом надо заметить, что Ю.А. Кузнецов был далеко не первым, кто взялся за огромную и неблагодарную работу «отделить зерна от плевел», иначе говоря, разобраться в огромном массиве всего написанного о Зорге, отделив историческую истину от лжи. Его предшественником на этой стезе является В.М. Чинихин, который опубликовал в 2008 г. в электронном журнале «Самиздат» свою работу «Рихард Зорге – заметки на полях легенды». И я думаю, что эти две книги, посвящённые Зорге, определённо представляют большой интерес для всех исследователей его биографии.

И, наконец, о главном – о тех серьёзных изданиях, которые приближают нас к разгадке вопроса: «Кто Вы, доктор Зорге?». За последние годы в этой области сделано немало, и в числе авторов наиболее интересных работ следует назвать имя недавно ушедшего из жизни авторитетного историка разведки, доктора исторических наук В. Лота. Рихарду Зорге посвящены отдельные главы его книг, написанных в жанре исторической прозы. Это «"Альта" против "Барбароссы"» (М.: Молодая гвардия, 2004), «Секретный фронт

Генерального штаба» (М.: Молодая гвардия, 2005) и др. В них повествуется о судьбах военной разведки, которая оказывала непосредственное влияние на важнейшие события, происходившие накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. Вслед за этим автор собирался создать отдельную книгу о Зорге... Последнее, что он успел сказать о советском разведчике, опубликовано в газете «Красная звезда» (01.10.2015) в статье «Утомленный борьбой, но не сломленный», приуроченной к 120-летию со дня рождения героя.

Так что на сегодняшний день, пожалуй, самым авторитетным «специалистом по Зорге» следует признать М. Алексева, который стал известен широкому кругу читателей, интересующихся историей военной разведки, после выхода двухтомника «Военная разведка России. От Рюрика до Николая II» («Русская разведка», 1998). Эта книга стала первым в открытой печати подробным исследованием тысячелетней истории военной разведки России, с периода образования Киевской Руси до начала Первой мировой войны. Так что, приступая к изучению Зорге, автор обладал большими знаниями в этой закрытой, но интереснейшей области военной истории.

М. Алексеев начал своё писательское «расследование дела Зорге» с его деятельности в Шанхае. И не только потому, что это наименее изученный этап в жизни и работе советского разведчика, но и потому, что того требовала историческая логика произошедших в дальнейшем событий – как на мировой арене, так и в биографии Зорге. Поэтому прежде, чем приступить к рассказу непосредственно о своём герое, автор посвящает целый том исследования деятельности советской военной разведки в Китае. Книга, выпущенная в серии «Спецслужбы вчера и сегодня» издательством «Кучково поле» в 2010 г., так и названа: «Советская военная разведка в Китае и хроника “китайской смуты” (1922–1929)». В своём труде М. Алексеев впервые в российской историографии так подробно и аргументированно рассказал о работе советских военных разведчиков в Китае, их успехах и неудачах, от конца Гражданской войны до начала 1930-х годов. Ему удалось раскрыть массу новых, доселе неизвестных имён советских бойцов этого, как принято говорить, «невидимого фронта», проанализировать результаты их работы и т.д. Особо отличает книгу Алексева то, что описание деятельности военной разведки даётся на фоне сложных и противоречивых событий внутривосточной жизни Китая – «китайской смуты», что выделяет этого автора среди многих других. Мне хорошо известно, что он серьёзно и скрупулёзно подошёл к изучению и анализу этого сложного периода истории Китая, перечитал много книг, тесно общался с российскими китаеводами и т.д. И этот факт ещё раз говорит о М. Алексееве не только как о писателе, но, в первую очередь, как о вдумчивом и добросовестном исследователе, который не позволяет себе уйти от реальных фактов в мир художественного вымысла. Неудивительно, что его работа снабжена не только документальными материалами, но и комментариями и примечаниями, что добавляет ей научную ценность и делает весьма интересной как для историков спецслужб, востоковедов, так и широкого круга читателей.

Не знаю, стал бы автор писать эту книгу, если бы в его творческие планы не входило создание подробной и правдивой истории жизни и деятельности Зорге в Шанхае. Ведь всё написанное в ней является, по существу, предысторией другого фундаментального труда писателя – «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933

гг.» (2010 г.) Именно в эти годы Рихард Зорге стал профессиональным разведчиком, руководителем нелегальной китайской резидентуры IV-го (Разведывательного) управления Штаба РККА, и именно отсюда, из Китая, тянутся многие нити его дальнейшей биографии. Однако долгие годы широкий читатель намного больше знал о токийском периоде разведывательной деятельности Зорге, чем о его пребывании в Китае. Из российских исследователей этой темой целенаправленно занимался, пожалуй, лишь А.Г. Фесюн. Так что после выхода в свет книги Алексева данный пробел в биографии знаменитого разведчика, пожалуй, окончательно ликвидирован.

Ну а вслед за этим писатель логично перешёл к следующему этапу жизни Зорге – его работе в Японии, следуя уже выработанному для себя принципу: сначала проанализировать международную обстановку и политическую ситуацию в стране в те годы, разобраться, и уже в этом контексте перейти к рассказу о судьбе своего героя, сыгравшего заметную роль в мировой истории.

Книги М. Алексева трудно пересказывать, так как это – своеобразная историческая хроника, где невозможно вычленишь какое-либо одно звено. Их надо читать, и читать внимательно, ведь главная ценность этих работ – большой массив впервые введённых в научный оборот архивных материалов. Писатель имеет редкую возможность – непосредственно работать со многими закрытыми материалами в военных архивах, благодаря чему все сведения, сообщаемые в его книгах, не только достоверны, но и представляют большую историческую ценность, помогают документально восстановить недостающие эпизоды в биографии разведчика, понять важные детали произошедших событий и ответить на многие вопросы. Жаль, конечно, что до сих пор он не имеет права сослаться на конкретные архивные источники той или иной информации. Но таковы законы спецслужб. Наверное, когда-нибудь мы узнаем и об этом.

Библиографический список

1. Вечерняя Москва. 07.11.2014.
2. Прудникова Е. Рихард Зорге – разведчик №1? – СПб: Нева, 2004.
3. Прудникова Е. Рихард Зорге. Кто он на самом деле? – М.: ТД Алгоритм, 2015.
4. URL: <http://rg.ru/2013/01/23/razvedchik-site.html> (дата обращения: 23.06.2017).
5. Томашевская В. Рихард Зорге. URL: <http://proza.ru/2007/10/03/183> (дата обращения: 23.06.2017).

Поступила в редакцию 24.06.2017

Автор:

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: katasonova@rambler.ru

Rihard Zorge: Casting a glance from the 21st Century

E.L. Katasonova

Received 24.06.2017

Author:

Katasonova Elena L., Doctor of Sciences (History), Director of the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: katasonova@rambler.ru

К ЮБИЛЕЮ УЧЁНОГО

**Учёный, опередивший своё время:
к 125-летию со дня рождения Н.А. Невского (1892–1937)
Новые находки, публикации, исследования***

Бакшеев Е.С.

Статья публикуется в связи со 125-летием со дня рождения великого российского востоковеда Н.А. Невского (1892–1937). Рассказывается о новых находках, публикациях, исследованиях жизни и научного наследия Н.А. Невского, которые увидели свет в последние годы. Впервые подробно описывается архив Н.А. Невского в библиотеке Университета Тэнри. Цель публикации – возвращение в отечественный научный оборот наследия Н.А. Невского из зарубежных архивов для задач государственной национальной политики по возобновлению человеческого ресурса.

Ключевые слова: Николай Александрович Невский, научное наследие, японоведение, Рюкю/Окинава, архив Н.А. Невского в библиотеке Университета Тэнри, возобновление человеческого ресурса.

*Памяти Като Кюдзо (1922–2016),
первого биографа Н.А. Невского¹*

*Николай Александрович Невский принадлежит к числу тех учёных,
масштаб личности которых всё более раскрывается со временем.*

В.М. Алпатов

---

* Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ: № 15-03-00581 «Освоение репрезентаций пространства в культурных практиках: история и современность» и № 15-33-14106 «Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры (проблема Другого)».

¹ К сожалению, в сентябре 2016 г. ушёл в «лучший мир» легендарный японский учёный Като Кюдзо (род. в 1922 г.) – добрый друг России, исследователь-энциклопедист культуры и археологии Евразии, родоначальник исследований о жизни и деятельности Невского. В 1966 г. он написал первую в мире биографию Невского «Жизнь Николая Невского»; в 1976 г. Като опубликовал в Японии книгу «Небесная змея: Жизнь Николая Невского» [1], название которой взято из работы Невского «Представление о радуге как небесной змее». Пятью годами ранее ушёл из жизни японовед А.М. Кабанов (1952–2011), также занимавшийся наследием Невского.

Николай Александрович Невский (1892–1937) – один из основоположников отечественного японоведения, тангутоведения, айноведения и рюкюанистики. Эту публикацию я начну с цитаты из статьи биографа Невского проф. В.М. Алпатова, в которой ёмко обрисована личность учёного (статья была написана в 2012 г. по случаю 120-летнего юбилея Невского): «При жизни его (Невского) мало кто успел по-настоящему оценить, отчасти из-за того, что он не стремился к славе; его прижизненные публикации давали лишь частичное представление о его потенциале. После его гибели само его имя, казалось, навсегда изъято из науки. И даже после посмертной реабилитации Невского и посмертного присуждения ему Ленинской премии ещё долгое время публикация его работ шла медленно, а в третьем издании Большой советской энциклопедии в 70-е гг. даже статьи о нём по каким-то причинам не оказалось. Долгое время о нём, пожалуй, лучше помнили в Японии, чем на родине. И лишь сейчас, через три четверти века после гибели учёного стало, наконец, окончательно ясно, насколько значительное место занимает фигура Невского в отечественной и мировой науке. Показательно, что ни одна его годовщина не отмечалась столь масштабно, как не самая круглая дата – 120 лет со дня рождения: две большие конференции в Токио и Санкт-Петербурге, специально ему посвященные сборники и номера журналов, ряд публикаций» [2, с. 74].

Н.А. Невский (1892–1937)

В этой статье я постараюсь рассказать о новых находках, публикациях, исследованиях жизни и научного наследия Н.А. Невского, которые увидели свет в последние годы. Но вначале я кратко изложу основные вехи жизни и научной деятельности Н.А. Невского.

Николай Александрович Невский родился 1 марта (18 февраля по старому стилю) 1892 г. в Ярославле. В 1914 г. он окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по китайско-японскому отделению. В 1915 г. Невский был направлен на стажировку в Японию; из-за революции и гражданской войны в России он остался там на длительное время. Во время своего пребывания в Японии он занимался исследованиями синтоизма, этнографии, японского языка, литературы и мифологии, а также языка, фольклора и этнографии айнов, рюкюсцев (коренного населения островов Рюкю) и племени *цзоу о*. Тайвань. За 14 лет в Японии Невский явил собой замечательный пример российско-японского научного и культурного взаимодействия, внося значительный вклад в формирование японской этнографии, фольклористики и диалектологии. Находясь в Японии, Н.А. Невский также приступил к изучению письменных памятников на мёртвом тангутском языке, а позже добился успехов в дешифровке тангутской письменности.

В 1929 г. Невский вернулся в СССР (жена-японка и дочь приехали в 1933 г.) и плодотворно работал в Ленинграде. В 1937 г. он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии и расстрелян (24 ноября, в один день с женой). Невский был реабилитирован в 1957 г. В 1962 г. он был посмертно удостоен Ленинской премии за работу «Тангутская филология» (1960 г.) [1, 3–11].

Научные мероприятия (конференции, выступления, доклады), приуроченные к 120-летию со дня рождения Н.А. Невского²

Первым в череде юбилейных мероприятий, посвященных 120-летию со дня рождения Н.А. Невского, стал доклад (на японском языке) Е.С. Бакшеева (в то время сотрудника Российского института культурологии / РИК и стипендиата Японского фонда / Japan Foundation) о «Матерьялах для изучения говора островов Мияко» Н.А. Невского» на ежегодном симпозиуме «Общества по сохранению рюкюских языков» (Ryukyuan Heritage Language Society) в Национальном институте японского языка в Токио 3 марта³ 2012 г. Докладчик, проводивший в течение десяти лет исследования на о-вах Мияко, также занимался изучением, расшифровкой и подготовкой этого фундаментального словаря культуры Рюкю к изданию [12–14]. В ходе работы он объединил свои усилия с Такахаси Тосидзо, профессором-лингвистом Международного университета Окинавы. Они провели большую работу по расшифровке и транслитерации этой рукописи; к сожалению, из-за скоропостижной смерти Т. Такахаси эта работа прервалась, когда она находилась в завершающей стадии (в 2012 г. в эту работу включилась А. Ярош, аспирантка-лингвист из Польши, которой были переданы результаты совместного проекта Такахаси-Бакшеева).

В основе работ Невского всегда были данные, полученные им в ходе полевых исследований; их он рассматривал с привлечением широкого круга источников. Невский-рюкюанист был, прежде всего, исследователем языка и культуры о-вов Мияко [15–20]. «Матерьялы для изучения говора островов Мияко» – самый крупный, один из главных трудов в наследии Н. Невского-рюкюаниста. Над ним учёный работал, начиная с 1923 г. и

² См. также [11а].

³ В семье Н.А. Невского именно 3 марта (по новому стилю) праздновали его день рождения.

вплоть до его гибели в 1937 г. Формально это незаконченный рукописный черновик мяко-японо-русского словаря (ок. 6000 словарных статей, 1200 стр.), а по сути – это энциклопедия языка и народной культуры не только о-вов Мияко, но всех о-вов Рюкю, а также Японии (оригинал хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей (ИВР) РАН; о подготовке полноценного академического издания, которое продвигается усилиями учёных разных стран).

Като Кюдзо и автор статьи у памятной стелы Н.А. Невского
(о. Мияко, преф. Окинава; 2013 г.)

При всей широте научных интересов учёного для мировой науки до сих пор сохраняют значение, главным образом, работы Н.А. Невского по тангутоведению, айноведению, рюкюанистике (культура и язык Рюкю / Окинавы) и языку *цоу* (о. Тайвань). Так, сейчас на о-вах Рюкю⁴ сфера бытования местных языков и фольклора неуклонно сужается; язык и традиционная культура этого региона, родственные японским, находятся на грани исчезновения; рюкюские языки внесены в «Красную книгу» ЮНЕСКО. Таким образом, значение работы русского учёного неизмеримо возросло; наследие Н.А. Невского по языку и культуре Рюкю является важным достоянием российской и мировой науки. Невский побывал на о-вах Мияко (юг преф. Окинава) в 1922, 1926 и 1928 г., когда этот регион ещё не подвергся японскому влиянию и сохранял свой язык и культуру. Он собрал уникальные материалы по языку, фольклору, этнографии и культуре Рюкю. Их особая ценность в том, что Невский, обладая лингвистическим даром, записал образцы диалектов и фольклорные тексты с точностью, в то время недоступной японским исследователям. При этом наследие Невского-рюкюаниста недостаточно изучено в России и Японии и малоизвестно на Западе. Многие его работы по языку и культуре Рюкю не изданы или изданы в неудовлетворительном виде. На родине учёного школа рюкюанистики не сложилась; место и значение исследований Невского по языку и культуре Рюкю в его научном наследии всё ещё недооцениваются. Между тем, работы русского учёного по рюкюанистике способны пролить свет на важные

⁴ Краткий историко-культурный очерк Рюкю см. [16a].

нерешённые проблемы японского языка, алтайских языков и культуры Японии и всего региона.

В России же 16–17 марта 2012 г. кафедра японоведения Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (зав. кафедрой – проф. В.В. Рыбин, ныне покойный) провела конференцию, посвящённую 120-летию со дня рождения выдающегося русского языковеда, специалиста по ряду языков Восточной Азии Николая Александровича Невского. На конференции в основном были представлены доклады по различным аспектам японоведения: филологии, литературоведению, культурологии, истории, этнографии, экономике. По её материалам был подготовлен сборник «Японоведение сегодня (общество, культура, язык)».

В 2012 г. в мире отмечалось немало юбилейных дат: если для России самым главным событием было 200-летие со дня начала Отечественной войны 1812 года, то в Японии важной датой стало 40-летие воссоединения Окинавы с Японией после американской оккупации. В честь этого события в университете Васэда был проведён трёхдневный международный симпозиум по рюкюанистике (окинавоведению). В рамках этого симпозиума Е.С. Бакшеевым, в то время сотрудником Российского института культурологии (РИК), была организована – при содействии японской исследовательницы М. Танака – секция, посвящённая достижениям русского учёного в этой области [21].

На заседании этой секции председательствовал легендарный японский учёный Като Кюдзо – родоначальник исследований жизни и деятельности Невского. На секции прозвучало два доклада – М. Танака и Е.С. Бакшеева.

Мидзуэ Танака, ведущий исследователь темы «Невский-рюкюанист» в Японии, в течение 2000-х годов опубликовала в японских научных журналах и окинавской прессе серию статей о Невском – исследователе культуры Окинавы, а также переводы его работ. Сейчас она готовит книгу о А.Н. Невском. На юбилейной секции она прочитала доклад *They led N.A. Nevsky to the Miyako Islands: The little known History of E.D. Polivanov, A. Wirth and Iha Fuu*. Е.С. Бакшеев выступил с докладом «Невский на Мияко: неопубликованные материалы по этнографии, фольклору и языку Рюкю».

С комментариями выступили специально приглашенный из России член-корреспондент РАН В.М. Алпатов, а также проф. П. Хайнрих («Общество по сохранению рюкюских языков»).

Там же, в Японии, но уже на Окинаве 26 мая 2012 г. на заседании Этнографического общества Окинавы (Сюри, о. Окинава), Е.С. Бакшеев выступил с большим докладом на японском языке об этнографических исследованиях Н.А. Невского на о-вах Мияко [22].

Крупнейшим юбилейным мероприятием 2012 г. стал международный симпозиум «Невские чтения», который состоялся 3–5 октября в Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей (ИВР) РАН – «научном доме» Невского, где хранится его архив. Симпозиум был проведён ИВР РАН как главным организатором (председатель оргкомитета симпозиума – директор ИВР РАН проф. И.Ф. Попова, координатор симпозиума – В.В. Щепкин) при участии Российского института культурологии (г. Москва) как организатора (представитель РИК Е.С. Бакшеев выступил как координатор и модератор нескольких секций и мероприятий симпозиума, в частности блока по Рюкю, а также как

переводчик). Финансовую поддержку оказал Японский фонд. В симпозиуме приняли участие около 50 учёных из России и ближнего и дальнего зарубежья, среди них – видные японские исследователи деятельности и наследия А.Н. Невского, в частности почётный доктор наук РАН проф. Като Кюдзо, проф. Митико Икута, проф. Кадзухико Савада и другие.

«Невские чтения» включили в себя пленарные и секционные заседания о жизни и работе Невского и секционные заседания по различным областям японоведения, по тангутоведению, айноведению и рюкюанистике.

Были также показаны документальные фильмы по тематике симпозиума, в частности фильм «Н.А. Невский – пионер исследований Мияко» («Мияко кэнкю:-но сэнкюся Никорай А. Нэфски»), созданный телевидением Окинавы в 1996 г. с участием проф. С. Каримата (переводчик Е.С. Бакшеев).

Для участников симпозиума были также проведены экскурсии в Кунсткамеру, где хранятся экспонаты, привезённые Невским из Японии, и в Эрмитаж, где Невский работал.

Трагическая судьба Н.А. Невского, репрессированного в 1937 г., привела к тому, что большинство его трудов остались незаконченными или неопубликованными, а имя на многие годы было предано забвению. Усилиями российских и японских исследователей жизни и научного творчества Н.А. Невского его работы были частично опубликованы и продолжают изучаться и сегодня. «Невские чтения» были призваны продолжить и развить эту тенденцию. Основной целью симпозиума было привлечение внимания исследователей к изучению и изданию научного наследия Н.А. Невского, а также переоценка роли изучения «периферии», т.е. региональных и локальных культурных особенностей, исчезающих (айны, Рюкю, цоу) и исчезнувших (тангуты) культур.

Юбилейный год завершился тремя небольшими конференциями в Японии:

– в сентябре 2012 г. учёные с Окинавы (в основном, с о. Мияко) своими собственными силами провели юбилейную конференцию на о. Мияко;

– в январе 2013 г. в Университете Васэда был проведён круглый стол, посвящённый Н.А. Невскому; на нём выступил японский учёный Цукамото Дзэнъя с докладом об исследованиях Невского на Тайване.

– в июне 2013 г. на о. Мияко (преф. Окинава) Е.С. Бакшеев, как организатор и модератор, вместе с местными краеведами провёл конференцию по теме «Русские учёные – исследователи культуры Японии (Н. Невский, Н. Конрад, Е. Поливанов)» с участием К. Като и М. Танака.

Публикации, приуроченные к 120-летию со дня рождения Н.А. Невского

Патриарх изучения биографии Невского К. Като в 2011 г. накануне юбилея русского учёного издал дополненное издание своей знаменитой книги «Небесная змея: жизнь Николая Невского» [1].

Японоведение сегодня (общество, культура, язык) // Вопросы японоведения. СПб. 2012. № 4.

Этот сборник (на русском и японском языках) был подготовлен усилиями специалистов-японоведов из научных учреждений России, Украины и Японии по

материалам конференции, проведённой кафедрой японоведения С.-Петербургского университета под руководством ныне покойного проф. В.В. Рыбина. Авторами коллективной монографии являются хорошо известные японоведы и молодые учёные. Поскольку биографией и наследием Невского в мире занимаются немногие учёные, это издание, как и некоторые другие, включало лишь несколько статей, непосредственно касающихся Невского, и, скорее, продемонстрировало разнообразие направлений и современные достижения японоведения (при этом такое разнообразие отражало широту научных интересов самого Невского). Его проблематика отображает тематику спецкурсов, читаемых в высших учебных заведениях России. Диапазон исследований, охватываемых в монографии, представляет как общественные науки (экономику, историю, этнографию и культурологию), так и изыскания в филолого-литературной области [23].

Сборник статей и материалов о Н.А. Невском в журнале «Восточная коллекция» (2012. № 3).

Е.С. Бакшеев (в то время руководитель Центра изучения японской культуры РИК), автор идеи, составитель и научный редактор сборника статей и материалов о Н.А. Невском в осеннем выпуске журнала «Восточная коллекция» (2012 г.; здесь и далее см. [24]) – планировал его как юбилейный сборник по примеру сборника «На стёклах вечности: Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии» 1996 г. По ряду организационных причин в итоге в сборник вошли всего 5 статей и материалов: В.М. Алпатова, В.В. Щепкина, Икута Митико и Е.С. Бакшеева (две публикации). Тем не менее, по оценке специалистов и читателей, сборник получился достаточно интересным.

В.М. Алпатов во вводной статье «В нём горел энтузиазм и свет науки» описывает жизненный путь Невского: вклад в науку, значение наследия и его личности в начале XXI века: «Имя Невского, несмотря на все трагические события его жизни, не забыто. Он остаётся примером учёного, посвятившего жизнь познанию Японии и других стран Дальнего Востока, стремившегося преодолеть культурные барьеры».

В.В. Щепкин (ИВР РАН) в публикации «Двенадцать дней в Токио» представляет фрагмент дневника Невского из его архива, хранящегося в Институте восточных рукописей РАН (С.-Петербург). Этот фрагмент относится к концу декабря 1921 г. – началу 1922 г., когда Невский приехал на новогодние каникулы в Токио (в то время он работал в г. Отару на о. Хоккайдо). Это был и канун нового этапа в жизни учёного – переезда в г. Осака и изучения культуры о-вов Мияко (Рюкю) и тангутской письменности.

К этому же времени – периоду жизни Невского на о-ве Хоккайдо – относятся два его письма, которые впервые публикуются на родине учёного (Е.С. Бакшеев «Два письма из Отару, или русский «Серебряный век» на о. Хоккайдо»). В них предстаёт до сих пор неизвестный Невский – русский интеллигент, тонкий любитель поэзии (он и сам писал стихи). В этих письмах нашли отражение и судьба русской эмиграции в Японии, и драма «столкновения культур». Письма адресованы Е.Д. Белого-Плетнер (1898–1944), удивительной женщине, оставившей след в отечественной культуре первой половины XX века [25].

Митико Икута, ведущий современный японский биограф Невского (почётный профессор Осацкого университета) в статье «Рождение учёного» рассматривает следующий

важнейший этап в его жизни в г. Осака (1922–1929 гг.), где он сформировался как востоковед высочайшего класса [8].

В этот период Невский, трижды совершив нелёгкий путь морем, проводил исследования на о-вах Мияко (юг преф. Окинава). Это то время, когда этот регион ещё сохранял свои язык и культуру. Он собрал уникальные материалы по языку, фольклору, этнографии и культуре Рюкю. Об этом в статье «Русский человек на островах Бессмертия» рассказывает Е.С. Бакшеев, который сам много раз бывал на этих островах и проводил там исследования.

У входа в святилище Нууси утаки: здесь был Невский в 1922 г.
(о. Ирабу, о-ва Мияко; фото автора статьи)

Статьи и материалы обильно иллюстрированы фотокопиями архивных материалов и оригинальными фотографиями авторов.

Сборник статей «Николай Невский: жизнь и наследие». СПб., 2013.

В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных учёных, основанные на докладах, представленных в рамках «Невских чтений» – международного симпозиума в честь 120-летия со дня рождения Невского, состоявшегося в Санкт-Петербурге. Проблематика статей определена разносторонним характером исследований, которым посвятил себя учёный: японская мифология и культура, синтоизм, айноведение, язык и культура Рюкю, тангутоведение и др. Сборник состоит из разделов: «Жизнь и творчество Н.А. Невского», «Японоведение», «Язык и культура айнов», «Тангутоведение», «Н.А. Невский и Рюкю» [24]. Остановлюсь лишь на нескольких материалах сборника.

В разделе «Жизнь и творчество Н.А. Невского» В.П. Зайцев подробно обосновывает новую дату рождения Н.А. Невского по новому стилю – 1 марта 1892 г.

В статье «О методах исследования национальных культур у Н.А. Невского и В.В. Радлова» проф. Като Кюдзо показал, что так называемый штернбергский научный метод, который был популярен в России в конце XIX – начале XX века, был привнесён в Россию директором МАЭ В.В. Радловым и передан Невскому через посредство Л.Я. Штернберга.

В чрезвычайно интересной статье Савада Кадзухико (проф. Государственного университета Сайтама) «Н.А. Невский в документах тайной политической полиции Японии» впервые на русском языке обнаружены документы японской тайной политической полиции 1920-х годов из Архива иностранных дел МИД Японии, которые касаются Н.А. Невского и других известных русских. Эта статья и представленные архивные материалы содержат новые ценные данные по истории русского мира в Японии. Так, Невский находился под строгим надзором японской полиции из-за общения с известными японоведами братьями Олегом и Орестом Плетнерами. Олег Плетнер, прибывший в Японию в 1918 г. с целью покупки военного снаряжения и сельскохозяйственного инвентаря, для японской полиции был одним из самых подозрительных иностранцев, и 21 июня 1922 г. японские власти выслали его из Японии.

Раздел «Н.А. Невский и Рюкю» открывается тремя специальными лекциями, прочитанными на «Невских чтениях» видными японскими учеными – уроженцами Окинавы (Т. Цуха, К. Каримата, С. Каримата). Лекции посвящены научным областям, в которых работал А.Н. Невский, – этнографии, фольклору и языку Рюкю. В совокупности они представляют собой введение в науку о Рюкю/Окинаве и являются первым шагом к возрождению рюкюанистики в России, основы которой были заложены Н.А. Невским.

Основным предметом изучения Невского-рюкюаниста были о-ва Мияко. В докладе М. Танака даётся новый ответ на вопрос, почему учёный обратился именно к этим островам. Статьи Е. Бакшеева и А. Ярош посвящены главному труду в наследии Н. Невского по Рюкю – «Матерьялам для изучения говора островов Мияко» (из архивов ИВР РАН).

В статьях Р. Кароли, Э. Дженкинса и Ж. Баженовой рассматриваются различные аспекты истории и культуры Рюкю.

Представим некоторые публикации из этого раздела. В первой из трёх специальных лекций этнограф Цуха Такаси (почётный проф. Университета Рюкю) даёт принципиальную культурологическую схему рюкюской культуры – «две культуры» («культура Окинавы» и «культура Амами») островной дуги Рюкю. В публикации лекции видного фольклориста Каримата Кэйити (проф. Международного университета Рюкю) впервые на русском языке дан глубокий и подробный обзор – в историческом развитии – «устного народного творчества» Рюкю (фольклор, устная литература, песенное творчество, ритуальные и театральные действия) [26], практически неизвестного у нас. Обе лекции с японского языка перевел Е.С. Бакшеев.

Каримата Сигэхиса (проф. Университета Рюкю), лингвист, крупнейший специалист по диалектам Мияко за последние 20 лет опубликовал несколько статей о Невском – исследователе диалектов Мияко. В 1996 г. он участвовал в создании телевидением Окинавы документального фильма «Н.А. Невский – пионер исследований Мияко», представленного на «Невских чтениях». В 1998 г. коллектив из шести человек, в состав которого входили японские ученые-лингвисты, в том числе выходцы с Окинавы, переводчики с русского языка, поэты и другие специалисты во главе с проф. Каримата, подготовили и выпустили японское издание «Фольклора островов Мияко» Н.А. Невского [9]. В сборнике была опубликована лекция Каримата Сигэхиса *Ryukyuan languages and N. Nevsky's research on the Miyako language* (в английском переводе А. Ярош, аспирантки из Польши), которую он специально

подготовил для «Невских чтений». Благодаря этой публикации отечественные учёные впервые в доступной форме могут познакомиться с высокопрофессиональным обзором рюкюских языков.

В статье Р. Кароли *Travels of a national treasure. The records of the Ryukyuan royal family Shō (Ryūkyū kokiō Shō ke kankei shiryō)* описываются перипетии архива и собрания предметов искусства правителей королевства Рюкю после его ликвидации в 1879 г.; в них отразилась драматическая судьба королевской семьи и самого королевства Рюкю [30].

В статье Э. Дженкинса *William Board, 1854: arguments for reopening his case* сквозь призму частного случая (убийство на о. Окинава американского матроса У. Борда, обвинённого в изнасиловании местной женщины) читатель знакомится с важнейшим периодом в истории Рюкю и Японии – их «открытием» эскадрой адмирала М. Перри.

Ж.М. Баженова (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток) в своей статье «Керамические и лаковые изделия Рюкю» едва ли не впервые в отечественной науке рассматривает эти важные элементы материальной культуры региона.

Архив Н.А. Невского в библиотеке Университета Тэнри и его изучение

Архив Н.А. Невского в библиотеке Университета Тэнри был сформирован после отъезда Ёродзуя (Мантани) Исо, супруги Невского, в 1933 г. из Японии в СССР на основе материалов, оставленных учёным в её родном доме после его возвращения (в 1929 г.) на Родину. Это крупнейший в Японии и второй по величине и значению в мире архив после архива учёного в ИВР РАН (С.-Петербург). Сотрудники библиотеки Тэнри дали ему название «Архив Николая А. Невского» (по яп. 天理図書館蔵ニコライ・A・ネフスキー文書). Долгие годы его материалы оставались неразобранными, доступ к ним был затруднён, а в начале нашего века стал практически недоступен⁵. К 2012 г. – к юбилею учёного – этот архив был приведён в идеальное состояние (эта работа шла с 1970-х годов). Сотрудниками библиотеки Тэнри (Фукуда Юкико и другими) при участии доцента Университета Тэнри, русиста Хино Такао, составлен прекрасный электронный каталог⁶ [27].

---

⁵ Автор данной статьи начал работать с этим архивом в 2008 г.; после открытия архива работа пошла гораздо быстрее.

⁶ В редактировании каталога, в особенности в части материалов по о-вам Мияко, участвовал также автор данной статьи. Тем не менее, по техническим и прочим причинам в нём остались неточности и мелкие ошибки (например, год смерти Невского указан «1938»).

«У врат знаний» – на ступеньках библиотеки при Университете Тэнри
(г. Тэнри, преф. Нара)

Несмотря на все сложности (особые трудности с доступом к этому архиву, похоже, начались в 1990-е годы), с 1960-х годов в архиве поработали некоторые японские и российские исследователи: К. Като, М. Исии, Т. Хино, М. Икута, Л.Л. Громковская, Е.И. Кычанов, Л.М. Ермакова, Н.С. Шевтелевич, А.М. Кабанов и другие. Но, как мне кажется, подлинная история открытий в этом архиве впереди – с разбором архива, созданием каталога и с относительно свободным доступом к материалам⁷.

Каталог составлен на английском, японском и, частично, русском языках; его материалы описаны на английском и японском. Значительная часть этого архива ещё не опубликована и даже не известна специалистам и широкой публике; другая же часть материалов (или же идентичных им материалов из ИВР РАН) усилиями российских и японских исследователей, которые работали с архивом в разные годы, начиная с 1960-х, была опубликована в России и Японии (см. такие издания, как [1; 3–4; 6–7]).

В каталоге значится 109 единиц хранения, но одна единица может содержать несколько материалов Невского. Например, «Матерьялы для будущихъ работъ» (орфография Невского) включают 13 тетрадей (каждая тетрадь содержит материалы по разным направлениям; все относятся к периоду ок. 1919–1922 гг.). Самые важные для него материалы Невский, видимо, увёз с собой в 1929 г. в Россию; таким образом, по итогам изучения данного архива можно

---

⁷ Сейчас материалы нужно заказывать за две недели; в день можно посмотреть пять единиц хранения. Можно заказать ксерокопию (бесплатную, если таковая имеется) или платную, изготовление которой потребует 1–2 месяца.

сделать вывод, что в него, в основном, входят рабочие записи, наброски, черновики – в целом, материалы, относящиеся к раннему периоду его работы в Японии (есть также материалы в машинописном виде, подготовленные для публикации, частично идентичные тем, что хранятся в ИВР РАН); имеются также уникальные полевые записи (по о-вам Рюкю), сохранившиеся, видимо, только здесь. Итак, как мне представляется, этот архив особенно ценен тем, что может дать представление о становлении Невского-исследователя, позволит реконструировать его творческий процесс и, тем самым, лучше понять и учёного, и его работы.

Материалы архива можно разбить на разделы: синто, этнография Японии, шаманизм Японии (включая культ Осира), японская культура, материалы по Рюкю, тангутоведение, айноведение, переводы с китайского, японского и рюкюского языков, лингвистика, письма.

По моим подсчётам, из 109 единиц хранения большинство составляют материалы по Рюкю (в основном, по о-вам Мияко) – ок. 36; по тангутоведению – 14, айноведению – 9. Есть также несколько материалов по языку *Цоу*, аборигенов Тайваня.

Кратко опишу некоторые важные и интересные, на мой взгляд, материалы архива.

1. Синто

(1.1.) Черновые и машинописные переводы *норито* (опубликованы ещё при жизни учёного в СССР), а также перевод «Когосюи» (опубликован в [6]).

(1.2.) Перевод (рукопись, 120 стр.) Невским четвёртой главы из «Трактата о душе» (靈格論) из книги Танака Дзигохэй «Философия синто. Мысль в “Эру богов”» (田中治吾平著 神道哲学神代之思想 神代思想発行所, 1912).

2. На стыке синто и этнографии

«Исследование о Hitokotonushi» (орфография составителей; черновик, тетрадь) – перевод Н.А. Невским статьи Янагита Кунио «О божестве Хитокотонуси» [一言主考]⁸.

3. Этнография Японии, шаманизм

(3.1.) Культ *инугами* («Исследование о японской одержимости: Inugami и другие»).

(3.2.) Перевод (рукопись, 118 стр.) Невским 1-й части работы Янагита Кунио «О шаманках» (巫女考)

(3.3.) «Моление пред богом Oshira со слов itako, и другие» (тетрадь) – переписка и перевод Николая Невского.

Приведу комментарий Невского к одному из текстов молений (*Осира саймон* オシラ祭文), дающий представление о методе сбора материалов русским учёным: «Моление пред богом Oshira записанное по моей просьбе молодым крестьянином Nakamura Takeshi (из Aomori ken, Kamikita-gun, Tatebayashi-mura, bāza Enokibayashi) со слов itako Wada Kii, проживающей в гор. Aomori по улицѣ Ōmachi. Это моление сообщено мнѣ г. Nakamura в письмѣ от 1-го Сентября 1919 года».

---

⁸ *Хитокотонуси-но ками* – божество, которое встречается ещё в древних текстах («Кодзики», «Нихон сёки», «Нихон рёики», а также в «Гэндзи моногатари», у Басё); почитается в святилище Кацураги Хитокотонуси дзиндзя (преф. Нара, г. Госэ). По преданию, Хитокотонуси (иначе, божество Кацураги / Кацураки) строил каменный мост между горами Кадзураки и Кимбусэн (они расположены в южной части исторической провинции Ямато, сейчас – преф. Нара). Он был безобразен и работал только ночью, чтобы днём не показываться людям, поэтому так и не смог достроить мост.

(3.4.) «Исследование амулетов» («Исследование амулетов»; черновик, тетрадь) – перевод Николая А. Невского статьи Киёхара Садао «Маморифуда-ко:» (守札考 «Кё:до кэнкю:»; т. 3, № 4).

4. Изучение японской культуры

(4.1.) «Введение в изучение Chikamatsu : Осацкие увеселительные места и гетеры времени Chikamatsu» («Введение в изучение Chikamatsu (Осацкие увеселительные места и гетеры времена Chikamatsu»; Николай А. Невский; рукопись, тетрадь).

5. Переводы

В архиве есть переводы китайской и рюкюской (*куми-одори*) драмы, китайской (Ли Бо. «Древняя Мысль» / 李白 古意) и японской поэзии (песни *имаё* из сборников «Юйсимпо:» (唯心房集)⁹ и «Рё:дзин хисё:» (梁塵秘抄)¹⁰.

6. Лингвистика (словари)

Рукописи (черновики) 2-х, 3-х и многоязычных словарей (с русскими эквивалентами) словарей восточных языков: «Чжурчжэньский словарь», «Тибетско-китайский словарь», «Уйгурско-китайский словарь», «Персидско-китайский словарь» и др.

7. Рюкю/Окинава, о-ва Мияко

Большинству единиц хранения названия даны составителями каталога – отсюда их однотипность: так, три единицы названы примерно «Матерьялы для изучения говора островов Мияко: черновик: тетрадь» / [Николай А. Невский] (данная формулировка взята из оригинального названия рукописи словаря языка Мияко, хранящейся в ИВР РАН). Это подготовительные материалы для словаря из ИВР.

Большинство материалов по Рюкю касается этнографии и фольклора о-вов Мияко. Упомяну лишь некоторые из них.

(7.1.) Так, среди материалов по Мияко имеется «сборник переводов», названный составителями каталога *Folklore of the Miyakojima Islands*; название взято у известного сборника под названием «Фольклор островов Мияко», который был издан в СССР в 1978 г. В Тэнри же это машинописные переводы 22-х эпических песен *аяго* и трёх «сказок» (предания). Очевидно, копия данного материала, увезённая Невским в Россию, легла в основу сборника, который через многие годы был составлен Л.Л. Громковской.

(7.2.) «Матерьялы фольклора островов Мияко и других островов Окинавы» (тетрадь) содержат перевод на русский язык пяти песен *аяго* (в каталоге указано только четыре; песня № 2 пропущена), а именно:

(1) «Четырех сёл господин (四島の主) с комментариями (Громковская опубликовала несколько вариантов этой песни);

(2) Песня без названия – «аягу об обманутой красавице из Яима»¹¹ (Невский);

⁹ «Юйсимпо:» (唯心房集) – антология песен *вака* и *имаё*, составленная поэтом Фудзивара Ёринари (藤原頼業), жившим в конце эпохи Хэйан (794–1185).

¹⁰ «Рё:дзин хисё:» (梁塵秘抄) – дневник, приписываемый императору Го-Сиракава (後白河, 1127–1192). Антология песен *имаё*.

¹¹ Яима (яп. о-ва Яэяма 八重山諸島) – группа островов Нансэй (часто говорят «Рюкю») на юго-западе от о-вов Мияко, в то время находившаяся, как считается, под контролем правителей Мияко. В начале XVI в. на о-вах Яэяма вспыхнул бунт, для подавления которого туда под командованием Накасонэ (диал. Накадзун),

(3) «Песнь про дочь Унтура» (鬼虎の娘の歌);

(4) «Песнь про поход атамана славного Накадзуни на Яима» (仲宗根八重山入の時あやご);

(5) «Песнь про поход Накадзуни-туюмя на Яима» (仲宗根豊見親八重山入の時あやご).

Песни № 4 и № 5 – варианты перевода одной и той же песни, но № 4 – неполный. Ещё осенью 2015 г. я от руки скопировал № 5 «Песнь про поход Накадзуни-туюмя на Яима»¹², а через год – № 3 «Песнь про дочь Унтура»¹³ и планирую их опубликовать в России.

(7.3.) Материалы к словарю придворного языка королевства Рюкю «Конко: кэнсю:» (нач. XVIII в.).

– «Словарь старого языка Рюкю Kongōkenshū» (混効験集; рукописные карточки). ТТ.1–13.

(7.4.) Ранний вариант работы «Представление о радуге как небесной змее».

(7.5.) Полный аутентичный текст работы «Луна и бессмертие» (в опубликованном в [6] тексте последняя часть работы Невского в то время не попала в руки публикатора и дана им в обратном переводе с японского языка).

8. Письма

В архиве содержится большое количество писем А.Н. Невского, например:

«Переписка с друзьями: материалы для исследования японского фольклора» (черновик: тетрадь).

Среди всей переписки есть несколько писем Невскому от его учителя акад. В.А. Алексева (датируются 1916–1928 гг.); часть из них была опубликована ранее, а некоторые – впервые М. Икута в «Библиа» № 145, 2016). Есть также одно письмо от этнографа С.М. Широкогорова от 20.02.1929 г.

9. Фотоматериалы.

Недавно сотрудники библиотеки обнаружили около 400 фото, сделанных Невским, который увлекался фотографией и активно использовал её в своих этнографических исследованиях. Эти фото были сделаны в Японии и во время поездок на Окинаву, на Тайвань, в Китай. Часть из них была опубликована самим Невским как иллюстрации к своим статьям в японских научных журналах 1920-х годов, а остальные были совершенно неизвестны. С ними сотрудники сейчас ещё работают, и свободного доступа к ним нет; для атрибуции фото, связанных с Окинавой и о-вами Мияко, сотрудники обратились к автору данной статьи; в результате, с разрешения библиотеки, они всё-таки были обнародованы (на симпозиуме 27.11.2015 в Университете Тэнри).

правителя Мияко, направилась совместная экспедиция сил Мияко и короля Рюкю (с о. Окинава); тогда о-ва Мияко ещё не входили в королевство Рюкю, а находились в вассальной зависимости от него.

¹² «Туюмя» (豊見親) – титул правителей Мияко старого времени, означает что-то вроде «славный», «известный».

¹³ Унтура (яп. Онитора 鬼虎) – вождь с о. Ёнагуни (группа о-вов Яэяма), один из предводителей бунтарей.

Научные мероприятия (конференции, выступления) последнего времени

Осенью 2015 г. в Университете Тэнри по случаю 90-летия со дня основания Университета состоялась выставка материалов из архива Невского в библиотеке Университета (рукописей, фото и других материалов); выставка была открыта в период 20–29.11.2015 (организатор – Университет Тэнри, при поддержке Генконсульства РФ в г. Осака) [28]. 27 ноября 2015 г. также состоялся симпозиум, посвящённый Н.А. Невскому. Почётным гостем симпозиума стал проф. К. Като, выступивший с большим сообщением; с докладами также выступили проф. М. Икута (о переписке Невского), сотрудник библиотеки Я. Михамма (об архиве учёного) и Е.С. Бакшеев, последний – с докладом (на японском языке) о сохранении и изучении наследия Н.А. Невского в России [29].

90 天理大学創立90周年記念特別展

悲劇の天才言語学者 ネフスキー

— 自筆資料に見る軌跡 —

平成27(2015)年11月20日(金)▶11月29日(日)

開催時間 | 午前9時30分～午後4時(入場は午後3時30分まで)
会 場 | 天理図書館二階展示室
主 催 | 天理大学、天理図書館
後 援 | 在大阪ロシア連邦総領事館
入 場 料 | 無料

新口浩夫 中山太郎 生田美智子 加藤九祚氏

【記念講演会】会場：天理大学九号棟(ふるさと会館)
11月27日(金)午後1時～午後3時
天理図書館資料部長 三濱 靖和
「天理図書館とネフスキー」
ロシア文化省文化遺産研究所主任研究員 エフゲーニー・バクシエフ氏
「ロシアにおけるネフスキー評価の変遷」
大阪大学名誉教授 生田 美智子氏
「自筆資料から見るネフスキーの人的ネットワーク」
特別ゲスト 国立民族学博物館名誉教授 加藤 九祚氏
在大阪ロシア連邦総領事 オレグ・リャボフ氏

西原北郷宛書簡 草稿ノド

ネフスキーノートおよび手帳類

Плакат с объявлением о симпозиуме и выставке материалов из архива Невского в библиотеке при Университете Тэнри (г. Тэнри; ноябрь 2015 г.)

Выступление Като Кюдзо на симпозиуме, посвященном Н.А. Невскому
(г. Тэнри; 27 ноября 2015 г.)

В то время, осенью 2015 г., Е.С. Бакшеев по приглашению Университета Тэнри находился в командировке в Японии для изучения архива Н.А. Невского в университетской библиотеке как объекта нематериального культурного наследия российской цивилизации (истории отечественного востоковедения, русского зарубежья). Вместе с японскими коллегами он участвовал в составлении каталога архива Н.А. Невского в библиотеке Университета, в обработке материалов из этого архива, а также в подготовке выставки.

Сотрудники библиотеки при Университете Тэнри и автор статьи
готовятся к выставке материалов из библиотечного архива Н.А. Невского
(г. Тэнри, октябрь 2015 г.)

Е.С. Бакшеев осенью 2015 г. и летом 2016 г. (в первом случае с Т. Хино, в последнем – со своим помощником, местным краеведом-любителем К. Юаса) проводил на о-вах Мияко полевые исследования с целью атрибутировать фотоснимки, сделанные Невским и обнаруженные в архиве учёного в Тэнри. После возвращения Бакшеева на родину Юаса продолжил разыскания на Мияко, Окинаве и о. Кюсю и подготовил промежуточный доклад (не опубликован).

В ходе этих исследований у автора данной статьи возникла мысль показать в годовщину 125-летия со дня рождения Н.А. Невского фото, сделанные учёным на Окинаве (среди них многие запечатлели о-ва Мияко того времени) жителям Мияко – тем самым Невский как бы возвращался на эти острова. В результате сложных переговоров и длительной подготовки, Музей города Миякодзима (*Миякодзима со:го: хакубуцукан*) в течение августа месяца 2017 г. провёл такую выставку. 26 августа 2017 г. Е.С. Бакшеев выступил с сообщением об изучении Невским культуры о-вов Мияко в Музее города Миякодзима; в 2018 г. планируется публикация в трудах музея.

Плакат с объявлением о выставке фотографий, снятых Н.А. Невским, в Музее г. Миякодзима (преф. Окинава; август 2017 г.)

Таким образом, научные мероприятия в 125-летнюю годовщину со дня рождения Н.А. Невского оказались гораздо скромнее, чем пять лет назад. Но публикации последнего времени показали, что импульс 2012 г. не угас, и исследования успешно продвигаются.

Новейшие публикации архивных материалов и исследований

Российские и японские исследователи жизни и наследия Невского (К. Като, М. Икута, М. Танака, М. Исии, Д. Цукамото, В.М. Алпатов, Е.С. Бакшеев и др.) продолжали свои изыскания и публикации.

Так, проф. М. Икута за последние годы опубликовала несколько интересных статей на японском и русском языках о жизни и деятельности А.Н. Невского в Японии, о его окружении, а также архивные материалы. Среди них:

Икута Митико. Н.А. Невский глазами японцев // Ориентализм/оксидентализм: языки культур и языки их описания. М., 2012.

Икута Митико. Н.А. Невский и Дзюнтаро Исихама – инициаторы создания японского востоковедения в Осака // Николай Невский: жизнь и наследие. СПб., 2013.

Икута Митико. Рождение учёного // Восточная коллекция. 2012. № 3, осень.

Икута Митико. Ученый-энциклопедист Н.А. Невский – к 120-летию со дня рождения // Japanese Slavic and East European Studies. 2013. Vol. 34.

Следует упомянуть ещё одну статью М. Икута в новом сборнике (2016) о российских японоведах – «Прерванный жизненный путь: Николай Александрович Невский (1892–1937)» [30].

Бакшеев Е.С., который занимается изучением культуры Рюкю, активно работал в Архиве Невского в библиотеке Тэнри и подготовил для публикации в журнале «Библиа» две рукописи Н.А. Невского по этнографии о-вов Мияко (Окинава) – «Брак (на Мияко)» и «Роды (на Мияко)» [31]. С редакцией журнала «Библиа» и руководством библиотеки Университета Тэнри достигнута договоренность о том, что эти и другие неизвестные материалы (в частности, по этнографии и религии Рюкю) из архива Н.А. Невского в библиотеке Университета Тэнри, будут опубликованы Е.С. Бакшеевым в России. Таким образом эти важные объекты нематериального культурного наследия российской цивилизации будут вовлечены в научный, культурный и образовательный оборот.

Журнал Biblia

Авторитетный журнал «Библиа» (Biblia), издаваемый библиотекой Университета Тэнри и в течение многих лет периодически публиковавший материалы из Архива Невского в этой библиотеке, возобновил их публикацию. В № 145 за 2016 г. были опубликованы материалы симпозиума и выставки из архива Н.А. Невского, организованных Университетом и библиотекой Тэнри осенью 2015 г.

Журнал «Библиа», № 145 / 2016.5

Михама Ясукадзу. Библиотека Тэнри и Невский.

Икута Митико. Из наследия Невского (3): Письма Невскому (на русском и английском языках).

Евгений Бакшеев. Из наследия Невского (4): (расшифровка рукописи, публикация, вступительная статья и комментарии на японском языке). Н.А. Невский. Брак (на Мияко).. С.161-169. Н.А. Невский. Роды (на Мияко). С. 159–161.

Журнал «Библиа», № 146 / 2016.10

Цукамото Дзэнъя. Из наследия Невского (6): Публикация рукописи раннего варианта (1922 г.) работы Невского «Представление о радуге как небесной змее». Перевод на японский язык рукописи 1922 г. и статьи, опубликованной в СССР в 1934 г.

Журнал «Библиа», № 147 / 2017.5

Иши Масами. Из наследия Невского (6): «Заметки о народных преданиях района Тохоку».

Обращу внимание на важное событие – публикацию М. Икута в журнале «Библиа» (№ 145, 2016) нескольких писем Невскому японского периода (с переводом на японский язык): от его учителя акад. В.А. Алексеева (датируются 1916–1928 гг.; часть из них была опубликована или излагалась ранее); также письмо от его тети В.Н. Крыловой, двух писем от Ореста В. Плетнера; одно письмо от этнографа С.М. Широкогорова от 20.02.1929 г. и письмо (1916 г.) от питерского востоковеда Л.Н. Рудова.

Кратко коснусь писем Ореста В. Плетнера. Одно датировано 2 декабря 1922 г. и отправлено автором из Берлина накануне его отъезда в Японию. В письме без даты, написанным, видимо, ещё в Европе (предположительно, в 1922 г.), Орест Плетнер пишет: «...Я считал бы очень необходимым для наших с Вами же интересов снабдить школу нужными книгами по-русски, то есть приступить к составлению библиотеки классиков и новых писателей и может быть кое-что есть по лингвистике, хотя бы и на иностранных языках. Составьте предварительный список книг, что думаете нужно было бы приобрести (здесь есть русские магазины книг) и выговорите от школы¹⁴ кредит на этот предмет в возможных размерах. Книги будут безотлагательно пересланы. Кроме этого закиньте удочку, если найдёте возможным о выписке моей персоны в форме принципиальной».

Важное достижение последних лет – защита диссертации лингвиста А. Ярош в Польше (2015), – к сожалению, не в России – по языку Мияко на базе «Матерьялов для изучения говора островов Мияко» Н.А. Невского (из Архива востоковедов ИВР РАН) – трёхязычного (рюкюско-японско-русского) словаря по языку и культуре Рюкю, составленного учёным в 20-х – 30-х годах XX века (польской аспиранткой были частично использованы результаты совместного проекта Т. Такахаси и Е. Бакшеева; последний также консультировал её и редактировал расшифровку словаря).

**Итоги последнего десятилетия, перспективы и дальнейшее задачи
изучения наследия Н.А. Невского**

Можно сказать, что юбилейные мероприятия, посвященные 120- и 125-летию (последние гораздо скромнее) Н.А. Невского, позволили встретиться исследователям жизни и деятельности русского учёного и его научного наследия; они подвели итоги достигнутого и

---

¹⁴ Видимо, Осакая Школа иностранных языков (Осака гайкокуго гакко; будущий Осакий Университет иностранных языков), где Орест В. Плетнер работал с 1923 г. (вместе с Невским). С 1924 г. Орест В. Плетнер долгие годы также работал в Школе иностранных языков Тэнри (Тэнри гайкокуго гакко:), позднее – в Университете Тэнри.

наметили дальнейшие задачи в этой области. В целом, итоги «Невских штудий» последнего десятилетия сопоставимы с предыдущим периодом, связанным со столетием учёного.

В дальнейшем в связи с необходимостью сохранения культурных ценностей, нематериального культурного наследия России и российского зарубежья, использование его в качестве ресурса духовного и экономического развития российского народа, развития отечественного японоведения необходима разработка международной программы по изучению, публикации и популяризации научного наследия Н.А. Невского (как составной части российского японоведения) из российских и японских архивов в качестве объекта культурного наследия, памятника истории и культуры и достояния российской и мировой науки и культуры. Основная цель программы – возвращение в отечественный научный и культурный оборот наследия Н.А. Невского.

Предложу лишь некоторые пункты этой программы, касающиеся, в основном, наследия учёного по японоведению и рюкюанистике:

– Комплексное изучение архивных материалов, дневников и полевых записей Невского их архивов библиотеки Тэнри и ИВР РАН и публикация наиболее их важных фрагментов.

– Составление базы данных и подготовка научной биографии Н.А. Невского.

– Подготовка к изданию аутентичного собрания работ Невского с полноценным комментариальным аппаратом.

– Публикация неизвестных в России русскоязычных работ Невского (аутентичного варианта статьи «Луна и бессмертие», а также работ по этнографии и религии Рюкю (о-ва Мияко), песен *аяго* и *тогани* из библиотеки Тэнри).

– Перевод на русский язык японоязычных работ Невского: «Брак и культы о. Мияко», «Фонетическая запись “Сказа о перепелке”», «Материалы по детским играм Мияко» и др.

– Изучение, перевод (с японского языка на русский и наоборот), редакция и подготовка полноценного русскоязычного издания «Матерьялов для изучения говора островов Мияко» – фундаментального труда Н.А. Невского, энциклопедического словаря по языку и культуре Рюкю, как объекта культурного наследия.

– Исследование рюкюско-японского словаря придворной лексики королевства Рюкю «Конко: кэнсю:» (1711 г.) в переводе Н.А. Невского.

Библиографический список

1. *Като Кюдзо*. Тэн-но хэби: Никорай Нэфусуки-но сёгай : [Небесная змея: жизнь Николая Невского]. Токио, 1976. Доп. изд. Токио, 2011.

2. *Аллатов В.М.* Николай Александрович Невский – японист // Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.

3. *Невский Н.* フスキー著・岡正雄編 : [Ока Масао, ред.]. 『月と不死』 : [«Луна и бессмертие»]. Токио: Хэйбонся, 1971.

4. *Громковская Л.Л., Кычанов Е.И.* Николай Александрович Невский. – Сер. «Русские востоковеды и путешественники». М., 1978.

5. *Невский Н.А.* Фольклор островов Мияко / сост. Л.Л. Громковская. М., 1978.
6. На стёклах вечности: Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии / сост. Л.Л. Громковская // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996.
7. *Икута Митико.* 生田美智子編『資料が物語るネフスキー』: [Невский: Звучат документы]. Осака: Осацкий университет, 2003.
8. *Икута Митико.* Рождение учёного // Восточная коллекция. Осень 2012. № 3.
9. *Невский Н.А.* ニコライ・А・ネフスキー著・狩俣繁久共訳『宮古のフォークロア』(Фольклор островов Мияко) / пер. Каримата Сигэхиса и др. Токио: Сунагоя сёбо, 1998.
10. *Бакшеев Евгений.* 「ニコライ・ネフスキーと沖縄・宮古島」: [Николай Невский и острова Мияко, Окинава] // 『ドラマチック・ロシア in Japan – 文化と史跡の探訪』: [Драматичная Россия в Японии: культура и исторические памятники] 企画 ロシアン・アーツ: [Российский артс Инк.], 発行所 生活ジャーナル, 2010. С. 36–54.
11. Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.
- 11а. *Бакшеев Е.С.* Юбилейный год Н.А. Невского: обзор научных мероприятий и публикаций 2012–2013 гг. // Культурологический журнал. РИК. 2013. №3 (13). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/209.html&j_id=14 (дата обращения: 09.07.2017).
12. *Невский Н.А.* [«Матерьялы для изучения говора островов Мияко»]. 『宮古方言ノート』 [«Заметки по диалекту Мияко»]. Факсимильное издание / Мэрия г. Хирара, о. Мияко. 2005/ Т. 1–2.
13. *Бакшеев Е.С.* Н.А. Невский–рюкюанист и его «Матерьялы для изучения говора островов Мияко» // Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин. СПб., 2013.
14. *Бакшеев Е.С.* Обычай, культы и поверия о-вов Мияко, Окинава (по «Матерьялам для изучения говора островов Мияко» Н.А. Невского) Вып. 1–6 // Fushigi Nippon. URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1472>, <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1481>. 2010-12. (дата обращения: 09.07.2017).
15. *Кабанов А.М.* Неопубликованные материалы Н.А. Невского по этнографии островов Рюкю // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып.4. СПб., 1994.
16. *Бакшеев Е.С.* Н.А. Невский – исследователь культуры Окинавы (части 1–3) // Окно в Японию. Е-mail бюллетень Общества «Россия–Япония». Окно на Окинаву. Вып. 13–14. URL: <http://www.ru-jp.org/baksheev12.htm>, <http://www.ru-jp.org/baksheev13.htm>, <http://www.ru-jp.org/baksheev14.htm> (дата обращения: 09.07.2017.).
- 16а. *Бакшеев Е.С.* О космогонических мифах Рюкю // Ежегодник «Япония 2015». М.: АИРО–XXI, 2015. С. 144–148. ACADEMIA. URL: https://www.academia.edu/22002310/On_Ryukyuan_Cosmogonic_Myths_in_Russian_.O_космогонических_мифах_Рюкю (дата обращения: 09.07.2017).
17. *Бакшеев Е.С.* Проблемы изучения научного наследия Н.А. Невского по культуре Рюкю / Окинавы в России и в Японии // История и культура Японии. М.: РГГУ, 2011.

18. *Бакшеев Е.С.* Краткий очерк истории изучения этнографии Окинавы в Японии и вклада российских ученых // *Окно в Японию. Электронный бюллетень Общества «Россия–Япония».* № 03. 29.01.2006. Окно на Окинаву. Вып. 7. URL: <http://www.ru-jp.org/baksheev11.htm> (дата обращения: 09.07.2017).
19. *Бакшеев Е.С.* В поисках «Богини из Ниима»: по следам легенды «Почему перестали рождаться красавицы» – Из наследия Н.А. Невского по культуре Окинавы (I) // *Fushigi Nippon.* URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1475>, <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1476> (дата обращения: 09.07.2017).
20. *Танака Мидзүэ.* Почему Невский отправился на острова Мияко? Новый взгляд исходя из работ Е.Д. Поливанова и неизвестной статьи А. Вирта // *Николай Невский: Жизнь и наследие.* СПб., 2013.
21. *Бакшеев Е.С.* NEVSKY on MIYAKO: Unpublished Materials on Ryukyuan Ethnology, Folklore and Language // Доклад на The Nikolai Nevsky Jubilee Panel. Симпозиум Okinawan Studies Until Now, Okinawan Studies From Now On. Ун-т Васэда, Токио. 29.03.2012. (на яп. яз.); «Окинава симпо». URL: <http://okinawasymposium.files.wordpress.com/2011/12/panel-3.pdf>; <http://kanji-life.livejournal.com/24819.html> (дата обращения: 09.07.2017).
22. *Бакшеев Е.С.* Этнографические исследования Н.А. Невского на о-вах Мияко // Доклад на заседании Этнографического общества Окинавы. Сюри, Окинава. 26.05.2012. (на яп. яз.). ACADEMIA. URL: http://www.academia.edu/10208454/ニコライ_ネフスキーの沖縄_宮古に関する民俗学的研究 (дата обращения: 09.07.2017).
23. Японоведение сегодня (общество, культура, язык): к 120-летию со дня рождения Н.А. Невского (1892–1937) // *Issues Of Japanology – Вопросы японоведения.* №4. В 2 т. Т. 1. СПб., 2012. С. 10–17.
24. *Невский Н.А.* Юбилейный сборник статей и материалов / сост. и науч. ред. Е.С. Бакшеев // *Восточная коллекция. Осень 2012.* № 3.
25. *Бакшеев Е.С.* Два письма из Отару, или Русский «Серебряный век» на о. Хоккайдо // *Восточная коллекция. Осень 2012.* №3.
26. *Каримата Кэйити.* Очерк устного народного творчества» Рюкю // *Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин.* СПб., 2013. // [academia. URL: https://www.academia.edu/10765769/E._Бакшеев_перевод_с_японского_КАРИМАТА_Кэйити_狩_俣_恵_—_очерк_устного_народного_творчества_Рюкю_in_Russian_translation_from_Japanese_by_Evgeny_Baksheev_](http://www.academia.edu/10765769/E._Бакшеев_перевод_с_японского_КАРИМАТА_Кэйити_狩_俣_恵_—_очерк_устного_народного_творчества_Рюкю_in_Russian_translation_from_Japanese_by_Evgeny_Baksheev_) (дата обращения: 09.07.2017).
27. Сайт библиотеки Университета Тэнри (Япония). URL: http://www.tcl.gr.jp/eng/index_e.htm. Электронный каталог архива Н.А. Невского. URL: http://www.tcl.gr.jp/opac/itiran_shosi.php (дата обращения: 09.07.2017).
28. Special Memorial Exhibition and Symposium on Nikolay A. NEVSKY at Tenri University/Library (天理大学創立90周年記念特別展・記念講演会 悲劇の天才言語学者ネフスキー—自筆資料に見る軌跡—, November 20-29 / November 27, 2015 (poster, in Japanese). – URL:

https://www.academia.edu/19846749/Special_Memorial_Exhibition_and_Symposium_on_Nikolay_A_NEVSKY_at_Tenri_University_Library_天理大学創立90周年記念特別展_記念講演会_悲劇の天才言語学者ネフスキー_自筆資料に見る軌跡_November_20-28_November_27_2015_poster_in_Japanese (дата обращения: 09.07.2017.).

29. Бакшеев Е.С. On Evaluation of Nikolai A. Nevsky's Heritage in Russia / ロシアにおけるネフスキー評価の変遷 (power-point, in Japanese and Russian). // ACADEMIA. URL: https://www.academia.edu/19846948/On_Evaluation_of_Nikolai_A_Nevskys_Heritage_in_Russia_ロシアにおけるネフスキー評価の変遷_power-point_in_Japanese_and_Russian (дата обращения: 09.07.2017).

30. Икута Митико. Прерванный жизненный путь: Николай Александрович Невский (1892–1937) // История отечественного японоведения в портретах / ред.-сост. Н.Ф. Лещенко. М.: Восточная литература. 2016. С. 32–60.

31. Бакшеев, Евгений. Из наследия Невского (4): (публикация, вст. статья и комментарии на яп. языке). Н.А. Невский. Брак (на Мияко). С. 161–169. Роды (на Мияко). С. 159–161 // *Biblia*. 2016. №145.

Поступила в редакцию 06.09.2017

Автор:

Бакшеев Евгений Сергеевич, кандидат культурологии, консультант Нового института культурологии (Москва). E-mail: e.baksheev@yandex.ru

A Researcher Ahead of His Time: on the Occasion of the 125th Anniversary of Nikolai A. Nevsky's (1892-1937) Birth. New Findings, Publications, Research

E.S. Baksheev

The article has been prepared on the occasion of the 125th anniversary of the birth of Nikolai A. Nevsky (1892–1937), a Russian linguist, folklorist and ethnographer of genius who spent 14 years (1915-29) in Japan. It illustrates new findings, publications, and research on his life and legacy carried out in the last decade. For the first time Nevsky's archive in Tenri University Library, Japan is being considered in detail.

Keywords: Nikolai A. Nevsky, research heritage/academic legacy, Japanese Studies, Ryukyu/Okinawa, Nevsky's archive in Tenri University Library, renewal of the human resource.

Received 06.09.2017

Authors:

Baksheev Evgeny S., PhD (Cultural Studies), Consultant at the New Russian Institute for Cultural Studies (Moscow). E-mail: e.baksheev@yandex.ru

Патина памяти

Интервью с К.О. Саркисовым

24 октября 2017 г. исполнилось 75 лет российскому японоведу, автору и организатору крупных исследований по Японии Константину Оганесовичу Саркисову. С середины 60-х годов он работал в Институте востоковедения АН СССР, вместе с коллегами создал Ассоциацию японоведов и был её первым председателем. В качестве представителя ИВ АН СССР с 1979 по 1983 гг. работал в советском посольстве в Токио. Позднее долгие годы преподавал курс международных отношений в японских вузах. Его жизненный путь, насыщенный интересными событиями, открывается читателям нашего журнала. Мы попросили его коллег из Центра японских исследований ИВ РАН – руководителя центра Е.Л. Катасонову и с.н.с. Ю.Д. Денисова передать юбиляру наши поздравления и взять у него интервью.

Публикуем запись беседы с К.О. Саркисовым, а также предоставленные им редкие фотоматериалы.

– С каким настроением Вы встречаете свой юбилей? Дата солидная – некий порог, который не все переступают, особенно в нынешние времена.

– К нему я отношусь, вернее, пытаюсь относиться, философски. Юбилей, как правило, торжественные, радостные, шумные с выстрелами пробок шампанского. Мой – скорее, тихий немножко грустный. Но не печальный. Я стараюсь настроить себя на японское *саби* – эстетику светлой печали увядания. Патина (но не паутина!). Как на старых монетах. Она придаёт ощущение подлинности и непонятого очарования. Патина (в этом случае она уже больше смахивает на паутину) появляется и в голове – желтеют страницы памяти, и пока они не опали, нужно успеть прочитать, что на них ещё можно разглядеть.

Другой образ. 75 лет – три «четвертушки» большого «каравая», который зовётся жизнью. За исключением самого начала, она целиком была посвящена Японии. Пока время не начало поедать последнюю «четвертушку», хочется вспомнить о прошлом.

– Почему жизненным выбором стала Япония?

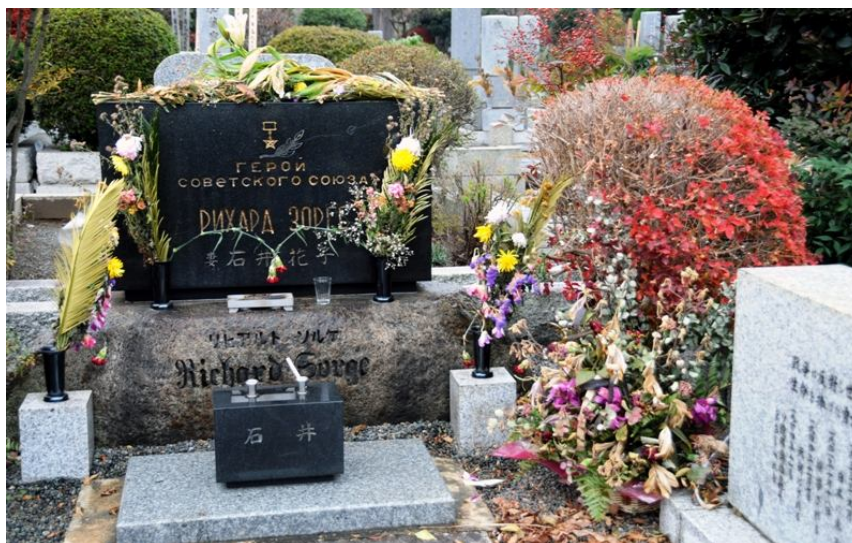
– Я родился в Ереване в 1942 г. Память сохранила образ тёмного неба, освещенного блуждающими по небу прожекторами. Но детство и отрочество, средняя школа – всё это в Баку. В атмосфере советского, но восточного города, в самом воздухе и орнаменте домов, в лицах и многоголосье уличного шума, присутствовал скорее Ближний, а не Дальний Восток. Рождение в этом городе Зорге, прославленного разведчика в японской столице, тоже не

могло повлиять. В ту пору о его существовании никто не догадывался. Причудливый барельеф «доктора Зорге» с глазами то ли волка, то ли орла, появился в столице Азербайджана только в 1981 г. Этот «шедевр» лауреата Ленинской и Сталинской премий Цигалья по какой-то причине сохранился после советской власти.

Памятник Зорге в Баку

Теперь я имею косвенное отношение к Зорге – живу в городе Коганэи, в 25 км от Токио в районе Тама, где на кладбище находится могила Героя Советского Союза. От меня до неё – 20 мин езды на велосипеде. Более 35 лет назад во время моей работы в советском посольстве здесь принимали в пионеры мою дочь. А сейчас, если удаётся, 7 ноября в день казни советского разведчика, когда деревья раскрашиваются в желто-красный цвет и кладбище становится особенно красивым, вместе с японскими учеными-энтузиастами я посещаю эту могилу.

В 31 км от географического центра Токио – моста Нихонбаси – могила Зорге и его японской жены Исии Ханako на кладбище «Тама-рэйэн»

Выбор Японии как профессии был случайностью, или, вернее, данью моде. Я учился на первом курсе филологического факультета ЛГУ на кафедре немецкого языка, хотя подавал на факультет журналистики, куда я не попал – нужно было иметь два года практической работы.

Говорят, есть путеводная звезда или рок, она же судьба, что ведёт человека по жизни. На самом деле всё проще. В одном здании с филфаком располагался восточный факультет. Общими порой были и аудитории и компании. В одной из таких компаний меня убедили друзья из востфака расстаться с немецким – великим, но не очень перспективным с точки зрения карьеры в будущем.

Переход из одного факультета на другой измерялся 10–15 метрами – расстоянием от одного деканата до другого, где нужно было, немного постояв, подать заявление о своём желании перевестись. Это не возбранялось, но было условие – перейти можно было на тот же курс, в моём случае – на второй. Бесплатное обучение предполагало, что я не мог злоупотребить народными деньгами, продлив своё обучение на один год, что случилось, если бы я пошёл на первый курс.

Оставался выбор языка. За отсутствием «голубой мечты» по поводу определенного языка, хотелось выбрать что-то экзотическое и перспективное. Страсть к экзотике проявилась ещё в школе, где среди тридцати девчонок я, единственный парень, осваивал стенографию, что значительно позднее помогло в научной работе – быстро переписывать архивные документы, копии с которых нельзя было снимать.

(Handwritten text in Cyrillic script, likely a transcription of an archival document. The text is dense and difficult to read due to cursive handwriting and some illegible characters.)

Одна из многих сотен страниц моих копий архивных документов

Наиболее популярными из экзотичных тогда языков были суахили и японский. Это странное, особенно сейчас, сочетание отражало политические реалии тех лет: Африка, пробуждающаяся после колониализма, и Япония, поднимавшаяся с колен после жестокого поражения войне.

– **Что было самым трудным в освоении японского языка?**

– Конечно же, иероглифика. Казалось, что запомнить иероглифы невозможно. Со временем чувство отчаяния (я должен был догнать сокурсников) исчезло. Во-первых, я понял, что есть логика в каждом написании: ключи и фонетики. Есть и эстетика самого иероглифического написания. Я несколько лет назад попал на выставку картин, где иероглифы были расписаны вольной рукой и фантазией художника.

Иероглифы «бун-кику» и «хо-минэ»

Мне очень помогли преподаватели японской кафедры. Со мной дополнительно и, конечно, безвозмездно занималась заведующая кафедрой – Евгения Михайловна Пинус. Обаятельный, в высшей степени интеллигентный человек, с лицом, как ни странно, героинь японских гравюр. Она свою жизнь посвятила переводу Кодзики – древнейшего памятника японской культуры. Такими же в высшей степени интеллигентными и доброжелательными были остальные преподаватели кафедры. Мне особенно запомнился Андрей Андреевич Бабинцев. Он читал грамматику японского, трепетно перелистывая страницы своей тонкой тетрадки, листы которой были в большей части оторваны.

– **Чем запомнились годы учебы?**

– Пять лет погужения в пласты японоведения и прежде всего языка. Нас было четверо на курсе в японской группе, потом осталось двое – я и мой близкий друг Боря Пищик. В Японии в 70-е годы он был корреспондентом «Нового времени». Лекции профессоров перемежались с весёлой и безалаберной студенческой жизнью на скудную стипендию и деньги, которые присылала моя мама из своей не менее скудной пенсии, и питание на полтора рубля в день в университетской «Академичке», и разбросанных по городу «Сосисочных», где крохотный салатик «Оливье» с толстой сарделькой были доступны и казались пиршеством.

Сейчас я понимаю, каким великим было счастье учиться в Питере. Из окна факультетской библиотеки через Неву – «Медный всадник» и купол Адмиралтейства. Нас учил и воспитывал сам город, его красота, величие и гармония форм. Помню первые пробы на

поприще переводчика с японскими туристами и делегациями, практику в «Интуристе». Мы все, переводчики с разными языками, сидели в одной общей комнате, и как-то меня позвали к общему телефону, чтобы я переговорил с японцем. Все, затаив дыхание, ждали как прозвучит это редкий для слуха язык. Помню грохот смеха, когда я произнёс «моси-моси».

Была практика на Камчатке на судах советской рыбоохраны по контролю за ловлей японцами лососевых в «конвенционных водах». По несколько суток невыносимая килевая качка, о которой ещё писал Гончаров во «Фрегате Паллада». Отвращение к красной икре, которую можно кушать ложками. Несколько дней отдыха в Петропавловске-Камчатском среди сопок и убогих домов, и снова выход в море – острова Беринга и Медный. Температура воды в разгар лета – около 4 градусов – если упадёшь и не утонешь, то замерзнешь. Как нечто невероятное для себя теперь, вспоминаю свои отважные прыжки на волне с борта одного СРТ [средний рыболовный траулер] на другой.

Однажды инспектора и меня взяли на борт военного эсминца, который мы, ни капельки не смущаясь, выдавали перепуганным до смерти японским рыбакам за судно рыбоохраны. Жили мы вместе с офицерами корабля, питались вместе с ними в кают-компании. Там стоял рояль, и некоторые из офицеров музицировали. Меня это поражало, и на ум приходила мысль, что традиции русского флота были настолько сильны, что умудрились сохраниться и в советское время.

– После столь интересной практической работы, тем не менее, потянуло в науку, в аспирантуру Института востоковедения Академии наук?

– Переезд из Ленинграда в Москву был своеобразным прыжком с одного борта на другой. Но здесь не было большого риска. Я вспоминаю Игоря Александровича Латышева. В ту пору энергичный, прогрессивный и активный, он приехал в Питер в поисках аспирантов. Выбор темы моей диссертации принадлежал ему. Он как-то пришёл после встречи с директором Института – академиком Бободжаняном Гафуровичем Гафуровым. Это была по-своему легендарная личность. Продукт эпохи, номенклатурный учёный, он был мягким, мудрым человеком и даже прогрессивным. Ещё будучи первым секретарем Таджикистана, он установил хорошие отношения с Суловым и был недосягаемым для укусов со стороны партийных ортодоксов среднего калибра. Помню, как он защитил молодого доктора наук – ныне академика Нодара Симония – от одного из таких со Старой площади.

Моя кандидатская была о Японии и ООН. Латышев был чрезвычайно занятым человеком – секретарь парткома Института, командировки по линии «Правды» в Японии. Я пользовался тем, что был предоставлен сам себе. Тянул с окончанием работы. Закончился срок аспирантуры, меня приняли в штат Института на должность м.н.с. с зарплатой в 70 с чем-то рублей. Моя жена, с которой я прожил более 50 лет, никогда не роптала. Как выбор специальности, так и жены – главные удачи моей жизни.

Выручали переводы, устные и письменные. Потом дар Небес – поездка почти на год на Всемирную выставку Экспо-70. После токийской Всемирной Олимпиады 1964 г. это было второе по счёту самоутверждение страны, и уверенное движение к титулу «второй экономической державы».

Тогда начинался бум японской радиоэлектроники. Сколько потребительского счастья и материального благополучия дарили радиоприемники, магнитолы, комбайны «Тосиба»,

«Хитати», «Сони», «Панасоник» и др. Теперь, когда их место заняли Самсунг, LG, китайские Lenovo и Huawei, утешаешься мыслью о технологической «пирамиде» – японцы просто ушли вверх, оставив нижние этажи своим соседям.

– **Что же стало с диссертацией?**

– Я защитил её в 1974 г., а в следующем году вышла моя первая книга «Япония и ООН». Но прошло ещё немного времени. Гафуров умер, династийного наследника не было, и новым директором стал Евгений Максимович Примаков. Как чрезвычайно умный и в то же время деликатный человек, который, впрочем, при необходимости мог быть и жёстким, он не трогал первое время традиции прежних времён. Более того, при нём, при его огромной энергии и пробивной силе, наконец, увидел свет Большой русско-китайский словарь. Но сохраняя фундаментальные проблемы востоковедения, он их начал разворачивать в сторону современности и актуальности.

– **Одним из его начинаний было учреждение в советских посольствах за рубежом постов представителей Института востоковедения?**

– По постановлению ЦК КПСС, если мне не изменяет память, они должны были быть учреждены в семи странах. На Ближнем Востоке, в Индии. Я был первым, кого в 1979 г. послали в Японию. После меня были Юра Кунадзе и Андрей Кравцевич. В посольстве, где я работал в ранге первого секретаря, меня сразу нагрузили работой по культурным связям. Это было после предательства журналиста Стаса Левченко, как раз за месяц до моего приезда. Стаса я хорошо знал – он был в аспирантуре у Латышева.

– **Культура – это близко к науке, и Вам было, наверное, вполне комфортно?**

– Более чем. У меня было достаточно времени писать аналитические записки для Института, принимать командированных учёных, не только из ИВ АН, добывать бесплатно и частично за свои деньги литературу по экономике и политике Японии и посылать диппочтой в Институт. Одно из достижений – соглашение о безвалютном обмене с Университетом Кэйо. В старинном здании административного корпуса университета из красного кирпича в духе европейских замков Евгений Максимович Примаков и ректор университета Исикава Тадао, известный японский китаист, поставили свои подписи под этим документом.

Посольство, куда я попал, возглавлял Дмитрий Степанович Полянский, добрый и деликатный человек из высшей партийной номенклатуры добрежневского периода. Его любимым занятием были воспоминания о прошлом. Он охотно встречался со всеми, кого бы я к нему ни приводил. Его любимая история – как Хрущёв в своё время из-за того, что Полянский, якобы, выступал против разделения на сельские и промышленные обкомы партии, назвал его «турком рязанским». В посольстве ходил анекдот, как в небольшом садике рядом с резиденцией посла, его, нового человека, враждебно встретила обитавшая на одном из деревьев ворона. Она норовила сесть ему на голову и больно клюнуть. Нужно знать японских ворон – они чуть крупнее наших, с острым загнутым клювом и иссиня-чёрные. Посол интересовался у спецслужб, представленных в посольстве, не провокация ли это японской полиции. Его успокоили, как могли, мол, у ворон сильно чувство собственной территории, которую они защищают от чужаков.

Работа в посольстве заканчивалась осенью 1983 г. В моей командировке мне «повезло»: я приехал после скандала с бегством Левченко, а уезжал после инцидента с южнокорейским

самолетом, в котором погибло около 40 японцев. Атмосфера вокруг посольства была тяжёлой. Именно в это время в Токио на Всемирную конференцию востоковедов приехала наша делегация во главе с Георгием Фёдоровичем Кимом.

Японское востоковедение неофициально «опекал» младший брат императора принц Микаса (Такахито). Четвёртый сын императора Тайсё был не только самым младшим, но его отделяли от старшего брата, императора Хирохито, целые 15 лет. Принц Микаса скончался в 2016 г. в возрасте 101 года. От своих братьев он отличался демократичностью и свободой взглядов – в предвоенные годы выступал с резкими замечаниями в адрес военных, их жестокостей в Китае. После войны вёл себя как простолюдин – ездил в городском транспорте, дружил с неименитыми людьми. Один из них – мой старый друг и коллега, профессор университета Окаяма видный японский русист Ясуда Коити. Они учились вместе, в послевоенном Токио ходили по «идзакая» – японским закусочным. По просьбе Ясуда принц принимал советских востоковедов – Георгия Кима и ещё несколько человек. В посольстве по этому случаю мне выделили гостевой «Мерседес», на котором не без труда и волнений я привёз делегацию в резиденцию принца в районе Аояма.

Я сохранил эту уникальную связь с принцем. Его гостем был и Примаков, в более поздние годы – Ростислав Борисович Рыбаков. В ответ на подарок принца – японские книги по востоковедению, наш Институт преподнес ему коллекцию книг своих учёных с авторскими подписями.

С принцем Микаса во время передачи списка книг

– Как после Японии Вас встретили Ваши коллеги в Москве?

– Я вернулся в Институт востоковедения АН, но не в Отдел Японии, а в подразделение, которое занималось международными отношениями. Примаков хотел, чтобы я расширил

кругозор и ушёл от чисто японской тематики. Это был полезный опыт – взгляд на Японию как часть региона и глобального мира. Но скоро ушёл сам Примаков (в ИМЭМО), Латышев уехал в очередной раз в Японию, и Георгий Фёдорович Ким, одна из светлых личностей на моём жизненном пути, перевёл меня в Отдел Японии.

Отношения с Примаковым сохранились. Как-то Примаков в кабинете у врио директора ИВ АН Георгия Федоровича Кима пригласил меня на беседу. Он предлагал перейти в ИМЭМО. Я согласился и даже уже прошёл партком этого института. Его возглавлял Сережа Благоволин, известный и как специалист по военно-стратегическим вопросам, и как один из мужей Виктории Фёдоровой, дочери американского адмирала Тейта и советской актрисы Зои Фёдоровой.

В последний момент я передумал и не пошёл в ИМЭМО. Туда пришёл после возвращения из Японии Юра Кунадзе. Примаков простил мое «вероломство», и я сохранил с ним близкие отношения. Несколько раз я сопровождал его в поездках в Японию, а в нулевые годы, когда я уехал в Японию на многие годы, сопровождал его в поездках по стране уже в качестве председателя Торгово-Промышленной Палаты. Несмотря на новую должность, не имевшую отношения к политике, его всегда принимали на высшем уровне.

С японским премьер-министром Коидзуми

С Евгением Максимовичем мы побывали в Кагосиме, в храме моего близкого знакомого Икэгути Экан, Великого Мастера эзотерического буддизма школы *Сингон Миккё*.

Пламя горящих «священных дощечек» в буддийском храме

Неподалеку от Кагосимы в курортном местечке Ибусуки, известном своими «песочными ваннами» (вас «закапывают» в горячем песке с лечебными свойствами), мне «по секрету» показали альбом с фото Ельцина, его жены и дочери во время частного визита уже давно в отставке российского президента.

Японский онсэн. Экс-президент и его жена в юката, японки в кимоно

По своему опыту негласных контактов в решении ближневосточного кризиса, Примаков пытался найти влиятельных людей в Японии, с которыми можно было без «слива» в прессу обсуждать территориальную проблему – найти компромиссное решение, приемлемое для обеих сторон. Но каждый раз его ждало разочарование. «С твоими японцами нельзя говорить откровенно», – выговаривал он мне.

У Евгения Максимовича была невероятная аура, энергетика экстрасенса. Как-то в кабинете на 7-м этаже белого одиннадцатизэтажного здания советского посольства в токийском районе Адзабу в нескольких сотнях метров от Токийской телевизионной вышки его принимал посол Петр Абраимов. Встретивший вначале сухо, по-чиновничьи, он потом чуть ли не обнимал Примакова и крепко жал ему руку у самого порога своего кабинета. По ходатайству профессора Симотомай (Университет Хосэй), партнёр ИВ РАН присудил ему звание почётного доктора наук.

Вручение диплома. Посол России
в Японии Панов переводит текст документа

Аура помогала наладить контакт и с идейными, и с политическими противниками. Были тесными отношения с одним из японских *куромаку* (влиятельный человек, держащийся в тени) японской политики – Суэцугу Итиро. Они возникли ещё в период, когда Примаков был заместителем у Иноземцева, начинавшего по заданию ЦК советско-японский диалог по «второй дорожке».

Выпускник знаменитой школы военной разведки («Накано гакко») Суэцугу как-то подарил мне тонкую тетрадку зарисовок в Москве, в том числе детально выписанных стен

Московского Кремля. В школе тренировали их зрение, которое заменяло фотоаппарат. Не раз доводилось переводить беседы один на один Примакова и Суэцугу по островам. Суэцугу говорил то спокойно, то взрывался, но «Максимыч» оставался невозмутимым и всё заканчивалось мирно. Бывший военный разведчик был откровенным, деловым и верным своему слову. Кстати, Суэцугу опекал и приехавшего как-то в Японию Геннадия Зюганова и через друзей организовал и финансировал издание в Японии книги лидера российских коммунистов. По ходатайству Примакова Суэцугу – одного из организаторов движения в Японии «За возвращение Северных Территорий» – наградили орденом Дружбы Народов. В этом был Примаков: дать понять японцам – проблему нельзя решать с позиций врагов, бывших или настоящих, её решать можно только с позиции «дружбы», нынешней и будущей.

Награду Суэцугу вручали в российском посольстве в знаменитом зале на втором этаже с хрустальными люстрами и огромным серебристым панно филигранной чеканки с изображением Москвы работы Зураба Церетели. Суэцугу благодарил, но потом говорил окружающим, что предпочел бы получить вместо ордена «острова». В один из приездов в Японию, узнав от меня о смерти Суэцугу, Примаков в первый же день утром поехал на кладбище. В присутствии вдовы он принял участие в ритуале омовения могильного камня на кладбище в районе университета Васэда.

Омовение родниковой водой могильной плиты

– Что было с Институтом востоковедения после ухода Примакова?

– Георгия Кима, как говорили, из-за его национальной принадлежности так и не поставили во главе Института, как, впрочем, до этого не сделали академиком. Кадровые вопросы решались не в Академии, а в ЦК. Но его национальность пригодилась в другом. В 1989 г. с Кимом и с его замом по международным делам Колей Васильевым мы должны были из Токио инкогнито лететь в Сеул на встречу с президентом Южной Кореи Ро Дэ У. Решение принималось на самом верху. На Старой площади в маленьком кабинете Георгия Шахназарова, заместителя заведующего Международным отделом, мы втроём проходили

собеседование. При нас Шахназаров по «вертушке» звонил Владимиру Крючкову по соседству на площадь Дзержинского. Говорил на «ты» – когда-то они работали вместе в команде у Андропова. Крючков поддержал идею установления отношений с Сеулом вопреки старой концепции «перекрестного признания» Вашингтоном и Токио – Пхеньяна, Москвой и Пекином – Сеула.

На глазах реализовывалась горбачевская дипломатия «нового политического мышления». Но отношения с Северной Кореей пока не менялись, и наш визит был засекречен. В Токио втроём мы жили в Международном Доме Японии на Роппонги, ставшем для японоведов нашего Института и для многих других «отчим домом» с его маленьким, но роскошным в японском стиле садиком и неизменной в разных видах яичницей на завтрак в столовой.

Всё шло идеально, но внезапно занемог Ким. С помощью наших старых и верных друзей из японской компании «Искра» сделали обследование и обнаружили тяжёлое заболевание. Ему пришлось возвращаться. Но он уговорил нас с Колей продолжить путь в Сеул без него. Ставки были велики, и он не хотел, чтобы его болезнь стала помехой.

Как только было принято решение в Москве, мы перебрались в Отель Окура, и я сразу почувствовал негласную опеку сотрудников южнокорейского посольства – нечто незримое и обволакивающее в духе рассказа Жванецкого о личной встрече с Путиным в театре своего друга Александра Калягина.

Сеулу был важен этот визит и нас оберегали от возможных акций со стороны северокаорейской агентуры. Но мы этого не боялись. Может быть потому, что до этого у нас были хорошие отношения с местной северокаорейской диаспорой. В прежние годы вместе с Георгием Федоровичем несколько раз посещали Всеобщую Ассоциацию корейцев в Японии «Тёсэн Сорэн» – массивное многоэтажное здание в самом центре японской столицы в двух шагах от университета Хосэй.

Накрытый изысками корейской кухни стол в огромном зале под портретами во всю стену Ким Ир Сена и хозяин этого стола – председатель Ассоциации Хан Док Су. Только его охране на приёмах в советском посольстве позволялось иметь при себе огнестрельное оружие. Когда бываю в Токио, нахожу в почтовом ящике конверты со штампом Ассоциации с приглашением на мероприятия. Стараюсь не упускать возможность побывать в этой полуофициальной миссии КНДР в Японии. Её нынешний председатель – вполне разумный человек. В компании с общими знакомыми японцами с ним интересно беседовать.

На следующий год после неудачной попытки Ким всё же приехал в Сеул и там встречался с Ро Дэ У. Все это уже было при новом директоре Института Михаиле Степановиче Капице. Большого роста, с импозантной осанкой дипломата высокого ранга он был яркой фигурой. Ему не были чужды основные слабости настоящего мужчины. К тому же он слыл «вольнодумцем» – позволял себе в разговорах отходить от «линии партии». После его лекций и выступлений в обкомах в ЦК сыпались письма и доносы «ортодоксов». Он был антиподом своему непосредственному начальнику Громыко. Но тот его жаловал и покрывал – нечто из экзистенциальной психологии.

В Институте Капице было скучно, но с нами, японоведами, он дружил. С ним нередко мы ездили в Японию, где работали многие из его бывших подчинённых. Он не был

«закоренелым» в отношении самого главного вопроса в двусторонних отношениях – территориального.

Этот вопрос внезапно стал актуальным. Готовился визит Горбачева в Японию. С подачи моего доброго друга Васи Саплина меня включили в состав подготовительной группы в Международном отделе ЦК. В кресле почти бессменного главы этого почтенного заведения Бориса Пономарева теперь сидел Валентин Фалин. Но работу с нами вёл его заместитель Карен Брутенц. Аналогичная группа была создана в МИД, где главную скрипку играл мой друг Саша Панов, сделавший больше, чем кто-либо, чтобы найти компромисс, приемлемый с учётом реалий для обеих сторон. Не стовариваясь, в ЦК и МИД пришли к выводу, что единственным реальным вариантом является подход к проблеме с международно-правовой позиции. Исходной позицией должны служить договоры, под которыми стоят подписи стран и ратифицированные Верховным Советом СССР и японским парламентом: для Японии – Сан-Францисский мирный договор 1951 г. и Совместная советско-японская декларация 1956 г., для Советского Союза – Декларация 1956 г. По этому документу передача Японии двух островов после подписания мирного договора – обязанность для СССР. Нынешние попытки ослабить этот непреложный факт утверждениями, что ничего не сказано об условиях передачи – от лукавого. Раз не сказано, значит никаких принципиальных условий нет и не может быть. Точно так же японцы лукавят относительно своего отказа от Курильских островов, мол, «четыре» в них не входят, в то время, как Кунашир и Итуруп входят. Если бы они не входили, это должно было быть зафиксировано в тексте. Раз не сказано, значит отказ был от всех. Это закон договора. На эту тему можно было бы говорить ещё много. В 2015 г. вышла российско-японская коллективная монография «Российско-японские отношения в формате параллельной истории». Там об этом подробно написано.

– Как пытался решить этот вопрос Горбачёв? Вы ведь ездили с ним?

– Меня включили в состав делегации сопровождения – в ней были деятели науки, культуры, видные журналисты. В Токио принимающая сторона предоставила нам автомобили – один на двоих. Я попал в компанию Галины Волчек. Мне транспорт был не нужен, и она распоряжалась им одна.

Горбачёв не пошёл на признание обязательства вернуть «два острова». Его популярность и влияние на политическую ситуацию были мизерными. Но он признал существование проблемы японских претензий на «четыре острова», назвав их по именам, согласился, что решение этого вопроса является условием заключением мирного договора. В другой форме уже через год в 1993 г. в Токийской декларации то же самое сделал Ельцин.

Визит был в апреле 1991 г., а через несколько месяцев случился ГКЧП, который возглавил Янаев. Он, кстати, возглавлял и общую комиссию по подготовке визита Горбачёва в Японию. Я его помнил ещё по Комитету молодёжных организаций. Нормальный, взвешенный, простой без фанаберии, на заседаниях он больше молчал.

Через год, когда власть в стране поменялась, и президентом стал Ельцин, во второй половине апреля я снова ездил с Горбачёвым в Японию. На этот раз это был простой гражданин своей страны. Нас было всего десять человек. В команду входил и главный научный сотрудник нашего Института Алексей Кива, тогда и сейчас видный политолог. По

вечерам в многокомнатном номере Горбачевых в отеле «Тэйкоку» мы собирались на обсуждение прошедшего и предстоящего. Пили чай с виски. Ухаживала за нами Раиса Максимовна, в разговоры не вмешивалась. Она производила очень хорошее впечатление в резком контрасте с тем, о чем говорили в обществе.

Везде, где ни появлялся бывший советский президент, сбегались люди – популярность «Горби» была огромной. На этом фоне казался диким и по сути варварским «бойкот» его со стороны российского посольства. Из МИД России пришла «указилровка» с ним не встречаться и не принимать. В той же гостинице «Тэйкоку» в это время проходила презентация фильма «Сны о России» по роману Иноуэ Ясуси о скитаниях по России японцев, занесённых морским течением на Алеуты и вынужденных добираться до Петербурга, чтобы получить разрешение на возвращение домой. Из блистательного состава актеров, снимавшихся в этом кино – Юрий и Виталий Соломины (граф Безбородко и Шелехов), Евгений Евстигнеев (придворный садовник) – на презентации я видел Марину Влади (Екатерина II) и Олега Янковского (Кирилл Лаксман). Они узнали, что в гостинице остановился Горбачёв, и прислали депутацию с просьбой принять участие в банкете. Горбачёв согласился и только здесь какой-то дипломат из нашего посольства осмелился подойти к бывшему президенту.

Японское правительство и МИД, которых новая власть в Москве тоже просила не встречаться с Горбачевым, выполнило это требование лишь наполовину. Вице-премьер и министр иностранных дел Ватанабэ устроил обед в честь делегации, но премьер Миядзава Киити не присутствовал на встрече. Японцев можно было понять. Начало 1992 г. – только договорились о визите Ельцина в Токио. В январе этого года Ватанабэ Митио приезжал в Москву. Он должен был встретиться с президентом новой России, но в последний момент встреча была отменена. Токио нервничал – не знал, что ожидать от «непредсказуемого» политика.

– Новая постгорбачёвская эпоха. Создание Центра японских исследований – было ли это велением времени?

– Тогда всё менялось. Это сладкое слово «свобода»! Не было контроля со стороны «инстанций». Мы и руководство Института могли делать то, что считали нужным. Возникла идея создания Центра японских исследований на базе отдела. Меня сделали руководителем Центра аж на правах замдиректора. Зарплаты, славы и авторитета от этого не прибавилось. Но мы старались. Монография «Японский феномен» – один из примеров попытки заглянуть чуть-чуть в глубину, не скатываясь в апологетику.

В нынешнем году с помощью Ирины Лебедевой, моей боевой подруги все те годы, а также Димы Стрельцова и Саши Мещерякова должен выйти обновленный вариант. Сейчас стало, как кажется, легче с изданиями наших книг и вообще с работой Ассоциации японоведов – она получает щедрую помощь и финансирование со стороны Международного Фонда Шодиева. Главу Фонда Фаттах я помню по первой командировке в Японию по линии Института. Он работал в Торгпредстве. Уже тогда выделялся своим безукоризненным японским. У нас с ним было много общих друзей. Несмотря на рост до весьма крупной величины в международном бизнесе, Фаттах до сих пор сохраняет с ними самые тесные товарищеские отношения.

Финансовую помощь в «лихие 90-е» нам оказывала упоминавшаяся «Искра». С её помощью родилось регулярное издание брошюр «Японский опыт для российских реформ». С теплотой вспоминаю всех своих коллег того славного времени. С благодарностью думаю о Владимире Николаевиче Ерёмине. Он меня вдохновлял на многие хорошие дела. Мы с ним занимались созданием Ассоциации японоведов, которая теперь выросла, стала авторитетной и очень активной.

В 1996 г. я уехал в Японию на два года преподавать в университете Хосэй. Но я не вернулся и остался в Японии на 16 лет. Впрочем, и до сих пор я там провожу многие месяцы в году. После моего отъезда «на хозяйстве» остался Андрей Кравцевич, но вскоре и он уехал по тому же адресу.

– **«Рыба ищет где глубже...»?**

– Да, это так. В Центре, который я покинул, меня не осуждали, по крайней мере в глаза, – время было такое, но комментировать свой поступок как-то не хочется. Нечего сказать. В самые трудные годы Центр сохранялся благодаря мужественной «борьбе» женского коллектива за выживание: Эльгены Молодяковой, Седы Маркарьян, Ирины Лебедевой, Мае Герасимовой и Лене Катасоновой, которая теперь его возглавляет.

Лена предложила мне вернуться в лоно Отдела. Когда-то я ее принимал в Отдел, где она обрела свою нишу – историю японских военнопленных в лагерях после Второй мировой войны. Помню встречу с её японским партнёром – милым старичком, председателем Ассоциации бывших военнопленных. Но потом она стала заниматься культурой и писать большие хорошие книжки. Все защитились и стали докторами наук. Я так и остался кандидатом.

Была тоненькая прослойка мужчин, и один из них – мой старый товарищ и «просветитель» по новостям музыки, кино, книг и событий в мире – Юрий Денисов, авторитет в области научно-технического развития Японии. Он знает, почему японские «Сони» и «Панасоники» заменили «Самсунги» и «Леново».

– **Вы провели много лет в Японии. Помимо материального благополучия, принесли ли они Вам что-то полезное как японоведу?**

– Несомненно. Я читал лекции на японском языке в университете Хосэй, затем в таких престижных вузах как «Хитоцубаси» и «Кэйо». Потом я стал штатным профессором провинциального университета «Яманаси Гакуин». В последнем, перед уходом на пенсию, мне присвоили звание «почётного профессора». Это лестно – обычно «почётными» делают не всех и только при наличии 20 лет работы. Я там проработал всего половину этого срока.

Но это были насыщенные годы. Профессионально я подрос заметно. Лекции писал сам и на японском языке по обширной тематике «Япония и Азиатско-тихоокеанский регион». Это были отношения Японии с Китаем, Россией, США, Европой, ЮВА. Отдельной темой была Индия. Готовясь к ней, я обнаружил, что неподалеку от моего жилья на станции Коэндзи на территории буддийского храма находится могила одного из героев антибританского сопротивления и движения за независимость Субхаса Чандра Боса. Когда-то клейменый как коллаборационист в современной Индии, особенно бенгальцами, он почитается наряду с Ганди и Неру.

Памятник Босу на территории храма Рэнкодзи (Школа Нитирэн) в Коэндзи. Снимок автора

В рамках практических лекций со студентами посещал храмы буддийские и синтоистские, в том числе храм Ясукуни и Музей «Юсюкан» на его территории. Предлагал студентам самим определить, насколько деформирована милитаристской пропагандой представленная в ней история.

Со студентами у храма Ясукуни

Особенно запоминались студентам посещения православного храма Вознесения (Николай-до) в районе Отяномидзу. У меня были хорошие отношения с русскими служителями храма. Последний из них – отец Герасим. Замечательный, отзывчивый, он принимал нас прямо в храме, проводя прямо к алтарю, рассказывал моим студентам об истории православия в Японии.

Студенты и отец Герасим на ступеньках Собора Воскресения Христова в Токио

Бывал со студентами и в католическом храме – Кафедральном соборе Пресвятой Девы Марии. Шедевр Тангэ поражает простотой изогнутых бетонных сводов и торжественностью пространства, наполненного светом и воздухом. Храм выполнен в виде креста и вступающего в его пределы встречает на полу огромный световой крест излучаемый через высокие витражи.

Внутри Кафедрального собора Пресвятой Девы Марии в Токио

В составе японских делегаций ездил на Тайвань и в Южную Корею. Одна поездка в Сеул запомнилась встречей с премьер-министром Корейской Республики. Это был 1999 г. Президентом впервые после многих годов борьбы с авторитарными военными режимами стал один из лидеров демократической оппозиции Ким Дэ Чжун. Тот, которого в августе 1973 г. южнокорейская разведка среди бела дня похитила из токийского отеля и увезла в Сеул. При диктаторе Пак Чон Хи премьер-министром в тот период был Ким Джон Пхиль. Сейчас, спустя 25 лет, в том же качестве он принимал нас в своей официальной резиденции. Ким Дэ Чжун не только его простил, но даже назначил премьер-министром. Эта политическая толерантность была поразительной.

В резиденции главы южнокорейского правительства Ким Джон Пхилья

Было много поездок по Японии. Встречался с людьми, имевшими отношения с недавней и прошлой историей. Дочь Годзэ Хидэки, повешенного по решению Токийского трибунала, рассказывала об отце. Дэви Сукарно, японка Нэмото Наоко, в 1962 г. вышедшая замуж за индонезийского президента Сукарно и вошедшая в его гарем, убеждала, что это ЦРУ устроило события, в результате которых её супруг был отстранён от власти и все кончилось истреблением миллионов людей.

Дэви Сукарно на одном из приемов в Токио

В 2000 г. с друзьями и коллегами по университету в Яманаси летел на Окинаву. С правого борта самолета появилась Фудзи. Её красота была поразительной.

Вид Фудзи с правого борта самолёта по пути на Окинаву

В Наха (столица преф. Окинава) меня попросили выступить с лекцией о Николае Невском, замечательном лингвисте и филологе, авторе исследований по языку острова Мияко. Не моя область, но я подготовился и не без труда «вошёл в тему». Теперь уже как «специалист» по Невскому из Наха я полетел на остров Мияко, в чуть менее 300 км к юго-западу. Здесь, зная о Невском, местное население принимало нас как родных. На приёме, устроенном мэром столицы острова – Хирара (сейчас все мелкие городки объединены и столица стала называться «Мияко»), я рассказывал ему о Петербурге. Речь зашла о Невском проспекте. Пришлось объяснять, что это от названия реки, и тут как-то естественно на ум пришла идея предложить мэру назвать одну из улиц именем Невского, первого из европейцев изучившим диалект острова Мияко: «У вас будет свой Невский проспект». Фраза, сказанная полушутя, мэру пришлась по душе. Мы стали поддерживать тесный контакт. Туристами жители острова приезжали в Петербург, и в его пригороде мы навещали общую могилу расстрелянных в годы сталинского террора, жертвой которого стал учёный и его жена-японка. Трогательно выглядело импровизированное пение и танцы острова Мияко на площади у могил. «Невскому-сэнсэю, наверное, было приятно услышать слова и напевы народа Мияко, где он провел так много времени», – объясняли они. Спустя два года в марте 2002 г. с дочерью Невского Еленой Николаевной, правнучкой Яной (спустя несколько лет её и младшую сестру Женю мой университет в Яманаси пригласил на учёбу в течение двух лет, взяв на себя проезд и выплачивая стипендию) и директором Ленинградского отделения Института востоковедения Евгением Ивановичем Кычановым, принимал участие в открытии «улицы Невского», который венчал обелиск в благодарность от жителей Мияко.

Вместе с дочерью Невского Еленой Николаевной
у обелиска Невскому на Мияко

С Невским связана и моя поездка через десять лет на Тайвань в горы к аборигенам. В 2012 г. я полгода преподавал в Тайваньском Политическом университете. Зная меня по старым добрым временам проф. Осацкого университета г-жа Икута предложила вместе совершить путешествие в горы Алишань к племени цоу, чтобы повидаться с потомками того, кто летом далекого 1927 г. в течение месяца принимал Невского, вводя его в тонкости языка своего племени. В тот период этот район был небезопасным и для японцев. Из 4 с четвертью миллионов населения острова «дикарей», как называли аборигенов, было около 140 тысяч. По статистике, с 1910 по 1927 г. от их рук погибло около 7 тыс. японцев и местных жителей китайского происхождения.

Чтобы «цивилизовать» коренное население, японцы делали то, что китайцы, владевшие издавна островом, не делали никогда. Как в этом маленьком селении строили школы, прививали основы современного образа жизни тем, кто слыл тогда «людоедами». «Мои предки людей не ели, они охотились за головами, а черепа вешали на изгородь», – говорил нам г-н Гао, сын того, кто общался с Невским, и показывал на это место. Вместе с сестрой он напевал русские песни и говорил о том, что нежное чувство к России им передалось от отца, которого научил его русский друг. Ирония была в том, что старшего Гао постигла та же судьба, что и Невского. Но это было уже после войны: его расстреляли власти при режиме Чан Кайши.

Брат и сестра Гао из племени цоу в горах Алишань

Гао-старший держит речь, слева на стуле невестка Чан Кайши, жена его сына Фаина Ипатьевна Вахрева (Цзян Фанлян)

В 2004 г. исполнилось сто лет с начала русско-японской войны. Столетие – это хороший повод вернуться к прошлому. В этот год и на следующий мы провели две международные конференции. Первая, в Петербурге, собрала учёных в Центральном Морском музее на стрелке Васильевского. На следующий день – в кают-компании самой «Авроры». Здесь, на корабле-музее, состоялась встреча правнуков двух адмиралов – Зиновия Рожественского и Того Хэйхатиро. С правнучкой Того по линии его старшего сына Хосака Мунэко я познакомился ещё в Токио, когда вместе с коллегами готовил мероприятие. С её мужем и ею мы подружились. В Питере через журналистов стало известно о правнуке русского адмирала – Зиновии Дмитриевиче Спечинском. От него я получил бесценные документы – 33 письма, написанных адмиралом во время похода к Цусиме. С их помощью родилась книга, изданная вначале на японском, а в 2010 г. на русском: «Путь к Цусиме» (Издательство «Аврора»).

В Никольском соборе Петербурга правнучка адмирала Того молится о памяти русских моряков с крейсера «Петропавловск»

Через год мы с Зиновием летали из Фукуока на Цусиму. Маленький аэродром на острове отказал в посадке из-за погоды. Самолёт вернулся в аэропорт. Пришлось плыть на пароме всю ночь. Помню черную воду за бортом как раз в том месте, где гибли корабли. Это было ровно через 101 год в ночь 27-го на 28-е мая 2006 г. На следующий год – снова приглашение. Мы отправилась в Сасэбо, где в военном госпитале после ранения лежал русский адмирал. Здесь состоялась встреча с другим правнуком адмирала, но уже по линии второго сына японского адмирала. Зовут его Того Хиросигэ, он офицер военно-морских сил Японии.

На прогулке по Сасэбо с правнуками Рожественского и Того

В 2010 г. я приехал в Москву и стал руководителем Центра стран Северо-Восточной Азии в Дипакадемии.

Вместе с ректором Дипломатической Академии
Александром Пановым в моём кабинете

Уютный и просторный кабинет на втором этаже, куда вела витая лестница с большой статуей какой-то богини с лампой в руках в комплексе зданий в Большом Козловском переулке – вспоминаются как сон. И как сон, всё длилось недолго – грянули перемены и сон растаял как дым.

Но теперь не сон, а явь – я, уже 75-летний, снова в Центре японских исследований РАН среди своих старых и новых друзей. Круг замкнулся.

Задавали вопросы: *Е.Л. Катасонова, Ю.Д. Денисов*

Поступила в редакцию 07.12.2017

Интервьюируемый:

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Patina of my Memory

Interview with Konstantin O. SARKISOV

Received 07.12.2017

Respondent:

Sarkisov Konstantin O., PhD, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2017 год

Бабкова М.В. Проповедовать Закон Будды даже в уборной (к переводу трактата Догэна «Очищение») // Японские исследования. 2017. №1. С. 4–17.

Бакшеев Е.С. Учёный, опередивший своё время: к 125-летию со дня рождения Н.А. Невского (1892–1937) // Японские исследования. 2017. №4. С. 116–139.

Войтишек Е.Э., Речкалова А.А. Политические игры с благовониями: *даймё* Датэ Масамунэ и его увлечения изящными искусствами // Японские исследования. 2017. №3. С. 68–84.

Герасимова М.П. Имплицитность японского искусства. Причины и следствия // Японские исследования. 2017. №4. С. 62–79.

Дацышен В.Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири // Японские исследования. 2017. №2. С. 29–45.

Добринская О.А. Сато Наотакэ: путь дипломата // Японские исследования. 2017. №3. С. 51–67.

Ермакова Л.М. Некоторые материалы из архива Ореста Плетнера // Японские исследования. 2017. №3. С. 33–50.

Казаков О.И. К 60-летию Совместной декларации СССР и Японии 1956 года // Японские исследования. 2017. №1. С. 75–89.

Карташов К.М. «Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями о разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег» как источник по экспедиции А.К. Лаксмана (1792–1793 гг.) // Японские исследования. 2017. №4. С. 50–61.

Катасонова Е.Л. Куросава Киёси: на грани мистики и реальности // Японские исследования. 2017. №3. С. 4–15.

Катасонова Е.Л. Рихард Зорге: взгляд из XXI века // Японские исследования. 2017. №4. С. 106–115.

Киреева А.А. IX ежегодная конференция Ассоциации японоведов «Япония в эпоху великих трансформаций» // Японские исследования. 2017. №3. С. 100–104.

Кистанов В.О. Парламентские выборы в Японии: мотивы, итоги, последствия // Японские исследования. 2017. №4. С. 80–91.

Коляда М.С. О книге «Повесть о братьях Сога. Сога моногатари» // Японские исследования. 2017. №3. С. 105–111.

Коровин Н.М. Проблема привлечения прямых иностранных инвестиций в Японию (2000–2015 гг.) // Японские исследования. 2017. №1. С. 33–45.

Лебедева И.П. Япония: общество среднего класса // Японские исследования. 2017. №4. С. 33–49.

Маркарьян С.Б. Импортозамещение в аграрном секторе Японии // Японские исследования. 2017. №1. С. 46–59.

Мещеряков А.Н. О книге «Орден священного сокровища Сергея Елисеева» // Японские исследования. 2017. №1. С. 90–94.

Мещеряков А.Н. О книге «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР» // Японские исследования. 2017. №2. С. 92–96.

Мещеряков А.Н. О книге «Собрание песка и камней» // Японские исследования. 2017. №3. С. 112–115.

Нечаева Л.Т. Конференция молодых преподавателей японского языка // Японские исследования. 2017. №2. С. 87–91.

Нечаева Л.Т. О международной конференции преподавателей японского языка // Японские исследования. 2017. №4. С. 100–105.

Паксютов Г.Д. О японской киноиндустрии языком цифр // Японские исследования. 2017. №2. С. 46–58.

Полхов С.А. Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 1) // Японские исследования. 2017. №1. С. 60–74.

Полхов С.А. Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 2) // Японские исследования. 2017. №2. С. 4–19.

Саркисов К.О. Японская интервенция в Сибири. Прелюдия (Часть 1) // Японские исследования. 2017. №3. С. 16–32.

Саркисов К.О. Японская интервенция в Сибири. Прелюдия (Часть 2) // Японские исследования. 2017. №4. С. 5–18.

Симонова Е.В. Рётаро Сиба, Дональд Кин. Японцы и японская культура (Глава 3) // Японские исследования. 2017. №4. С. 19–32.

Симонова-Гудзенко Е.К. Японоведение в Европе: личности и институции // Японские исследования. 2017. №4. С. 92–99.

Сорокин С.А. Масштабы внешних миграций на острова Японского архипелага: период Яёй – начало VIII века // Японские исследования. 2017. №2. С. 20–28.

Стрельцов Д.В. Угрожает ли что-либо власти ЛДП? // Японские исследования. 2017. №2. С. 75–86.

Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах»: к понятию «доброты», *мэгуми* // Японские исследования. 2017. №2. С. 59–74.

Чиронов С.В. Ещё раз о японской коммуникации: типичные речевые тактики японцев в побудительном контексте // Японские исследования. 2017. №1. С. 18–32.

Malashevskaya M.N. Mongolia in Japan's Eurasian Policy (1997–2017) // Японские исследования. 2017. №3. С. 85–99.

Патина памяти. Интервью с Константином Оганесовичем Саркисовым // Японские исследования. 2017. №4. С. 140–164.

The bibliographic list of publications in “Japanese studies in Russia” for 2017

Babkova M.V. Preaching the Dharma Even In the Lavatory // Japanese studies in Russia, 2017, 1, p. 4–17.

Baksheev E.S. A Researcher Ahead of His Time: on the Occasion of the 125th Anniversary of Nikolai A. Nevsky’s (1892-1937) Birth. New Findings, Publications, Research // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 116–139.

Chironov S.V. Once again on Japanese Communication: Typical Japanese Speech Tactic in Directive Context // Japanese studies in Russia, 2017, 1, p. 18–32.

Datsyshen V.G. Completion of the “Siberian Expedition” in Transbaikalia. New documents on the History of Japanese Intervention in Siberia // Japanese studies in Russia, 2017, 2, p. 29–45.

Dobrinskaya O.A. Sato Naotake: the Way of a Diplomat // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 51–67.

Ermakova L.M. Selected Letters from Orest Pletner’s // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 33–50.

Gerasimova M.P. The Implicitness of Japanese Art. Causes and Consequences // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 62–79.

Kartashov K.M. «The Journal of the Russian Expedition to Japan with the Attachment of the Correspondence between the Head of the Expedition and the Coastal Authorities concerning the Permission to Enter Japanese Ports and Disembark the Crew» as a Primary Source on Adam Laxman’s Expedition (1792–1793) // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 50–61.

Katasonova E.L. Rihard Zorge: Casting a glance from the 21st Century // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 106–115.

Katasonova E.L. On the Verge of Mysticism and Reality // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 4–15.

Kazakov O.I. On the 60th Anniversary of the Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956 // Japanese studies in Russia, 2017, 1, p. 75–89.

Kireeva A.A. The 9th Annual International Conference of Association of Japanologists “Japan in the Epoch of Great Transformations” // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 100–104.

Kistanov V.O. Parliamentary elections in Japan: Motives, Outcomes, Consequences // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 80–91.

Kolyada M.S. On the Narrative “The Tale of the Soga Brothers” // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 105–111.

Korovin N.M. Attracting FDI to Japan (2000-2015): Issues and Solutions // Japanese studies in Russia, 2017, 1, p. 33–45.

- Lebedeva I.P.** Japan: Society of middle class // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 33–49.
- Malashevskaya M.N.** Mongolia in Japan's Eurasian Policy (1997–2017) // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 85–99.
- Markarian S.B.** Import substitution in Japanese Agriculture // Japanese studies in Russia, 2017, 1, p. 46–59.
- Meshcheryakov A.N.** About the book “Draw a camp. The language of injury in the recollections about the USSR of Japanese prisoners of war” // Japanese studies in Russia, 2017, 2, p. 92–96.
- Meshcheryakov A.N.** On the Book “Collection of Sand and Stones” // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 112–115.
- Meshcheryakov A.N.** On the book “The Order of the Sacred Treasure of Sergey Eliseev” // Japanese studies in Russia, 2017, 1, p. 90–94.
- Nechaeva L.T.** Conference of Young teachers of Japanese language (March 23-24 2017) // Japanese studies in Russia, 2017, 2, p. 87–91.
- Nechaeva L.T.** On the International Conference of Teachers of Japanese Language // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 100–105.
- Paksiutov G.D.** Japanese Cinema Industry in Figures // Japanese studies in Russia, 2017, 2, p. 46–58.
- Polkhov S.A.** The problem of authorship and genesis of *Koyogunkan* in Japanese historiography (Part 1) // Japanese studies in Russia, 2017, 1, p. 60–74.
- Polkhov S.A.** The Problem of Authorship and Genesis of *Koyogunkan* in Japanese Historiography // Japanese studies in Russia, 2017, 2, p. 4–19.
- Sarkisov K.O.** Japan's Intervention in Siberia. Prelude (Part 1) // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 16–32.
- Sarkisov K.O.** Japan's Intervention in Siberia. Prelude (Part 2) // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 5–18.
- Simonova E.V.** The People and Culture of Japan (Chapter 3). Conversations between Donald Keene and Shiba Ryotaro // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 19–32.
- Simonova-Gudzenko E.K.** Japanology in Europe: Individuals and Institutions // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 92–99.
- Sorokin S.A.** The extent of external migration on the island of the Japanese archipelago: Yayoi period – the beginning of the VIII century // Japanese studies in Russia, 2017, 2, p. 20–28.
- Streltsov D.V.** Is There Any Threat to the LDP Rule? // Japanese studies in Russia, 2017, 2, p. 75–86.
- Trubnikova N.N.** Jikkinshō: to the Concept of megumi [kindness] // Japanese studies in Russia, 2017, 2, p. 59–74.
- Voytishchik E.E., Rechkalova A.A.** Political games with incense: *daimyo* Date Masamune and his passion for Japanese traditional arts // Japanese studies in Russia, 2017, 3, p. 68–84.
- Patina of my Memory. Interview with Konstantin O. SARKISOV // Japanese studies in Russia, 2017, 4, p. 140–164.

Научное издание

Японские исследования
№ 4, 2017

Редактор русских текстов:	Е.В. Белилина
Редактор английских текстов:	Л.В. Овчинникова
Выпускающий редактор:	М.А. Кириченко
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Работа с сайтом:	О.И. Казаков
Дата публикации:	29.12.2017

Контакты:

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых
ИДВ РАН и Ассоциацией японоведов,
размещаются в электронных библиотеках со свободным доступом,
находящихся на сайтах данных организаций:
www.ifes-ras.ru и www.japanstudies.ru

www.ifes-ras.ru/js

日本研究